

СЕСТРЫ НОЧИ

*Страшнее истории я не слышала.
Я расскажу ее вам, мистер Хижок,
но прежде я должна кое о чем спросить.*

*Вы верите
в гудовицу?*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Annotation

Вся округа потрясена кошмарными событиями, произошедшими в мотеле «Тауэр». Женщина по имени Эми жестоко убила свою семью, а затем покончила жизнь самоубийством, оставив загадочную надпись на старом снимке своей матери: «29 номеров». Единственная выжившая – ее маленькая дочь Лу, которая сумела сбежать через окно и спрятаться на крыше. За расследование берется Джейсон Хок. Его жена Марго и ее сестра Пайпер дружили с Эми в детстве. Они обожали играть в мотеле «Тауэр», где всегда было 28 номеров. Джейсон чувствует, что это неспроста, и вскоре начинает подозревать, что Марго и Пайпер что-то скрывают.

- [Дженнифер Макмахон](#)
 -
 - [2013](#)
 - [Эми](#)
 - [Джейсон](#)
 - [Пайпер](#)
 - [1955](#)
 -
 - [Роуз](#)
 - [Роуз](#)
 - [Роуз](#)
 - [2013](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Пайпер](#)
 - [1989](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Джейсон](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Джейсон](#)
 - [2013](#)
 - [Джейсон](#)
 - [1955](#)
 -
 - [Роуз](#)
 - [Роуз](#)

- [Пайпер](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Джейсон](#)
 - [Роуз](#)
 - [1961](#)
 -
 - [Роуз](#)
 - [2013](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Марго](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Джейсон](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Джейсон](#)
 - [Пайпер](#)
 - [Джейсон](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Дженнифер Макмахон

Сестры ночи

Jennifer McMahon
THE NIGHT SISTER

Copyright © 2015 by Jennifer McMahon

This edition published by arrangement with Writers House LLC and
Synopsis Literary Agency

© Стрепетова М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2017

* * *

2013

Эми

У Эми бешено стучит сердце, кожа липкая от пота.

«Сосредоточься», – говорит она себе.

«Не думай о том, что в башне».

Иначе ничего не выйдет.

Эми смотрит на фотографию, на старый черно-белый снимок, который она почти тридцать лет прятала в ящике прикроватной тумбочки. Фотография потрескалась и выцвела, один из уголков оторвался.

На снимке ее мать Роуз и тетя Сильви – совсем юные, обе в наглаженных летних платьицах, стоят перед вывеской с надписью: «Знаменитый куриный цирк Лондона». У каждой в руках по перепуганной курице. У мамы Эми, той, что с темными растрепанными волосами, взгляд усталый и хмурый, а Сильви вся сияет – она обязательно поедет в Голливуд, когда станет взрослой. Ее светлые волосы идеально уложены, как у кинозвезды, глаза блестят.

На обороте дата: июнь 1955 года. Если бы только Эми могла вернуться в прошлое, поговорить с этими девчушками, предупредить о том, что ждет их впереди. Сказать, что однажды наступит момент, когда Эми останется совсем одна и будет готова совершить ужасный поступок, потому что другого выбора просто нет.

Эми прикусывает губу. Что подумают люди, когда ее не станет?

Что она была сломлена, что у нее поехала крыша. (А разве не все женщины таковы? Слово бомбы замедленного действия? Особенно женщины вроде нее, которые получают еду в столовой для бедных и одевают детей в старые лохмотья не по размеру.)

«Что пошло не так?» – шепотом спросят они друг у друга, выбирая артишоки и авокадо в магазинах.

«Что за чудовищем она была?» – зададутся они вопросом после пары бокалов вина, сидя в своих опрятных гостиных в ожидании встречи книжного клуба.

Только эти люди ничего не знают о настоящих чудовищах. И никогда не встанут перед выбором, который сделала Эми.

На кухне гудят и моргают лампы дневного света. Сделав глубокий вдох, Эми выглядывает в окно. За гравийной дорожкой, за двумя рядами разрушенных, с проваленной крышей номеров мотеля возвышается башня. Пугающее строение из камня и бетона возвел дедушка много лет назад в

подарок бабушке Шарлотте. Ее собственный лондонский Тауэр.

Эми часто думает о том давнем лете, когда ей было двенадцать. Вспоминает Пайпер и Марго и тот день, когда они обнаружили чемодан. День, который все изменил.

Где теперь Пайпер? Где-то среди пальм и гламурных жителей Калифорнии, живет жизнью, о которой Эми может только мечтать. Вот бы сейчас поговорить с подругой, довериться ей, попросить прощения: «Пойми, я должна это сделать».

Если рассказать Пайпер и Марго про все, начиная с того чемодана, то, возможно, они поймут.

Как же их предупредить?

Глядя на старый снимок, Эми достает из кухонного шкафчика черный маркер и второпях пишет что-то внизу, прямо поверх куриц и летних платьев. Засунув фото в задний карман, она подходит к окну.

Часы на плите показывают 00:15.

Из башни появляется тень.

Времени больше нет.

Эми запирает входную дверь на засов (глупость какая, засов не поможет) и берет из кладовки старое дедушкино ружье. С ружьем в руке идет вверх по лестнице, по которой ходила всю свою жизнь. Здесь слышны давние шаги и шепот Пайпер и Марго – как и много лет назад, девочки просят забыть все, говорят, что двадцать девятого номера нет.

Эми медленно поднимается по ступенькам – спокойно, только не беги, иначе всех разбудишь. Что подумает Марк, если проснется и увидит, как жена крадется на второй этаж с ружьем в руках? Бедняга Марк, он ни о чем не подозревает. Можно было бы рассказать ему о секретах мотеля, но это слишком опасно.

Под ногами скрипнули потертые половицы, и Эми вспомнила песенку, которую разучила когда-то с бабушкой:

*Однажды Смерть постучится к тебе.
Ты узнаешь лицо, вы встречались.
Ты видел ее в том кошмарном сне,
И ступени заскрежетали.*

*Зеркало в руки берешь и уже
Тверд в своем убежденье:
Смерть – это ты, а ты – это смерть,
Нужны ли еще подтвержденья?*

Джейсон

Вызов поступил в 00:34 – женщина сообщила, что слышала выстрелы и крики у старого мотеля «Тауэр».

Джейсон уже надевал пальто, когда вдруг замер: сердце ледяной хваткой сжало от ужаса.

Эми.

Хотя его смена закончилась и на вызов поехали Рэйниер и Маклеллан, Джейсон все равно решил заглянуть туда по дороге домой. Всего на пару минут. Конечно, лучше бы просто сесть в пикап, отправиться домой и залезть в постель к Марго. Обнять ее, положить руку на живот и почувствовать, как толкается во сне ребенок.

Но *лучше* – одно, а *надо* – другое. Поэтому, едва услышав о вызове, Джейсон понял, что ему надо в мотель. Проверить, все ли в порядке с Эми.

Он доехал за десять минут, и фары осветили выцветшую вывеску с надписью: «Мотель «Тауэр», 28 номеров, бассейн, мест нет». Свернув на гравийную дорожку, Джейсон миновал покосившуюся башню и обветшалые номера мотеля, в которых мальчишкой любил прятаться. Откуда такая слабость в теле?..

Идиот.

Полицейская машина Рэйниера и Маклеллана стояла в самом конце подъездной дорожки, дверь в дом Эми была нараспашку. Во всех комнатах горел свет, и дом казался каким-то неправильным, чересчур ярким, как затмение, на которое опасно смотреть.

Джейсон был здесь всего неделю назад. Эми ни с того ни с сего позвонила ему в участок, попросила приехать – ей, мол, очень нужно с кем-то поговорить. Джейсон удивился – при встрече они с Эми лишь обменивались дежурными приветствиями, а последний раз по-настоящему разговаривали еще в школе, в старших классах.

– Могу заехать в обед, – не раздумывая, ответил тогда он.

Джейсон безумно хотел ее увидеть и весь засиял, точно новогодняя елка. Как же, ведь Эми обратилась именно к нему!.. Впрочем, отчасти он понимал, что так не должно быть. Марго ужасно огорчится, если узнает, так что лучше ей не знать. Он просто не станет рассказывать; подумаешь, повидал давнюю подругу, что плохого? И все же чувство вины свербело в голове назойливым комаром. *У тебя есть любимая жена и скоро будет ребенок. Какого черта ты творишь?*

Стоя в дверном проеме, Джейсон услышал какой-то стон. По телу пробежала дрожь. Он расстегнул кобуру и зашел в дом. Кладовая в прихожей была открыта, внизу валялась обувь, а над ней висели дождевики и грязные толстовки. Джейсон заметил маленькие розовые кроссовки с блестками, изношенные рабочие ботинки большого размера – видимо, обувь Марка, мужа Эми – и кожаные шлепанцы, которые были на Эми, когда на прошлой неделе она встретила Джейсона у входа. «Джей-Джей, – сказала она и слегка неуклюже обняла его, пролив кофе из кружки. – Я так рада, что ты приехал».

Джейсон осмотрелся. Справа гостиная, слева кухня, прямо перед ним – лестница. В доме стоял запах плесени, как в развалинах. Обои свисали со стен, будто отодранные куски кожи. Тускло-коричневый ковер (не исключено, что когда-то прежде белый) был прожжен и заляпан пятнами, а местами протерся до дыр.

Неделю назад ничего подобного он здесь не заметил.

Затрещала рация. Дуг Рэйниер был наверху, и Джейсон сначала услышал его дрожащий голос со второго этажа, а мгновение спустя слова механическим эхом отдались в рации.

– Здесь трое, – сказал Дуг. – Все мертвы. – И тихо добавил: – Вот черт.

Не успел Джейсон осознать доклад Рэйниера, как его тело уже переполнил адреналин. Держа правую руку на пистолете, он взлетел по лестнице, перешагивая через две ступеньки за раз.

Эми.

Где же Эми?

От увиденного наверху едва не подкосились ноги. Пришлось опереться о стену, чтобы не упасть.

Столько крови...

От выстрелов такого не бывает.

Весь коридор был забрызган красным. Дуг Рэйниер опустился на колени рядом с одной из жертв, его жутко рвало. Тело лежало лицом вниз, светлые волосы разметались вокруг головы, рядом было ружье и целое кровавое озеро. Резкий металлический запах ударил в нос и наполнил рот.

– О господи, – выдохнул Джейсон и сполз вниз, привалившись к стене.

Хотя лица не было видно, он все равно знал, что это она и что она мертва. У ее локтя Джейсон увидел клочок бумаги. Наклонился поближе – нет, это не бумага, а старая фотография. Черно-белый снимок с двумя маленькими девочками и надписью черным маркером: «29 номеров». Он непонимающе посмотрел на фото – надпись должна что-то значить, на что-то намекать, – затем перевел взгляд на руку Эми, бледно-восковую. На

пальцах блестели кольца – обручальное и подаренное на помолвку; он видел их на прошлой неделе, когда Эми, сидя за кухонным столом, взяла его за руку.

«Мне больше некому об этом рассказать, Джей-Джей, – сквозь слезы проговорила она. – По-моему, я схожу с ума».

– Хок? – позвал кто-то. Из спальни в другом конце коридора вышел Брюс Маклеллан. – Какого хрена ты тут делаешь?

Джейсон не мог ни говорить, ни дышать, ни отвести взгляд от Эми.

«Помнишь, Джей-Джей, в детстве ты оставлял мне зашифрованные записки?» – спросила Эми, и он кивнул. Конечно же, помнил. Он ничего не забыл.

«Иногда я делала вид, будто не понимаю, что в них. На самом деле я всегда знала, что ты мне написал».

– Хок, сюда, немедленно! – рявкнул Маклеллан, и Джейсон наконец отвернулся от тела и пошел дальше по коридору, хотя по-прежнему думал об Эми.

Пушистый розовый коврик на белом полу спальни, комод, на котором выстроилась коллекция стеклянных и пластиковых обитателей джунглей, кровать с откинутыми в сторону подушками, розово-фиолетовое одеяло в горошек и свалившиеся на пол мягкие игрушки. Когда-то это была комната Эми. Мальчишкой он прятался в тени на дорожке перед домом и смотрел на мансардное окно.

Маклеллан стоял посреди комнаты, обеими руками сжимая пистолет. Кивком он показал на пол: небольшие кровавые следы вели к открытому окну.

– Там что-то есть. – Голос Маклеллана был полон ужаса, по его раскрасневшемуся лицу стекал пот. – На крыше.

Джейсон кивнул и медленно подошел к окну, дрожащими руками держа перед собой пистолет. Прижался спиной к стене слева от открытого окна.

Тихий стон. Хныканье. На крыше.

Вдалеке взвыли сирены. Скоро придет подкрепление. Можно подождать, но вдруг там раненый?

– Полиция! – крикнул Джейсон. – Мы знаем, что вы там. Живо вниз и держите руки на виду.

Послышались звуки возни и топот, но никто не появился.

– Я на крышу, – одними губами проговорил Джейсон. Маклеллан кивнул, по-прежнему целясь в открытое окно.

С пистолетом в руке Джейсон шагнул в окно и вышел на крышу, тут

же пригнулся и посмотрел сначала направо, затем налево.

В темноте мелькнули глаза и светлые волосы.

Он выронил пистолет; тот стукнулся о крышу и с грохотом соскользнул вниз. Эми? Не может быть, но это она, прямо как в их первую встречу. Те же тонкие ножки и взъерошенные волосы.

Джейсону будто вновь стало двенадцать, – долговязый неуклюжий мальчишка стоит и смотрит на девочку, знающую самые невероятные секреты.

– Хок? – крикнул изнутри Маклеллан. – Что там у тебя?

Джейсон поморгал, чтобы глаза привыкли к темноте, и снова глянул на маленькую девочку. Похожа на Эми, но не она. Ее дочь. Девочка сидела на корточках рядом с обрушенным дымоходом, держась за него одной рукой, чтобы не упасть. Спутанные светлые волосы, дрожащие губы, полный ужаса взгляд. Светлая пижама сияла в лунном свете.

– Я Джейсон, помнишь? – сказал он и протянул руку. – Я вытащу тебя отсюда.

Пайпер

Пайпер недовольно смотрела на огромный провал в ее крошечном заднем дворе.

Она вложила в этот дворик столько сил! Выдернула чахлую траву и засадила все засухоустойчивыми растениями – очитком, шалфеем, овсяницей, оленьей травой, мальвой. Собственными руками украсила тропинку к небольшому патио под деревом авокадо, где так приятно посидеть с хорошей книгой и бокалом совиньон-блан.

А теперь здесь дыра. Прибежали встревоженные соседи – нет ли угрозы дальнейшего обрушения? Неужели мы все провалимся? Явилась и беременная Марго с огромным животом и теперь ходила, раскачиваясь, как пьяный пингвин.

Джейсона с ней не было, что раздражало, но не удивляло Пайпер.

– Осторожно, – сказала она сестре, когда под землю ушло авокадовое дерево. Зря, лучше бы промолчала, ведь, обретая форму в виде мыслей и слов, твои худшие страхи могут воплотиться в жизнь.

Как нарочно Марго подошла слишком близко к краю. Пайпер хотела остановить ее, но было поздно. Разрастающаяся дыра грозила поглотить все на своем пути, и сестра Пайпер тоже провалилась – так глубоко, что даже крики не доносились.

Вдалеке завывала сирена. Какая-то странная, похожая на музыку.

Пайпер открыла глаза и поняла, что лежит в кровати.

Она перевернулась на бок и посмотрела на часы. 4:32 утра. На телефоне играла песня Мадонны «Like a Prayer» – такой рингтон у нее стоял на звонок Марго.

– Господи. – Пайпер вскочила с кровати, думая только об одном: «Ребенок». В Вермонте сейчас 7:30, Марго не стала бы звонить так рано по пустякам.

Пайпер схватила телефон.

– Марго? – ответила она, боясь, что на том конце провода окажется Джейсон с плохими новостями. С ужасными. «Мы потеряли их обеих», – скажет он. Пайпер с дрожью вспомнила кошмар, в котором она тщетно пыталась вытащить упавшую под землю сестру.

– Привет. – Это была Марго, и на сердце сразу полегчало. Однако голос сестры звучал напряженно, и Пайпер снова разволновалась. – Прости, что разбудила. Тут кое-что произошло.

– С ребенком?

Шел восьмой месяц ее третьей беременности. Сначала был выкидыш на шестнадцатой неделе, а во второй раз мальчик, которого уже назвали Алексом, родился мертвым на тридцатой неделе. Марго с Джейсоном не отчаивались, хотя Марго сказала, что если она потеряет и этого ребенка, то третья попытка станет последней. Больше она просто не выдержит.

– Нет, нет. С ребенком все хорошо.

– Что-то с Джейсоном?

– Нет, не с Джейсоном. С Эми. Она... боже, Пайпер, это кошмар. – Марго заплакала.

– Господи, что произошло?

Пайпер щелкнула выключателем и заморгала от яркого света. Комната ожила – огромная кровать с белоснежным одеялом, старое кресло-качалка в углу, комод из кленового дерева, а над ним зеркало. Пайпер увидела в нем свое бледное и встревоженное лицо; из-за белой ночной рубашки она вообще походила на призрачное бестелесное видение.

Сестра всхлипывала и говорила бессвязно, ее голос дрожал:

– Вчера ночью в мотеле... говорят, Эми убила Марка и их малыша Леви, а потом застрелилась. А Лу, так вроде зовут ее дочь, жива. Бедняжка вылезла через окно и пряталась на крыше – там полицейские ее и нашли. Не представляю, как она... что она... – Марго не договорила.

Пайпер не могла сдвинуться с места. Не могла вздохнуть.

– Эми не просто застрелила их, – продолжила Марго. – Там... настоящая резня. Зверское убийство.

Марго опять начала всхлипывать.

Надо сделать глубокий вдох. Сквозь шок и боль утраты наружу пробиралось другое чувство – страх.

Пайпер посмотрела на фото в рамке: улыбчивая Эми, вся в веснушках, повисла на плечах у Марго и Пайпер. Все трое выглядели невероятно счастливыми и широко улыбались, сидя на дне пустого бассейна; на ногах у них – белые роликовые коньки с яркими застежками. Этот снимок стоял в спальне Пайпер в детстве, затем переехал в ее комнату в студенческом общежитии, побывал во всех квартирах и домах, где она жила.

– Когда ты в последний раз говорила с Эми? – Из-за потрескиваний на линии голос сестры звучал, будто из слабенькой рации.

– Давно, – ответила Пайпер.

Голова кружилась, к горлу подступала тошнота. А с ней и чувство вины. Марго просила ее связаться с Эми и все наладить, только вот Эми ясно дала понять, что после того лета не намерена с ней дружить. Они не

забыли друг друга, изредка обменивались рождественскими открытками с дежурными поздравлениями, а Эми еще и присылала снимки своих детей в неестественных позах на фоне ярких декораций. Они добавили друг друга на Фейсбуке и то и дело собирались увидеться, но когда Пайпер раз в пару лет приезжала в Лондон навестить Марго, выкроить время никак не выходило – то Эми работала, то ее дети болели. В общем, встрече постоянно что-то мешало. «В следующий раз, – обещали они друг другу. – В следующий раз».

Может, Марго права? Надо было попробовать все наладить. Надо было позванивать Эми, узнавать, как дети, как на работе у Марка, говорить на женские темы. Пайпер часто себе это представляла. Она годами вела с Эми вымышленную беседу. В ее мыслях именно Эми первой узнавала обо всем в жизни Пайпер: о ее связях, об успешном развитии студии видеопроизводства, которую Пайпер со своей подругой Хелен основала шесть лет назад, об ужасе, что охватил Пайпер в прошлом году, когда в груди у нее обнаружили опухоль, но в итоге она оказалась доброкачественной. Только в действительности Пайпер так ни разу и не набрала ее номер. Продолжать мысленные разговоры с подругой было легче и приятнее, ведь это была Эми из ее детства, а не взрослая Эми с двумя детьми, чьи имена Пайпер никак не могла запомнить и чьего мужа она знала только по фотографиям в Фейсбуке.

Пайпер внимательно смотрела на снимок, стараясь вспомнить тот самый день, однако в голове всплывал только стук роликов по дну бассейна и запах духов «Лавз Бейби Софт». Когда Эми обнимала ее за плечо, Пайпер чувствовала себя неуязвимой. Кто же сделал эту фотографию? Скорее всего, бабушка Эми. Снято под странным углом, как будто в тот день земля сошла со своей оси.

– Джейсон сказал еще кое-что, – дрожащим голосом сказала Марго.

Джейсон был одним из шести полицейских в их крошечном участке. Как в городке, где самым серьезным преступлением была незаконная охота на оленей, справятся с жутким убийством и самоубийством?

– Что?

– Он нашел старый снимок рядом с... местом преступления.

– Снимок?

– Ага. Тот, летний. Помнишь?

– Да, – выдохнула Пайпер. Она помнила, даже слишком хорошо. На нем мама Эми и тетя Сильви, одетые в старомодные платья девчонки прижимают к себе куриц. Фото было сделано за много лет до исчезновения Сильви.

– Так вот, на нем что-то было *написано*. В новостях об этом пока не сообщали. Никто не может понять, что значит эта надпись. В полиции считают, что Эми просто сошла с ума. Джейсон поинтересовался у меня смыслом этих слов, и я ответила, что не знаю. Боюсь, он понял, что я вру.

У Пайпер пересохло в горле.

– Что там написано?

После долгого молчания сестра наконец ответила:

– 29 номеров.

– Боже. – Пайпер сделала вдох, комната словно закружилась... Ей снова двенадцать, и она катается на роликах по дну старого бассейна с треснутым цементом и облупившейся краской. Марго задом наперед нарезает круги вокруг бассейна, а Эми отчаянно шепчет на ухо Пайпер свой секрет, обдавая ее жарким дыханием...

– Вылетаю первым же самолетом. Без меня ничего не предпринимай. И никому ничего не говори, пока я не приеду. Даже Джейсону. Обещаешь?

– Обещаю, – ответила Марго. Ее голос парил где-то далеко, точно воздушный змей на конце длинной веревки, за которую Пайпер едва могла удержаться.

1955

Мистеру Альфреду Хичкоку
«Парамаунт пикчерс»
Голливуд, Калифорния
3 июня 1955

Уважаемый мистер Хичкок!

Меня зовут Сильвия Слейтер, и мне одиннадцать лет. Я живу в Лондоне, штат Вермонт, у моей семьи здесь мотель под названием «Тауэр» на десятом шоссе. Я учусь на «отлично», и моя учительница, миссис Олсон, говорит, что я читаю и пишу на уровне старшеклассников. Я помогаю папе с учетом, и иногда он разрешает мне написать итог за день в нашей большой бухгалтерской книге.

Когда я вырасту, я хочу стать актрисой. Или даже режиссером, как вы. Бывают ведь женщины-режиссеры? Моя сестра Роуз считает, что нет, но ей всего восемь.

Роуз, признаюсь, немного странная. Все время подглядывает за мной, надоело уже. Мама считает, что Роуз просто завидует, а отец говорит: у нее слишком богатое воображение. Бегает по мотелю в оборванных платьях, вся взъерошенная, а ее лучший друг на всем свете – грустная старая корова по имени Люси. И она имеет наглость называть меня глупой, потому что я хочу стать актрисой.

Я завела альбом для вырезок и клеиваю туда фотографии знаменитых актеров и актрис. Иногда я показываю альбом дяде Фентону. Вы его любимый режиссер. Он видел все ваши фильмы. Это он предложил написать вам, ведь у меня есть идея для фильма. Только предупреждаю, будет очень страшно.

Ома – это мама моей мамы – приезжала к нам в прошлом году из самой Англии. Она рассказывала нам с Роуз жуткие истории. Роуз они понравились, а мне нет. У меня потом были кошмары.

Один рассказ я никогда не забуду, потому что Ома поклялась, что это правда. Страшнее истории я не слышала.

Я расскажу вам ее, мистер Хичкок, но прежде я должна кое о чем вас спросить.

Вы верите в чудовищ?

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе № 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Сильви сдвинула штору, которую они повесили на бельевую веревку у дома, и вышла на сцену.

– Леди и джентльмены, добро пожаловать в единственный и неповторимый «Знаменитый куриный цирк Лондона»!

Она опустила иглу на пластинку в граммофоне, и заиграла песня «Sh-Boom, Sh-Boom». Сильви начала покачиваться взад-вперед, и ее светлые кудряшки в такт подпрыгивали, закрепленные простыми белыми заколками. Перед представлением она накручивала их на бигуди, чтобы быть похожей на актрису Дорис Дэй.

Роуз вытерла пот со лба и отдернула штору, за которой скрывались зрители: мама с папой, дядя Фентон, любитель рыбной ловли Билл Новак, скромная пара молодоженов, направлявшаяся в Новую Шотландию на медовый месяц, и семья из Нью-Джерси – родители с двумя детьми, мальчиком и девочкой, они ехали отдыхать с палатками в Мэн. Сестры выступали и для более многочисленной публики, но сегодня тоже было неплохо, тем более для четверга. Вот завтра и в субботу, когда в мотеле полно постояльцев, зрителей будет много. Папа считал, что каждое выступление важно, даже если на тебя смотрит всего один человек.

– Никогда не знаешь, кем окажется твой единственный зритель, – говорил он девочкам. – Может, он искатель талантов. Или журналист. Может, у него сотня друзей и, вернувшись домой, он всем расскажет про мотель и про ваше выступление. – Папа сидел в первом ряду, наклонившись вперед, и внимательно смотрел на них своим здоровым глазом, а другим щурился – второй глаз различал только силуэты. На нем была рубашка с закатанными рукавами, в кармане лежали пачка «Лаки Страйк», ручка, карандаш и маленький блокнот.

Роуз считала папу самым красивым мужчиной в мире. Сильви говорила, что он вылитый Кэри Грант, о котором она любила читать в газетах и журналах, оставленных жильцами. Она выпросила у папы подписку на «Лайф» и штудировала журнал, который каждую неделю присылали почтой, от корки до корки. На этой неделе писали про «Парней и куколок – новый фильм с Фрэнком Синатрой и Марлоном Брандо в главных ролях.

Если его будут показывать в Лондоне – и если мама и папа разрешат, – Сильви уговорит дядю Фентона сводить ее в субботу на дневной сеанс.

Фентон тоже любил кино и часто ходил в кинотеатр. После сеанса они с Сильви долго и оживленно обсуждали режиссеров и актеров, а порой он подробно, сцена за сценой, пересказывал ей фильмы, которые родители запрещали смотреть. Это Фентон подал ей идею завести альбом для вырезок, и Сильви часами листала журналы и газеты, вырезала снимки любимых звезд и клеивала в альбом. А еще она составляла списки фильмов, которые она уже видела и которые хотела посмотреть, и даже придумывала идеи для собственного кино.

Изредка Роуз тоже разрешали пойти с ними, однако чаще родители говорили, что она еще маленькая, и Роуз оставалась помогать маме по дому. Честно говоря, Роуз была не против. Иногда мама рассказывала, как она встретила папу, и эта история была как в кино.

Роуз нравилось представлять родителей на большом экране. Папин самолет сбили, и вот он лежит в английском госпитале, раненный и падший духом, но по-прежнему красивый, а мама, похожая на ангела в наглаженном белом халате, меняет повязку на его больном глазу.

– Я уже был в отчаянии, – рассказывал он девочкам свою версию, когда они просили. – Не хотел возвращаться домой и доживать остаток жизни полуслепым фермером. И тут я встретил ее. Я никогда не видел никого красивее вашей мамы Шарлотты.

При этих словах Роуз улыбалась, представляя, как мама, молодая и хорошенькая, появляется в фильме, и наступает переломный момент. Когда он так говорил, Роуз воображала, что в джунглях, у самого края водопада, папа находит единственную в своем роде орхидею, осторожно выкапывает ее, пересаживает в горшок и приносит домой, надеясь, что при нем она будет пышно цвести.

– Я спросил маму, откуда она. Она ответила: «Местная, из Лондона». А я рассмеялся и сказал: «Не поверишь, я тоже».

– Очень романтично, – говорила Сильви. – Парень из Лондона встречает девушку из Лондона. Это судьба.

«Жизнь была бы сном, покажи я тебе рай», – звучала песня на переносном граммофоне, который Сильви взяла из спальни.

– Встречайте мисс Матильду, звезду нашего шоу! – Сильви вывела на сцену толстенькую курицу породы род-айланд, подманивая ее изюмом. Матильда шла за Сильви к деревянной постройке, которую они соорудили из двух бревен в метре друг от друга. К каждому бревну вела лесенка, сверху был настил. Настоящий смертельный номер, только в цирке используют натянутую проволоку, а у них была тоненькая деревяшка – им не удалось научить курицу ходить по веревке.

Подгоняемая Сильви, Матильда залезла наверх по лестнице слева, прошла по жердочке к соседнему бревну, спустилась и клювом звякнула в колокольчик, который висел внизу.

Зрители радостно аплодировали. Сильви заставила Матильду поклониться, и аплодисменты зазвучали еще громче. Заколотые волосы Сильви растрепались и падали на глаза. Мальчик, сын постояльцев, сидел на самом краешке стула и зачарованно смотрел на Сильви. Сильви действовала на зрителей так же, как на цыплят: они не сводили с нее глаз, готовые выполнить любую просьбу.

Пусть сестра и была способна околдовывать кур и вообще всех вокруг, на Роуз Слейтер ее чары не действовали.

На Рождество дядя Фентон подарил Сильви книгу «Искусство и наука гипноза», и сестра внимательно прочитала ее, подчеркивая отдельные абзацы и делая пометки на полях. Фентон думал, что некоторые методы помогут ей в дрессировке птиц, однако Сильви не остановилась на курах и хотела испытывать свои навыки на Роуз.

– Следи за моим пальцем. Твои веки тяжелеют, ты засыпаешь. Я буду считать от десяти до одного, и когда я скажу «один», ты крепко уснешь, но будешь слышать все, что я говорю.

Ничего не выходило, Роуз лишь притворялась спящей. Она следила за пальцем Сильви, закрывала глаза, говорила и двигалась так, словно была в трансе. Роуз бормотала странные вещи, кудахтала, как цыпленок, делала все, что прикажет сестра. Ведь открыв глаза, она в любой момент может испортить игру, и окажется, что умница Сильви, красивая и изящная, просто так размахивала в воздухе своим дурацким пальцем.

Сама Роуз была полной противоположностью Сильви: крупная и неуклюжая, с темными волосами, которые вечно путались. На таких детях не задерживают взгляд, и Роуз короткой нескладной тенью пряталась за Сильви и показывала людям язык, если была уверена, что никто не заметит.

Пока Сильви и Матильда кланялись зрителям, Роуз готовила следующий номер с курицей породы плимутрок по имени Петунья: Роуз научила ее ездить на металлическом роликовом коньке, который она катила на веревочке. Лучше всего удался наряд – клетчатое платьице и шляпка-таблетка, приколотая к перьям.

– Вперед, девочка, – прошептала Роуз курице и погладила ее на удачу. Потом схватила из упаковки горсть изюма и под дребезг металлических колес вывезла Петунью на сцену.

Дядя Фентон одобрительно засвистел. На самом деле он приходился папе дальним родственником и был намного моложе – ему недавно

исполнилось девятнадцать. Дядя Фентон был, как обычно, одет в синие рабочие брюки, массивные черные ботинки и заляпанную белую футболку, из закатанного рукава которой торчала пачка сигарет. В заднем кармане он всегда носил с собой какую-нибудь тоненькую книжку в мягкой обложке, купленную в магазине «Все по десять центов», – научно-фантастический или детективный роман, а иногда вестерн. Дядя Фентон занимался в мотеле мелким ремонтом и жил за их домом в трейлере, за который платил с папиной помощью. Если Фентон не был занят чтением, ремонтом или стрижкой газона, он собирал мотоцикл. Иногда девочки помогали ему, и дядя обещал прокатить их, когда мотоцикл будет на ходу – может, он даже приделает коляску, чтобы поехать втроем.

Теперь из клетки за занавесом выпустили большую черную курицу по имени Солнышко, и все три птицы стали танцевать под руководством девочек, которые направляли их с помощью изюма. Одетые в шляпки и шелковые шарфики, курицы неуклюже натыкались друг на друга.

– И в заключение, – объявила Сильви, – с помощью гипноза я усыплю всех трех кур. Я прошу полной тишины. Смотрите и изумляйтесь.

Роуз крепко держала Матильду и Петунию рядом. Сильви придерживала Солнышко левой рукой, а в правой у нее была белая палочка (Сильви называла ее «волшебной куриной палочкой»), которой она описывала круги перед птицами. Потом она стала чертить прямые линии перед каждой курицей. Те следили за нарисованными на земле линиями, постепенно расслабляясь и замирая на месте. По одной Сильви подняла куриц и положила на спину, и они так и лежали лапками кверху. Зрители восхищенно ахнули. Сильви ответила гордой улыбкой, а затем щелкнула пальцами и громко сказала: «Проснитесь!» – и курицы вскочили и побежали в разные стороны.

– Та-дам! – Сильви отвесила низкий поклон, все еще держа куриную палочку в правой руке.

Мама выдергивала нитку из края платья, не глядя на дочерей, зато папа с широкой улыбкой девочкам аплодировал, а дядя Фентон громко смеялся, хлопая себя по коленям. Молодожены вежливо поаплодировали и ушли в свой номер. Домохозяйка из Нью-Джерси взяла мужа за руку, а тот улыбнулся ей, как бы говоря: «Невероятно!» Их обручальные кольца блестели на солнце. Маленькая девочка сказала брату: «Надо завести кур, когда приедем домой»; их родители засмеялись.

– Отличное представление, дочки, – сказал папа. Он достал из кармана блокнот и что-то быстро записал. У папы всегда были отличные идеи: как заработать денег, расширить и улучшить мотель и вообще изменить мир.

– Пойду готовить ужин. – Мама с опаской глянула на курицу в руках Сильви. Мама не очень-то любила цыплят. Она считала их глупыми и грязными птицами и иногда пугала девочек, что от кур можно подцепить какую-нибудь палочку. Роуз не представляла, что мама имела в виду и при чем здесь вообще палочки.

– Сегодня у меня газетный вечер, – напомнила им мама. По четвергам после ужина девочки прибирали на кухне и сами укладывались спать, пока папа присматривал за мотелем. Мама уходила на собрание: вместе с другими членами женского клуба Лондона они выпускали еженедельную газету «Лондонский глашатай» с новостями, рецептами и объявлениями. Мама была редактором, и каждый четверг на собрании обсуждались идеи для следующего номера.

Сильви пошла к загону коровы Люси и разрешила детям постояльцев погладить Петунию, пока папа болтал и курил с их отцом. Они говорили о том, что здесь опять строят трассу и через Лондон вскоре пройдет магистраль от деревушки Уайт-Ривер-Джанкшн до самой канадской границы. Покачав головой, папа тихо сказал:

– Нашему городу от этого только проблемы. Люди перестанут ездить по десятому шоссе.

Мальчик, гладивший Петунию, подошел так близко, что почти касался сандалий Сильви носками своих кед. Он дотронулся до ее руки, и Сильви ответила улыбкой.

– Как ты это делаешь? – спросил мальчик. – Как гипнотизируешь кур?

– Нужно много практики, – ответила Сильви.

– А людей тоже можешь?

– Конечно. Я все время делаю так с сестрой.

– А меня загипнотизируешь? – Его глаза блестели.

– Не знаю, – сказала Сильви. – Может быть.

Младшая сестра мальчика протягивала руку сквозь деревянное ограждение, чтобы погладить Люси. К забору была прибита табличка, на которой папа написал:

«КОРОВА ЛЮСИ РОДИЛАСЬ ОСЕНЬЮ 1943 ГОДА. НА ЛЕВОМ БОКУ У НЕЕ ПЯТНО В ФОРМЕ ШТАТА ВЕРМОНТ».

Корова лизнула руку девочки своим огромным языком. Малышка засмеялась.

– Она родилась в один день с моей сестрой, 16 сентября 1943 года, – сказала Роуз. – Сильви и Люси прямо как близняшки. – Роуз погладила Люси по ее счастливому пятну, накрыв рукой весь Вермонт. – Папа говорит, когда родилась корова, у него было видение. Он увидел мотель, башню и

загон Люси. Папа знал, что сюда приедут люди. И он не ошибался, ведь вы здесь.

– Это твой папа построил ту большую башню? – спросила девочка. Строеение из камня и бетона было десять метров в высоту и четыре метра в ширину.

– Да, в год моего рождения, – ответила Роуз. – Он все делал сам: мешал цемент в тачке, таскал камни со склона горы.

– Это был подарок для нашей мамы, – объяснила Сильви. – Она англичанка, и чтобы она меньше скучала по дому, папа построил ей собственный лондонский Тауэр.

– Классное место. Поверить не могу, что вы здесь живете. У вас есть башня, бассейн и целый мотель.

– И Люси, – добавила Роуз.

– Какая мягкая, – сказала девочка, поглаживая корову.

– Вот бы жить тут и никуда не уезжать, – сказал ее брат.

– Знаю, – ответила Роуз. – Нам очень повезло.

– Однажды я уеду. – Сильви опустила Петунию на землю. Куры начали клевать что-то в земле. – Когда я вырасту, я уеду в Голливуд.

– В Голливуд? – усмехнулась Роуз. – Ты поедешь в Голливуд?

– Зачем? – спросил мальчик.

– Чтобы сниматься в кино, – ответила Сильви.

– Ты точно станешь звездой, – улыбнулся мальчик.

Над ними пролетела бабочка-монарх. Никто, кроме Роуз, ее не заметил. Бабочка запорхала над Сильви и аккуратно села ей на плечо.

Снова заметив на лице мальчика улыбку, Сильви рассмеялась.

– Ну разве не прелесть? – сказала она.

– Да, – ответил мальчик, глядя вовсе не на бабочку.

Роуз протянула к бабочке палец. «Иди ко мне», – мысленно приказывала она.

Бабочка не послушалась, и Роуз нетерпеливо схватила ее и оторвала тонкое крылышко.

– Роуз! Какая ты неосторожная! – прошипела Сильви. – Глянь, что ты наделала!

Сильви побежала к дому, бережно придерживая покалеченную бабочку, и стала звать маму.

Мальчик из Нью-Джерси с отвращением отвернулся, упустив возможность подружиться с Сильви – вряд ли ему выпадет еще один шанс. Он взял младшую сестру за руку и, несмотря на возражения – девочка хотела еще потрогать корову, – потащил ее к двенадцатому номеру. Роуз

осталась наедине с Люси. Она погладила корову, накручивая на пальцы ее знакомую пыльную шерсть.

– Это неправда, – сказала Роуз Люси. Она не была неосторожной. Наоборот, она слишком осторожничала и переживала. Иногда переживала так сильно, что ее сердце было готово разорваться от боли.

Роуз

К следующему вечеру в мотеле были заняты все номера, кроме одного, двадцать восьмого, в самом конце нового здания.

Она сидела с мамой в конторском помещении. После ужина папа убежал по делам и до сих пор не вернулся. Когда Роуз спросила, куда он ушел, мама поджала губы.

– Просто ушел. Когда вернется, тогда и вернется.

Роуз не возражала. Ей было хорошо с мамой вдвоем. Иногда мама читала ей что-нибудь из газеты или рассказывала о своем детстве в Англии. Роуз представляла маму маленькой девочкой, серьезным опрятным ребенком. Наверняка она заведовала ремонтом кукол на своей улице и всегда хорошо себя вела.

Роуз устала, веки смыкались. Сетчатая дверь была закрыта, и в сетку бились майские жуки и мотыльки, будто говоря: «Написано, что есть свободные номера. Можно войти?»

Хотя давно пора было ложиться спать, мама разрешила Роуз посидеть с ней еще немного – вдруг приедут постояльцы? Роуз нравилось встречать сонных и уставших с дороги гостей. Она подавала им карточки регистрации и наблюдала за тем, как они вписывают свое имя, адрес, число проживающих в номере, модель и номер автомобиля. Всегда интересно узнавать, откуда кто приехал: из Стейтен-Айленда, штат Нью-Йорк, из Портеджа, штат Пенсильвания, а как-то раз даже была пожилая пара из городка Рождество, штат Флорида! Только представьте, город под названием Рождество!

Иногда постояльцы рассказывали, куда направляются: в Нью-Гэмпшир, Мэн, а то и в Канаду. Некоторые ехали к океану – Роуз видела его всего раз, когда мама и папа возили сестер в Хэмптон-Бич. Они поехали туда зимой, ведь нельзя бросать мотель летом, в самый разгар сезона. Сильви бегала туда-сюда по пляжу, собирая камешки, ракушки и обломки прибитых к берегу коряг, и все восхищалась красотой океана и привкусом соли на губах. Роуз дрожала: ей океан показался холодным, темным и бесконечным. Она представила, что на пляже полно отдыхающих, люди купаются и загорают, в воздухе пахнет хот-догами и яблоками в карамели, но лучше не стало. Почему-то воображение рисовало опустевшую сцену – школьная пьеса кончилась, все костюмы и декорации давно убрали.

Роуз нравились названия машин, на которых приезжали постояльцы:

«дождь-коронет», «хадсон-хорнет», «студебеккер-старлайнер» – массивные стальные корпуса, блестящие радиаторные решетки, колеса, хрустящие по гравию подъездной дорожки. Эти колеса проехали сотни километров и побывали в таких местах, о которых Роуз могла только мечтать.

Папа говорил, что с каждым годом автомобили становятся все больше и быстрее. Однажды машины станут похожи на космические корабли, как в одном научно-фантастическом романе, что читал дядя Фентон. Можно будет домчать из Лондона, штат Вермонт, до Рождества, штат Флорида, меньше чем за час. Или вообще через весь океан в Лондон, который в Англии, где родилась мама.

По дороге мимо мотеля проехала машина; задние огни мелькнули вдалеке и скрылись за углом по направлению в центр города. Скоро они проедут мимо заправки «Тексако», универмага «Вулвортс», городской библиотеки и конгрегационалистской церкви. Впрочем, в такой поздний час все уже закрыто.

В последнее время вокруг только и говорили, что о новых федеральных трассах. Ее учительница мисс Маршалл рассказала, что президент Эйзенхауэр обещал построить хорошие широкие дороги, которые свяжут всю страну. Отличная идея (хотя папе она такое ни за что бы не сказала, он багровел от злости при упоминании автострад) – ведь здорово, если по одной дороге можно добраться на другой конец страны. По трассе, полной красивых автомобилей с урчащими двигателями, которые мчат так быстро, что едва разглядишь их колеса. Не совсем как космические корабли, но похоже.

Порой Роуз снились всякие механизмы. Автомобили и ракеты. Большие машины, которые строят трассы, бульдозеры и грейдеры, экскаваторы и катки. Во сне все они ехали сюда, копали землю, подрывали скалы, укладывали гладкий асфальт, по которому помчится транспорт. Они пыхтели и грохотали. Все ближе и ближе.

– Где твоя сестра? – спросила мама, и Роуз протерла глаза.

– В нашей комнате. У нее болит голова.

– Бедняга, – сказала мама, и Роуз с сочувствием кивнула.

* * *

– Может, это была не просто бабочка, – сказала Сильви сестре, когда после ужина они остались одни в своей комнате. Бабочка с одним крылом лежала на тумбочке Сильви.

– Как это?

– Забыла, о чем рассказывала Ома? – широко раскрыв глаза, спросила сестра.

Роуз покачала головой. Нет, она все помнила. Бабушкины истории до смерти перепугали Сильви, и с тех пор Ома делилась ими только с Роуз.

Бабушка навещала их в прошлом году. Они готовились к ее приезду несколько недель: наводили порядок в доме, поставили раскладушку в маминой комнате для шитья и с интересом расспрашивали маму о том, какая она, их бабушка из Англии, которую они никогда раньше не видели.

– Вот ваша бабушка, – представила ее мама, когда из папиной машины вылезла пожилая женщина. На плече у нее висела огромная лакированная сумка, а пальцы в белых перчатках были испачканы чем-то желтым.

Она внимательно рассмотрела девочек с ног до головы, повертела их, потрогала лица и волосы. Видимо, убедилась, что все в порядке, и расцеловала внучек в щеки.

– Зовите меня Ома, – сказала бабушка.

У нее был странный акцент. Мама потом объяснила, что Ома родом из Германии, но вышла замуж за англичанина.

– Почему она раньше не приезжала? – спросила Роуз.

– У бабушки очень много дел. Ома ненавидит летать, так что пересечь Атлантический океан для нее настоящий подвиг. Она приплыла на корабле.

Ома любила мятные леденцы, носила свитера, которые сама связала, и учила девочек готовить яблочный пирог.

Как-то утром Роуз проснулась со спутанными волосами. Ома поцокала языком и начала расчесывать внучку.

– Наверное, к тебе приходил оборотень.

– Это еще кто? – поинтересовалась Роуз.

– Разве мама не рассказывала вам про оборотней? – неодобрительно спросила Ома.

Роуз и Сильви покачали головой.

– Днем они обычные люди, а ночью превращаются в разных существ. В кошек, в птиц или бабочек.

– Это сказки. Ты все выдумываешь, – подала голос Сильви из своей кровати.

– Уверена? – Ома продолжала осторожно распутывать волосы Роуз.

– А они добрые?

– Иногда. Хотя, бывает, превращаются в страшных чудовищ с огромными зубами и когтями. Они приходят ночью, запутывают волосы, крадут дыхание. Надо быть осторожнее, иначе они проглотят тебя целиком.

Лучше бы Ома не рассказывала им про оборотней. Роуз-то не было страшно, а вот Сильви перепугалась так, что ей стали сниться кошмары.

Однажды утром, когда мама успокаивала дочь после очередного жуткого сна, Сильви пожаловалась на страшилки Омы. Сказала, что с тех пор во всех людях и животных ей чудятся оборотни.

– Это ведь все неправда, да, мам? – хлюпала Сильви.

Мама была в ярости.

– Хватит забивать детям голову, – прошипела она бабушке, жалея, что вообще ее пригласила. Девочек рано уложили спать, однако Роуз пробралась к лестнице, чтобы подслушать их ссору. На следующий день Ома уехала обратно в Англию.

Роуз злилась на маму за то, что та прогнала Ому, но больше всего она винила Сильви – не будь она такой трусишкой и ябедой, мама ничего бы и не узнала.

Ома присылала Роуз веселые письма из Англии, и мама всегда вскрывала их перед тем, как отдать Роуз. Бабушка собиралась связать Роуз свитер на Рождество и спрашивала, какой цвет ей больше нравится. Роуз попросила красный и написала в ответ бабушке, что очень скучает.

Однако свитер Роуз так и не получила. Незадолго до Рождества маме позвонила двоюродная сестра из Англии. Ома погибла в аварии.

Роуз была убита горем. Из всех взрослых только бабушке Роуз нравилась больше, чем ее сестра, только Ома считала Роуз особенной. Так нечестно.

Она часто вспоминала, как они гуляли в лесу за мотелем и как Ома рассказывала ей истории.

– Все здесь живое, Роуз, – говорила она, обнимая внучку. – Ты чувствуешь?

Роуз постоянно размышляла об этом: все вокруг живое, не только деревья и грибы в лесу, но и дороги, и здания, и машины. Моргая фарами в темноте, на подъездную дорожку въехал автомобиль. Может, папин «шеви бель-эйр»?.. Нет, машина была не та, да и двигатель звучал иначе.

– Похоже, сейчас займут последний свободный номер, – сказала мама, когда машина подъехала к конторе.

Мужчина вышел и потянулся. (Уставшие с дороги, гости всегда так делали.) Женщина со светлым платком на голове осталась сидеть внутри.

Теперь Роуз разглядела машину. «Нэш-рэмблер». Бродящий по дорогам^[1]. «Бродящая Роза дикой красоты» – прямо как в песне Перри Комо. У родителей есть такая пластинка. Папа иногда напевал своей маленькой Бродящей Роуз эту песню.

Слегка шаркая, мужчина в белой мятой рубашке зашел в помещение и зажмурился от яркого света. Его глаза налились кровью от долгой поездки.

– Добрый вечер. Мы с женой хотели бы снять номер, – сказал он.

– Вам повезло, – ответила мама. – Остался всего один. Четыре доллара за ночь.

– Отлично.

Роуз подала ему карточку регистрации и вышла из-за стойки.

– Я пойду переверну табличку, мама.

– Умничка. А потом сразу спать.

– Есть, мэм. – Перед уходом Роуз сделала реверанс, потому что знала, что при гостях надо вести себя очень хорошо. Что бы ни случилось, они должны изображать идеальную семью, а Роуз – идеального ребенка.

«Побольше очарования, девочки, – всегда говорил папа. – Тогда гости всегда будут останавливаться у нас».

– Какая милая девочка, – сказал мужчина, заполняя карточку.

– Да, – ответила мама. – Хорошая девочка.

Хорошая девочка. Хорошая девочка. Хорошая девочка.

Роуз побежала вприпрыжку по подъездной дороге (она не ошиблась, это и правда был «рэмблер»), подошла к освещенной табличке и перевернула ее надписью «Мест нет». Стоя в круге света, она будто оказалась на сцене, а мотель «Тауэр» позади служил декорацией. Роуз потанцевала – Ома научила ее паре движений: скользишь, потом шаг, опять скользишь, затем пируэт и реверанс. Сильви собиралась уехать в Голливуд, чтобы стать звездой. «Но не я, – думала Роуз, танцуя. – Я останусь здесь навсегда».

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
«Парамаунт пикчерс»
Голливуд, Калифорния
11 августа 1955

Уважаемый мистер Хичкок,
иногда бабочка – это не просто бабочка. Так говорила
мне Ома.

Знаете, что самое страшное она рассказала?
Что можно быть чудовищем и даже не осознавать это.
Они похожи на нас.
Думают, что они – это мы.

Только на самом деле внутри у них прячется монстр.
Не знаю, как вам, а на мой взгляд, отличная идея для
фильма.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Роуз опять снилось, как на нее напал темный бесформенный зверь и давит всем своим весом, пока Роуз не уменьшится до размеров куклы, а потом и вовсе не станет крошечной, как слеза. Она боролась изо всех сил, но ничего не могла сделать.

«Проснись, – сказала Роуз самой себе. – Просыпайся».

Она открыла глаза. Бабочка с оторванным крылом неслышно билась о стекло старой банки на тумбочке Сильви. С бешено стучащим сердцем Роуз наблюдала за ее усилиями в тусклых лучах рассвета и не могла вздохнуть.

Хотя Роуз была уверена, что не спит, тело не слушалось. В комнате стояла вонь, как от дикого зверя.

Рядом слышалось чье-то дыхание – резкое, гортанное, – но видно ничего не было.

Краем глаза Роуз заметила какое-то движение в темноте. Здесь точно что-то есть – что-то злобное, желающее причинить ей вред.

Роуз осмотрелась, однако ничего такого не заметила. Правда, стало как-то темнее, словно привычную комнату вывернули наизнанку.

Заливавший спальню лунный свет почему-то был зеленоватым. Как бы Роуз ни хотела закричать и позвать на помощь, она не вымолвила ни звука.

«Я что, умерла?»

Собравшись с силами, Роуз попробовала встать или хотя бы пошевелить мизинцем... Увы, двигаться могли только глаза.

Роуз хотела усилием мысли заставить сестру встать и помочь ей, но кровать Сильви была пуста. Одеядло сброшено, подушка примята.

Неужели явился оборотень и забрал Сильви?

Вот опять – свистящее дыхание, запах гнилого мяса и мокрой шерсти, который ощущался даже во рту. Какой-то низкий звук вроде рыка вибрацией прошел сквозь тело. Однако Роуз по-прежнему ничего не видела – чудище пряталось в темноте, может, под ее кроватью. Кто бы это ни был, у него наверняка полно острых зубов, и если Роуз заглянет ему в пасть, то увидит обрывки белой ночнушки сестры.

«Пожалуйста, – мысленно взмолилась Роуз. – Пожалуйста, уходи. Не трогай меня. Пожалуйста». Она вдруг вспомнила молитву, которую мама научила их произносить перед сном: «Ангелы, храните меня ночью и будите поутру».

И Роуз пошевелилась. В легкие вошел воздух. Противный животный запах рассеялся. Боясь заглянуть под кровать, Роуз выскочила из комнаты и помчалась по коридору к спальне родителей.

– Что такое? – спросила мама, щурясь от лунного света, проскользнувшего в комнату из коридора.

– Что-то приходило ко мне в комнату, – тяжело дыша, сказала Роуз. Окна были закрыты, шторы задернуты. В родительской спальне стоял затхлый запах, а еще здесь пахло папиными сигаретами и мамиными духами. Рабочая рубашка папы висела на стуле рукавами вниз, отчего в темноте стул казался живым – сейчас затопает по полу на своих четырех ножках.

– Опять летучая мышь? – Мама привстала, ее светлая ночная рубашка засветилась. Папа тоже заворчал. В начале весны к ним в комнату залетела летучая мышь, и папе пришлось выгонять ее метлой. Он посмотрел на часы – почти пять утра.

– Нет, не летучая мышь. Я... я не знаю, что это было.

«Чудовище. Чудовище из моих снов.оборотень из рассказов Омы».

– Я его слышала, чувствовала запах, но не видела. Я не могла пошевелиться. По-моему... – Хватит ли ей смелости сказать это? – По-моему, оно схватило Сильви.

Папа усмехнулся.

– Тише, – успокаивала Роуз мама. – Теперь все хорошо.

– Марш в кровать, – сонным хриплым голосом сказал папа. – Еще слишком рано для твоих сказок.

Папа всегда говорил, что у Роуз богатое воображение, имея в виду, что она любит преувеличивать и выдумывать – а потом смотрит, сойдет ли это ей с рук.

– Не могу, – ответила Роуз. – Я же сказала, в моей комнате что-то было. И Сильви исчезла!

– Ничего там нет. – Папа перевернулся. – Тебе приснилось.

Роуз покачала головой. Она не была трусишкой вроде Сильви.

– Это не сон. Я не выдумываю. Все было наяву.

– Я уверена, что твоя сестра в постели.

– Ее там *нет*. Сильви схватил оборотень.

Мама с раздражением включила ночник.

– *Оборотень*? Сколько раз повторять: истории Омы – это просто сказки. – Она встала с кровати, накинула халат и пошла в комнату девочек. Уже через минуту мама вернулась и сказала: – Сильви спит себе в кровати. – Она сняла халат и залезла обратно в постель. – И нам всем тоже

неплохо бы поспать. Иди к себе.

– Клянусь, ее там не было!

– Да что ж такое, – проворчал папа. – Пойду поставлю кофейник.

Он потопал в коридор – в полосатой пижаме, со взъерошенными волосами. «Осторожно, – хотела сказать Роуз ему вслед. – Оно все еще где-то там».

Роуз залезла в постель на папино нагретое место, прижалась к маме и положила голову ей на плечо.

– Бедная моя девочка, – вздохнула мама. – Ты и правда напугана. Зачем только бабушка забила вам голову этой ерундой?

На кухне потекла вода, папа включил старый деревянный радиоприемник и, подпевая, открыл новый холодильник.

Мама гладила ее по волосам, а Роуз вспоминала разговор с Омой.

– А мама знает про оборотней? Она в них верит?

– Верит, – улыбнулась Ома, – только ни за что не сознается. Некоторым, Роуз, проще сделать вид, что всяких ужасов не существует.

* * *

– Она умерла. – Сильви с грохотом поставила банку с бабочкой на столик перед Роуз.

Роуз сидела на диване, прижав подушку к груди. Тельце бабочки-монарха неподвижно лежало на листьях, постеленных на дно. Сквозь стекло, которое увеличивало крылья, можно было хорошо разглядеть черные прожилки на ярко-оранжевом фоне. Прямо как витражи в церкви. Роуз представила церковь из бабочек, где поклоняются превращению. Гусеницы, кокон, куколка, бабочка.

– Это ты убила ее. Ну, довольна? – Сильви сердито смотрела на Роуз, уперев руки в бока.

Роуз прикусила губу и еще сильнее прижала к себе подушку. Почему бабочка не выбрала ее, почему не села к ней на палец? Ома поняла бы, что расстроило Роуз.

– Я не хотела.

Сильви по-прежнему сверлила сестру взглядом.

– Как знать. Может, хотела, а сама того не осознавала.

– В этом нет никакого смысла. – Роуз подняла банку и заглянула внутрь. Вот бы бабочка зашевелилась и запорхала крыльями.

– Как и в убийстве бабочки.

Сильви села в папино кресло-качалку, не отводя глаз от Роуз.

– Где ты, кстати, была? – обвинительным тоном спросила Роуз, глядя на сестру сквозь стеклянную банку.

– Когда? – резко ответила Сильви. Из-за стекла и ярко-оранжевой бабочки ее лицо исказилось. Впервые в жизни Сильви выглядела не красавицей, а странным отвратительным существом, оранжевым чудищем.

– Сегодня утром, около пяти. – Роуз поставила банку обратно на столик. К Сильви вернулся ее прежний нормальный облик с аккуратно уложенными волосами. – Я проснулась, а тебя нет.

– Я никуда не уходила, Роуз. – На мгновение Сильви показалась встревоженной и даже перепуганной, но выражение ее лица быстро переменялось. Она смотрела на Роуз, как на сумасшедшую младшую сестренку. – Куда я могла подеваться?

– Тебя не было. А подушка...

Сильви подняла палец и стала водить им из стороны в сторону, как учили в книжке по гипнозу, а потом заговорила медленным и успокаивающим голосом:

– Следи за моим пальцем. Вот так, хорошо. Твои веки тяжелеют, ты хочешь закрыть глаза...

Роуз подыгрывала и следила за пальцем сестры.

– Давай, Роуз, закрывай глаза. Вот так. Засыпай крепче. Еще крепче. Ты слышишь только звук моего голоса. Ты поймешь все, что я буду говорить. Кивни, если тебе все ясно.

Роуз кивнула.

– Я лежала в кровати, – сказала Сильви. – Я никуда не уходила.

Роуз опустила плечи, словно расслабившись под действием сил сестры.

– А теперь скажи, что ты видела утром, – мягким голосом приказала Сильви.

– Ты лежала в кровати, – монотонным голосом повторила Роуз. – Ты никуда не уходила.

– Вот и хорошо. Ты запомнишь, что все так и было. Поняла?

– Да.

– Молодец. На счет «три» ты откроешь глаза. Раз, два, три.

Сильви с улыбкой сидела на стуле напротив, сжимая руку в кулак. Бабочка по-прежнему оставалась в банке на столе – как что-то мертвое может быть таким ярким?

– Интересно, мама сегодня добавит в блинчики чернику? – жизнерадостно спросила Сильви, поглядывая в сторону кухни, как будто

ничего не произошло.

У Роуз бешено забилося сердце. Теперь она точно знает, что ночью сестра выходила из комнаты, но почему-то хотела скрыть это от Роуз. Раньше Сильви ничего от нее не утаивала, и Роуз это не понравилось. Совсем не понравилось.

2013

Пайпер

Пайпер катила свой небольшой чемодан на колесиках по терминалу мимо рядов пластиковых сидений, ресторана с блинчиками и лавки с неоправданно дорогими подушками для шеи и масками для глаз. Через двойные двери она вышла в главный коридор и сразу принялась искать в толпе Марго. Сестра на последнем месяце: ее трудно не заметить. Пайпер вдруг вспомнился вчерашний сон, в котором Марго, стоя на краю ямы, теряла равновесие.

Лучше выбросить это из головы. Вот парочка обнимается, мама встречает сына-студента, мужчина в костюме держит табличку с надписью «ГРУППА УОКЕРА», полицейский изучает толпу. Марго нет. Пайпер полезла в сумку за телефоном, когда кто-то коснулся ее руки.

– Пайпер?

Это был полицейский.

– Джейсон! – Пайпер наконец узнала в нем своего зятя. Дело было не только в безликой форме: последний раз они виделись на Рождество два года назад, с тех пор Джейсон похудел и теперь выглядел намного старше.

Неужели это тот самый неуклюжий лохматый мальчишка с полными карманами жуков, который повсюду ходил за ними тем летом? Тот самый мальчишка, который писал Эми зашифрованные любовные письма? Порой Пайпер замечала, как Джейсон весело ухмыляется или пожимает плечами, и снова видела в нем того двенадцатилетнего парня.

– Рада тебя видеть, – сказала Пайпер, и он крепко ее обнял. От Джейсона пахло пряным гелем после бритья и сигаретами. – А где Марго?

– Не смогла приехать, – напряженно ответил Джейсон и отвел взгляд. Под покрасневшими глазами залегли темные круги, как будто он не спал целую неделю. – Поехали домой. Поговорим в машине.

Джейсон забрал у нее чемоданчик и таким быстрым шагом пошел к парковке, что Пайпер едва за ним поспевала.

Они забрались в старый пикап «форд-рэнджер». Кондиционера не было, ехали с открытыми окнами. Солнце пригревало через лобовое стекло, в кабине стало очень душно, но Джейсон этого не замечал, даже не вспотел. Несмотря на жару и явное отсутствие амортизаторов и приличной подвески, Пайпер была рада, что он приехал на своей, а не на полицейской машине. Если в их крошечном Лондоне вообще есть полицейские машины.

Пайпер редко сюда приезжала. Обычно сестра сама навещала ее в Лос-

Анджелесе – Марго была только рада на пару недель вырваться из родного городка и посмотреть разные достопримечательности: битумные озера, Китайский театр, пирс Санта-Моники. Она увлеченно разглядывала архитектуру, и Пайпер поражал интерес сестры ко всякому ар-деко, так непохожему на все эти старые мельницы, фермы и гранитные амбары Вермонта, сохранению которых Марго посвятила свою жизнь.

Джейсон почти никогда не ездил в Калифорнию вместе с женой, говорил, трудно вырваться со службы. Пайпер не расстраивалась – не то чтобы она не любила зятя, просто в его присутствии ей было неловко. Она вела себя наилучшим образом, как и подобает мудрой старшей сестре, ведь в детстве Джейсон знал совсем другую, безрассудную Пайпер, по чьей вине Марго постоянно попадала в неприятности – то из-за первой пивной вечеринки, то из-за травки.

Что еще хуже, в старших классах Пайпер считала, что более дурацкой затее, чем встречаться с Джейсоном, и быть не может, и даже сказала Марго: «Для него ты всегда будешь вторым номером. Этаким утешительным призом. Он давно влюблен в Эми, ничего не попишешь».

Зря она была так жестока с собственной сестрой (хотя, видит бог, говорила правду). Неизвестно, знал ли Джейсон о ее непрошеном совете; хватало того, что Пайпер сама об этом помнила.

Джейсон оплатил стоянку и выехал с парковки аэропорта. Он крепко сжимал руль, золотое обручальное кольцо поблескивало на солнце.

Джейсон молчал, и Пайпер начала волноваться.

– Джейсон, с Марго все в порядке?

– Утром она упала в обморок, – ответил он, не сводя глаз с дороги. – Я отвез ее в больницу, и врачи сказали, что у Марго повышенное давление, а это может быть опасно и для нее, и для ребенка. Называется преэклампсия или как-то так. Ей прописали постельный режим и в зависимости от состояния могут назначить роды до срока. – Он сообщил все это своим полицейским тоном – никаких эмоций, мэм, только сухие факты.

– Но с ней все хорошо? – обеспокоенно спросила Пайпер. Ее голос дрожал.

– Будет хорошо, если станет отдыхать и слушаться доктора. До срока всего две недели, уже недолго.

Марго терпеть не могла сидеть на месте и всегда занималась пятью делами сразу. Постельный режим для нее все равно что тюремное заключение.

– Бедняга.

Джейсон кивнул, по-прежнему глядя вперед. На перекрестке с

заправкой и рестораном «Френдлис» он повернул направо и перестроился в левый ряд, к выезду на трассу. За окном мелькали гипермаркеты и сетевые кафешки. В детстве ничего этого не было, только фермерские земли и дома.

– Пайпер, – сказал он мрачным тоном. – Я понимаю, что... произошедшее с Эми – тяжелый удар. Весь город в ужасе. Марго тоже пала духом. Я ведь помню, как вы втроем дружили в детстве.

«Еще бы ты не помнил, – машинально подумала Пайпер. – Ты же был там, следил за нами, шпионил, жаждал внимания Эми. Только ничего не вышло, так ведь?»

Видимо, Джейсон замолчал в ожидании ее ответа, и Пайпер выбросила из головы жестокие мысли. Непонятно, каких слов он ждал, так что она просто кивнула.

– Я не хочу, чтобы ты расстраивала Марго разговорами про Эми. Никаких газет или новостей по телевизору.

– Хорошо, – согласилась Пайпер. – Пока мы не приехали, расскажешь что-нибудь о произошедшем?

– Нет, расследование еще продолжается.

– Есть хоть малая вероятность того, что Эми невиновна?

Джейсон вздохнул.

– Я тоже не желаю в это верить, но все улики указывают на нее.

– Мне трудно представить, что Эми способна на нечто подобное.

Он покачал головой.

– Никогда не знаешь, кто на что способен.

– А малышка? – спросила Пайпер. – Дочка Эми? С ней все в порядке?

– Насколько все может быть в порядке с ребенком, чью семью убили в доме, на крыше которого она пряталась.

– Господи, какой ужас!

– Она стояла там как статуя – в одной пижаме, ноги в крови. Боже, в тот момент она была так похожа на Эми в детстве!.. – Голос Джейсона дрогнул, и в его словах наконец появились эмоции. – В общем, она не могла сдвинуться с места. Пришлось нести ее обратно в дом на руках. Девочку трясло, она ни слова не говорила. Шоковое состояние, сказали врачи.

– Бедняжка.

Как же ее зовут? Пайпер никогда не виделась с девочкой, но узнавала от Марго новости о детях Эми и смотрела их фотографии в Фейсбуке. Спросить у Джейсона Пайпер стеснялась – тогда станет ясно, что она совершенно выпала из жизни некогда лучшей подруги.

Остаток пути они проделали в тишине: попытки завязать беседу

вскоре иссякли. Оба сдались и просто смотрели в окно. Перед съездом на Лондон Пайпер вспомнила рассказ Эми о том, как трасса погубила мотель:

– Раньше на десятом шоссе кипело движение. По словам бабушки Шарлотты, постояльцы приезжали каждый вечер, а по выходным вообще все номера были заняты. Куча зрителей собиралась на эти безумные представления куриного цирка, которые устраивали моя мама и ее сестра Сильви. Все хотели посмотреть на корову Люси. Однако, как только построили объездное шоссе, поток людей иссяк. Им больше незачем было заезжать в Лондон.

Пайпер прекрасно их понимала. Когда после развода родителей они переехали в Лондон, Пайпер попала в богом забытый опустевший городок: магазины и рестораны заколочены досками, крыши провалились, окна разбиты. Даже сейчас она не представляла, что может привести людей в этот город. Что заставило ее сестру остаться здесь? Марго работала в некоммерческой организации, которая выдавала гранты на восстановление и поддержание исторических зданий. Она всегда говорила, что Лондон для нее самое подходящее место: молодые семьи ремонтируют потрясающие старинные дома, застройщики приобрели несколько зданий в центре и планируют открыть студию йоги, кофейню и паб. Правда, эти планы так и не воплощались в жизнь, и Пайпер считала, что оптимизм ее сестры граничил с бредом.

Большинство витрин на Мэйн-стрит были закрыты. Работали только антикварная лавка, парикмахерская и магазин «Все по одному доллару». «Вулвортс» стоял на месте, с забитыми окнами, сквозь щели в которых виднелась буфетная стойка. Осталось две заправки (на одной из них реклама знаменитых жареных цыплят миссис Клак), крошечная библиотека в каменном строении, конгрегационалистская церковь и мемориал ветеранов американских зарубежных войн. Недалеко от центра расположилось гранитное здание с пожарной частью и отделением полиции. Джейсон посмотрел в его сторону и помахал мужчине в форме пожарного.

Дороге явно требовался ремонт. Впереди ехал автобус, из заднего стекла на них смотрела девочка. Подружка прошептала что-то ей на ухо, и та с хохотом отвернулась. Когда-то и Пайпер с Эми ездили вместе на заднем сиденье, выходили у мотеля и бежали по размытой гравийной дорожке на кухню, где их ждала бабушка Шарлотта с зажатой в зубах сигаретой. В гостиной на всю мощь работал телевизор, чтобы бабушка ничего не упустила в мыльной опере, пока ходила из одной комнаты в другую. Она встречала их тарелкой печенья, которое на английский лад

называла бисквитом.

«Все мои бабушки и дедушки из Лондона, – как-то раз с улыбкой сказала ей Эми. – Из Лондона в Англии и из Лондона в Вермонте».

Но сейчас школьный автобус проехал мимо покосившегося указателя мотеля. Пайпер прочитала знакомые слова: «Мотель «Тауэр», 28 номеров, мест нет». Когда-то буквы были красными, а теперь выцвели и стали едва различимы. Подъездная дорожка вела к покосившейся башне. У мотеля по-прежнему было полно полицейских машин и репортерских фургонов, и все дети в желтом школьном автобусе прилипли к окнам. У Пайпер перехватило дыхание.

– Господи, – выдохнула она, глядя на башню. Строение и тогда было в ужасном состоянии, но сейчас башня пугающе наклонилась вправо, словно ее тянуло к дому. Каменные зубцы с крыши обвалились. Вход был забит двумя досками, поверх которых добавили знак «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», а краской на стене кто-то написал: «ОПАСНО».

У Пайпер по телу пробежал холодок. Джейсон притормозил.

– Прости, – сказал он. – Надо было поехать другой дорогой.

– Все нормально.

– Не знаю, говорила ли Марго, – добавил Джейсон, еще крепче сжимая руль. – Эми оставила записку... ну, не совсем записку, просто написала кое-что на старом снимке. «29 номеров». Тебе это о чем-нибудь говорит?

Впервые с момента встречи в аэропорту Джейсон посмотрел прямо на нее своими карими глазами, ожидая ответа. Будто Пайпер опять двенадцать лет и ее опять достает надоедливый поклонник Эми. Они все над ним смеялись.

Пайпер сделала вид, что пытается припомнить, и покачала головой.

– Нет, – сказала она, не отрывая взгляда и не выдавая эмоций. Лучше бы они не нашли этот чертов снимок, лучше бы она вообще никогда не слышала об этом двадцать девятом номере и не видела бы его собственными глазами. – Ни о чем.

Джейсон молчал. Интересно, он ей поверил?

– Как мы выяснили, – наконец сказал он, – на самой фотографии мама Эми, Роуз, со своей сестрой Сильви – им там примерно восемь и двенадцать лет. Сильви пропала вскоре после окончания школы. Эми ничего о ней не рассказывала?

– Пару раз упоминала, – пожала Пайпер плечами. – Сильви вроде сбежала в Голливуд.

И всего на мгновение Пайпер почувствовала, что ее щеку обожгло горячим дыханием Эми, которая прошептала ей на ухо:

– Врушка, врушка.

Пайпер

Спальня Марго и Джейсона походила на картину в раме цвета слоновой кости и морской пены. Как и в остальных комнатах, здесь было полно старинных фотографий давно ушедшего Лондона – старый супермаркет «Эй-энд-Пи» в центре города, молочная ферма на Мэйн-стрит.

Марго лежала на кровати, откинувшись на взбитые подушки, а на расстоянии вытянутой руки находилось все необходимое: книги в мягких обложках, журналы о воспитании детей, бутылка воды, пульт от телевизора, мобильный телефон, несколько протеиновых батончиков и яблоки. Рядом была и коллекция старых пожелтевших газет, сложенных в прозрачные файлы, одну из которых она читала. «Лондонский глашатай».

Марго отбросила газету в сторону и завопила: «Пайпер! Ты приехала!», как будто вовсе не ожидала ее увидеть.

Пайпер плюхнулась на кровать и обняла сестру. Она спиной ощущала, что Джейсон сверлит ее взглядом.

– Зачем тебе древние газеты? Только не говори, что для работы!

– Не совсем, – с хитрой улыбкой ответила Марго. – Это дополнительный проект для исторического сообщества. Выбираю номера «Глашатая» для выставки. В пятидесятых-шестидесятых ее помогали издавать жительницы Лондона. Потрясающе! По этим строкам можно проследить невероятную историю города.

У Марго всегда горели глаза, стоило ей завести разговор об истории Лондона. Пайпер успокоилась и только теперь поняла, как сильно переживала за сестру по дороге из аэропорта. Да, Марго лежит в кровати с огромным животом, она еще больше расплнела, но в остальном это все та же Марго, которая радуется стопке старых пыльных газет.

Пайпер посмотрела на первую полосу одной из газет. Выпуск от двенадцатого марта 1952 года. Главный материал рассказывает про шоу талантов для старшеклассников, а еще напечатан рецепт знаменитой запеканки миссис Минетти из трех видов фасоли.

На стене слева от кровати висела фотография фермы. Рассмотрев ее повнимательнее, Пайпер поняла, что это старая ферма Слейтеров, на месте которой дед Эми впоследствии построил мотель. Пайпер узнала дом и очертания холма за ним. Было непривычно видеть этот пейзаж без обваливающейся башни и номеров мотеля – только поле и коровы.

Странно и даже тревожно, что Марго решила повесить в спальне этот

снимок, особенно сейчас. Пайпер отвела взгляд – лучше не привлекать внимание к фотографии.

– Милая, принести тебе что-нибудь? – спросил Джейсон, взяв Марго за руку.

– Нет, – ответила она. – Пайпер теперь со мной, так что можешь возвращаться в участок. Там наверняка нужна твоя помощь.

Джейсон нерешительно замер в дверях, шаркая ногами, будто маленький мальчик.

– Хорошо. Если что-то понадобится – что угодно, сразу звони. И кстати, Пайпер, – добавил Джейсон, глядя ей в глаза, – не забывай, что Марго и ребенку нужен отдых. Отдых и покой.

– Поняла. Не переживай, Джейсон, я за ней присмотрю. – Пайпер подтвердила свои слова улыбкой, однако встретила холодный взгляд Джейсона.

Он подошел и нежно поцеловал Марго в щеку.

– Если заболит голова, будет тошнить или двоиться в глазах, звони врачу.

– Конечно, – сказала Марго. – Иди уже. От твоего беспокойства у меня еще больше давление скачет!

Джейсон робко кивнул и вышел из комнаты. Было слышно, как он наливает кофе в термокружку. На комод Пайпер заметила еще несколько фотографий: снимок со свадьбы, на котором Марго и Джейсон такие молодые и счастливые, фото маленьких Марго и Пайпер под елкой, а вот их мать в день окончания юридического университета. Сначала мама работала государственным защитником, затем открыла свою фирму. Она умерла в сорок шесть лет от аневризмы головного мозга. Врачи сказали, что аневризма, скорее всего, была у нее уже несколько лет, и так вышло, что одним весенним днем – может, из-за повышенного давления – она разорвалась, когда мама шла по парковке у садового центра. Ящики с рассадой петунии и анютиных глазок, которые она несла к машине, упали на асфальт.

Пайпер отвела взгляд, и внутри все сжалось, как обычно при мысли о несправедливости жизни. Как же несправедливо, что их мама, которая никогда не курила, редко употребляла алкоголь, много, но не чересчур усердно работала, правильно питалась, пила витамины и ходила на джазовый фитнес, несмотря на подтрунивания дочерей, не дожидаясь свадьбы Марго и не увидит свою внучку!

Фотографий отца здесь не было. Он снова женился вскоре после развода, начал новую жизнь в Далласе и завел четверых детей, двое из

которых оказались близнецами. Он навещал их два раза в год согласно постановлению суда, однако со временем обе стороны поняли, что настоящей семьей отца теперь стала та, другая. Пайпер с Марго и их мать были пробным вариантом. Теперь сохранились только неловкие звонки на Рождество. Вряд ли Марго вообще сообщила ему, что он скоро станет дедушкой.

Джейсон еще раз крикнул: «Пока», вышел из дома и завел машину.

Как только он уехал, Марго взяла Пайпер за руку.

– Знаешь, это ведь Эми дала мне газеты, – заговорщическим тоном прошептала Марго. – Заходила ко мне в офис на прошлой неделе. Я удивилась – мы сто лет не разговаривали, и вот она. Говорит, газеты нашлись на чердаке. Кажется, ее бабушка – Шарлотта, помнишь? – была редактором «Глашатая».

Бедная бабуля Шарлотта. Она осталась без обеих дочерей и ковыляла по комнатам в своем широком халате, тратя все силы на поддержание дома в порядке и воспитание Эми. Лишь бледная тень женщины, большая часть жизни которой ушла на управление мотелем, что построил ее муж.

– Вот это да, – сказала Пайпер, снова взяв в руки газету. Не стоило поднимать эту тему. Трудно скрыть любопытство, но все же надо постараться. Ради Марго и малышки. – Смотри-ка, секретный ингредиент запеканки миссис Минетти – нарезанные кусочками сосиски. Кто бы подумал!

– А еще, – не унималась Марго, – Эми спрашивала о гранте на восстановление мотеля! Она ходила на занятия по бизнесу в местном колледже и собиралась снова открыть «Тауэр», переделав его в стиле ретро. Она даже составила отличный бизнес-план.

– Ого, – Пайпер отложила газету. – Амбициозный проект.

– Еще какой. И это было на *прошлой неделе*. Похоже на женщину, которая намеревалась убить всю свою семью, а затем покончить с собой?

Пайпер покачала головой.

– У нее, конечно, были проблемы, – продолжала Марго. – С матерью, например.

– Роуз? А что с ней?

– Эми особо не распространялась; насколько я поняла, у нее деменция. Ужас, правда? Помнишь, в детстве мы особо и не видели Роуз? А несколько лет назад она вдруг появилась в мотеле и вновь стала там жить. Завязала с выпивкой, все шло нормально. Судя по словам Эми, подружилась с Лу. Я часто видела их в городе – то идут на рынок, то за мороженым. Эми с мужем много работали, так что Роуз каждый день забирала Лу и Леви из

школы. В общем, ей дали второй шанс – она была плохой матерью Эми, зато стала отличной бабушкой ее детям.

Пайпер кивнула в ответ. Недавно Эми выложила много новых фотографий: на них была пожилая женщина, которая вместе с остальными членами семьи открывала подарки на Рождество и играла в куклы с маленькой девочкой со светлыми волосами – видимо, это как раз Лу. Пайпер не узнала Роуз – она ведь видела ее только на фотографии, где мама Эми стояла рядом со своей сестрой Сильви с цыпленком в руках.

– А потом, – продолжала Марго, – Роуз вдруг стала путаться, ощущать тревогу, не могла отличить реальность от вымысла. Когда в доме дети, рисковать нельзя, так что где-то месяц назад ее отправили в дом престарелых.

– Кошмар. Ей сообщили, что случилось с Эми и ее семьей?

– Джейсон говорит, утром к Роуз ездили полицейские, но она никак не отреагировала на их слова. Вела себя так, будто их вообще там нет.

– Печально.

– Может, так оно лучше. Не осознавать, что произошло.

Пайпер снова глянула на фотографию старой фермы Слейтеров и заметила на ней человека – в нижнем левом углу, у амбара. Непонятно, мужчина это или женщина, просто размытые очертания.

Марго посмотрела на Пайпер, и та увидела, что глаза сестры полны слез.

– Если бы мы только не сдавались. Не бросали ее, не теряли связь. Может, придя в офис, Эми хотела попросить у меня помощи... У нас обеих.

– В смысле?

– Она спрашивала, чем ты сейчас занимаешься. Она... не знаю... словно хотела вернуть прошлое. Соскучилась.

Пайпер покачала головой. Хватит делать вид, что ее это не трогает.

– *Соскучилась?* Марго, в конце того лета она сказала, что не хочет иметь с нами ничего общего. Она ясно дала это понять и сама оборвала все связи.

Когда в школе Пайпер проходила мимо Эми, та нарочно отводила взгляд. Каждый день Эми протискивалась мимо нее к своим новым друзьям в конец школьного автобуса и даже не замечала, что Пайпер заняла ей место.

– Но мы были нужны ей, – Марго вытерла слезы. – А мы с тобой сдались. Может, этого... этого кошмара не случилось бы, будь мы рядом.

– Глупость какая. С чего ты взяла?

Марго расплакалась сильнее.

– Ты так легко ее забыла...

Это было уже слишком. Пайпер промолчала, хотя хотела крикнуть: «Это она забыла меня!»

– Я смотрю, ты даже не расстроена, – всхлипывала Марго. – Тебя как будто вообще это не касается.

Да, когда Эми перестала отвечать на звонки, Пайпер была слишком обижена и зла, чтобы предпринимать жалкие попытки поболтать с ней или занять место в автобусе. Если Эми не нуждается в Пайпер, то пусть идет к черту. Эми захлопнула дверь, а Пайпер навесила на нее пару замков.

Сделав глубокий вдох, Пайпер взяла сестру за руку.

– Конечно же, я расстроена, Марго. – «Слишком расстроена», – мысленно добавила она. В этом-то и была проблема, верно? Пайпер с улыбкой добавила: – Кому-то из нас надо сохранять спокойствие.

Марго слегка усмехнулась:

– Я ведь помчалась в аэропорт, как только узнала про Эми, но, честно говоря, сейчас меня больше тревожит ваше состояние – твое и ребенка.

– Спасибо, – сказала Марго. – Я очень тебе благодарна, правда. Просто все это никак не выходит у меня из головы, а с Джейсоном на эту тему не поговоришь. И эта *надпись*... На старом снимке Роуз и Сильви, том самом, что мы нашли в чемодане.

– Понимаю, – ответила Пайпер.

– Мне все кажется, что там кто-то – или что-то – есть. Что нам с тобой грозит ужасная опасность. – Марго провела рукой по животу. – И ребенку тоже.

Пайпер погладила сестру по голове:

– Все хорошо, мы вместе. Мы в безопасности, и нам ничего не угрожает. То, что произошло с Эми... это страшно, но к нам это никак не относится.

– Она оставила эту надпись для нас, Пайпер. Эми была уверена, что мы пойдем. Случившееся точно связано с нашей находкой!

У Пайпер по шее поползли мурашки.

– Марго, хватит. Seriously. Полицейские наверняка правы – Эми страдала от депрессии или была психически нездорова, и что-то внутри нее треснуло. Такое бывает.

Марго покачала головой и приподнялась:

– Господи, Пайпер! Ты сама в это веришь? Ты веришь, что Эми способна убить собственного мужа и сына?

– Не считая стандартных открыток на Рождество и фотографий на Фейсбуке, я много лет не общалась с Эми. Я совсем ее не знаю.

К горлу подступил комок.

Марго нервно поправила одеяло.

– Неправда. – Ее голос теперь звучал спокойно и серьезно. – Ты знала ее лучше всех.

Многое ли известно Марго о том, что на самом деле произошло тем летом между ее сестрой и Эми?

– Мы были детьми. Люди меняются. Я вот изменилась. – Разве? Пайпер сглотнула ком. Меняются ли люди вообще? – Эми наверняка тоже.

– И что, она стала убийцей? Сумасшедшей, которая разделалась с собственной семьей, а потом вышибла себе мозги?

– Не знаю... я...

– Нет, знаешь! – Покруглевшее лицо Марго залило краской.

– Тише, Марго. – Пайпер сжала ее руку. Надо вести себя, как подобает старшей сестре, какие бывают в кино и книгах. Самоотверженные, мудрые сестры, которые всегда знают, что сказать. Надо постараться изо всех сил – ради Марго, ради ребенка.

Марго послушно откинулась назад, но упрямо ответила:

– Еще как знаешь. Поэтому нам нужно выяснить, что именно произошло в мотеле и что все это значит.

– Нам? Ты у меня никуда не пойдешь. Слушай врача и Джейсона, лежи в кровати, смотри кулинарные шоу, читай статьи о грудном вскармливании и видах подгузников.

– Ладно. Тогда ты этим займешься, – с блестящими глазами ответила Марго.

– И что я должна делать?

Марго прикусила губу.

– Может, поговоришь с дочкой Эми?

– С чего ты взяла, что она вообще захочет со мной общаться?

– Джейсон говорит, она потрясена. До сих пор в шоке. Как заведенная рассказывает о произошедшем. Может... если ты намекнешь, что ее мама не виновата... тогда девочка раскроется и скажет, что именно видела и слышала той ночью.

– Ну, не знаю...

Марго крепко схватила Пайпер за руку.

– Пожалуйста, сделай это ради меня. И ради Эми.

Пайпер резко выдохнула. Когда-то она была в башне с Эми, и подруга так же крепко взяла ее за руку и потянула за собой в темноту.

– Хорошо, я попробую. Только если Джейсон узнает, что я задумала, если он узнает, что мы вообще говорили про Эми и ее семью, он отправит

меня домой первым же самолетом. Слышала бы ты, какую лекцию он прочитал мне по дороге.

– Надо действовать осторожно, держать все в секрете. У нас ведь это всегда отлично получалось, да? – сказала Марго с горькой улыбкой.

И тогда Пайпер поняла, что ответственной старшей сестры из нее не вышло. Опять все как в прежние времена: они делятся секретами и ищут неприятности. Опять тщетная охота на призраков прошлого и две глупые девчонки, которых раззадоривает Эми: «Ну что, слабо?»

1989

Пайпер

– Мы с Джейсоном Хоком целовались, – прошептала Эми Пайпер. – С языком.

– Фу!.. – крикнула Марго.

Она поехала в глубь пустого бассейна, грохоча роликами по разбитому голубому дну. Марго было всего десять, и она всегда теряла терпение, когда в игре «Правда или действие» речь заходила о мальчиках и поцелуях. Из-под шлема торчали растрепавшиеся хвостики, веки блестели от неоновых синих теней, которыми Эми ее накрашила. Надо смыть перед возвращением домой, иначе мама жутко разозлится. Марго надела защитные наколенники и налокотники. Пайпер свои не носила, ведь у Эми таких просто не было.

На парапете, с мелкой стороны бассейна, стоял приемник, настроенный на радиостанцию «Дабл-ю-кью-ви-ти», чей слоган был «Только хиты». Заиграла «Sweet Child of Mine» группы «Guns N' Roses» – одна из любимых песен Эми. Ей нравилось, когда вокалист изливал душу, поэтому она любила даже песни со старых бабушкиных пластинок Перри Комо и Фрэнка Синатры. Жутко слащавые, но когда Эми подпевала, они звучали классно.

– И каково это было? – Пайпер прижалась поближе. От Эми пахло духами «Лавз Бейби Софт» и клубничным блеском для губ. На ней была облегающая футболка с «Охотниками за привидениями» и джинсовые шорты с обтрепанными краями.

Эми ответила озорной улыбкой и заправила за ухо с тремя сережками розовую прядь волос, покрашенную растворимым желе. Она тоже накрашила глаза блестящими синими тенями и растушевала серебристым до самых бровей. Как звезда из клипов на «MTV». Или как младшая сестра Синди Лопер, только Эми считала, что Синди Лопер – отстой, вот Пайпер и не упоминала об их сходстве вслух.

– Иди сюда, я расскажу. – Эми развязала разноцветные шнурки на белых роликах. Пайпер сделала то же самое, подруги переобулись в шлепанцы и вылезли из бассейна. Лето подходило к концу, через две недели снова в школу. У обеих девочек были загорелые ноги – у Эми длинные и стройные, прямо как у девушек из танцевальной группы «Рокетс», на чье выступление Пайпер ездила с мамой в «Радио-сити-мьюзик-холл».

– Вы куда? – хмуро спросила Марго. Девчонки часто бросали ее, и ей

это жутко не нравилось. Все потому, что она еще маленькая, хотя Марго делала вид, что уже совсем взрослая. Хвостики торчали из-под шлема, точно две антенны, и от этого она была похожа на сердитого жучка.

– Скоро вернемся, – сказала Эми. – Никуда не уходи.

Пайпер и Эми побежали к конторе мотеля в здании с крутой остроконечной крышей – по мощеному дворику у бассейна, сквозь трещины в котором пробивалась сорная трава, мимо сломанных шезлонгов. На окне висела табличка с красными буквами: «ЗАКРЫТО», пыльные пластиковые жалюзи были опущены. Справа к конторе примыкали номера мотеля – с первого по четырнадцатый. Номера с пятнадцатого по двадцать восьмой расположились позади, в другом здании.

Все номера теперь были наглухо закрыты, словно гробы, хотя ключи с синими бирками по-прежнему висели на металлической подставке за стойкой регистрации. Иногда девочки заходили в комнаты, в которых ничего не изменилось с тех пор, как мотель закрылся в 1971 году. Кровати были застелены коричневыми покрывалами с узором, на полу лежали выцветшие ковры бирюзового цвета, все прожженные и в застарелых пятнах непонятно от чего. Картины с желто-оранжевыми бархатцами в массивных рамах украшали стены. Старые цветные телевизоры давно продали, но остались столики из-под них, а еще комоды и тумбочки, некоторые даже с отсыревшими библиями. Мебель была вся в зазубринах и царапинах, с круглыми пятнами на поверхности – призрачными следами стаканов, из которых некогда пили жильцы. В ваннх лежало упакованное мыло, хотя большинство коробок прогрызли мыши. Во всех номерах стояли пепельницы, и иногда Пайпер была готова поклясться, что вдыхает воздух 1971 года – с пылью, дымом сигарет и давно выветрившимися духами. Как привидения, если бы у тех был запах.

В комнатах начали протекать крыши, по потолкам поползли пятна от сырости и плесени, местами осыпалась штукатурка. Кое-где по-прежнему лежали спички и блокноты с логотипом мотеля «Тауэр» в виде простого рисунка величественной башни.

Бабушка Эми показывала им снимки башни в процессе строительства. Шишковатыми, пожелтевшими от никотина пальцами она водила по черно-белым фотографиям в старом альбоме.

– Муж всегда повторял, что эта башня для меня, – говорила Шарлотта. – Но мы знали правду. Он построил башню, потому что сам так решил. Хотел привлечь туристов со всего мира, которые сделали бы нас богатыми и знаменитыми.

На снимках не было ничего особенно интересного: дедушка Эми

готовил сюрприз, поэтому заставил все лесами – чтобы за досками и брезентами не разглядели, чем он там занимается. Наконец, на последнем фото торжественное открытие: Кларенс Слейтер, привлекательный мужчина в костюме и шляпе, с прилизанными темными волосами и слегка косоглазый, держит за руку жену. Бабушка Шарлотта здесь молодая и красивая, совсем непохожая на неопрятную старуху, в которую она превратилась. Они стоят на фоне деревянной таблички, установленной дедом так, чтобы привлечь внимание водителей с десятого шоссе. На ней написано: «Приезжайте посмотреть на знаменитый лондонский Тауэр».

Пайпер и Эми перешагнули через обломки давно поваленной таблички, которые гнили теперь среди сорняков, окурков и оберток от гамбургеров, выброшенных из окон машин, и подошли к башне.

Заходить туда девочкам запрещалось. Бабушка говорила, что внутри опасно: стены рушатся, полы прогнили.

– Это ловушка, – повторяла бабушка Шарлотта хриплым голосом. Ее дыхание пахло кислым. – Держитесь от нее подальше. Однажды кто-нибудь провалится вниз, до самого адского дна.

Бабушка Шарлотта заботилась об Эми в отсутствие Роуз, ее матери (которой, насколько помнила Пайпер, почти никогда не было рядом. За тот год, что Пайпер дружила с Эми, она ни разу не видела Роуз). По словам Эми, у ее мамы было не все в порядке с головой. И еще она пила. Бабушка Шарлотта как-то сказала: «Моя бедная Роуз так и не оправилась после исчезновения Сильви. Некоторых потеря делает сильнее, но ее она сломила».

Сильви была тетей Эми, старшей сестрой матери. В восемнадцать лет она сбежала в Калифорнию, чтобы стать кинозвездой – так говорила Эми. Собрала чемодан и оставила прощальную записку в пишущей машинке, обещая вскоре выйти на связь. Больше о ней ничего не слышали. Полным именем подруги было Эми Сильвия – в память о пропавшей тете.

Было жалко бабушку Шарлотту, которой досталось в одиночку воспитывать такого неуправляемого ребенка, как Эми. Ее муж Кларенс умер еще до рождения внучки. Бабушка Шарлотта уверяла, что крах мотеля разбил ему сердце. «Видимо, она имеет в виду сердечный приступ», – думала Пайпер.

Шарлотта была худой, с обвисшей кожей и седеющими волосами. На подбородке у нее росли два длинных седых волоска, которые так и хотелось выдернуть. Дом всегда находился в ужасном состоянии (хотя бабушка постоянно что-то прибирала). Иногда подруги заставляли Шарлотту у окна кухни: женщина смотрела вдаль отсутствующим взглядом.

– Что это она? – спрашивала Пайпер.

– Не знаю, – отвечала Эми. – Может, высматривает мою маму или Сильви. Или даже постояльцев. Она как будто ждет, что старый звонок, проведенный из конторы в дом, скоро зазвонит, хотя он сломался еще сто лет назад.

Бывало, бабушка путалась и называла внучку Сильви.

– Иди-ка сюда, Сильви, давай я заплету тебе косу.

– Я Эми, бабушка, – раздраженно отвечала подруга. Ей было неловко. – Сильви здесь нет.

– И правда, – говорила Шарлотта, расчесывая золотистые волосы внучки. – Она была хорошей девочкой. Как и ты.

Эми потянула Пайпер через сводчатый дверной проем, в прохладу и темноту башни. У Пайпер перехватило дыхание – вдруг стены сейчас рухнут? Внутри было мрачно, пахло отсыревшим цементом, гнилыми листьями и чем-то тухлым. Деревянный настил прогибался под ногами. На первом уровне не было окон, и свет проникал сюда только сквозь узкий дверной проем.

Под ногами шуршала многолетняя сухая листва. На полу валялась обертка от шоколадки «Милки Вэй» и смятая банка из-под пива. Музыка из радиоприемника, доносившаяся от самого бассейна, окутывала их туманом, но слов песни было не разобрать.

– Ты правда хочешь знать, каково это – целоваться с Джейсоном? – спросила Эми, чье лицо Пайпер едва различала в темноте.

– Да, – ответила Пайпер, и Эми крепко сжала ее вспотевшую ладонь. Пайпер еще ни с кем не целовалась, но постоянно разглядывала губы всех знакомых мальчиков, присматривалась к их форме и движению во время беседы. Интересно, будет ли щекотно от мягкого пушка у мальчиков над верхней губой? И как держать голову, чтобы не мешался нос?

Костлявый мальчишка Джейсон Хок, их одноклассник, жил по соседству с Пайпер и Марго, в многоквартирном доме с другой стороны холма, на котором расположился мотель. Волосы у него были длинноваты (но не настолько, чтобы выглядеть круто), и он повсюду ходил с лупой, показывая девчонкам, как классно разглядывать через нее кору дерева или маленького зеленого жучка. Марго было жаль его – Джейсон казался ей одиноким, – а Пайпер считала его чокнутым. Несколько месяцев назад он передал Эми зашифрованную записку, а та даже не попыталась разгадать шифр, что ужасно его расстроило.

– Сейчас узнаешь, – сказала Эми, и не успела Пайпер ей ответить или даже представить, что будет дальше, как Эми поцеловала ее скользкими от

блеска губами. Ее маленький язычок осторожно раскрыл губы Пайпер. Она ощутила вкус клубничной помады и жаркое дыхание Эми. Пайпер едва слышно застонала, будто говоря: «Я сдаюсь, я согласна на все», и ответила на поцелуй. Пайпер была уверена, что башня кружится и стены рухнут прямо на них.

Затем она поняла, что это была не башня, а чья-то тень. Кто-то стоял у входа и следил за ними. Пайпер замерла, потом отскочила в сторону.

Призрачная фигура вышла на свет.

– Джейсон? – позвала его издали Марго. Видимо, она шла по дорожке к башне. – Ты не видел Пайпер и Эми?

Джейсон молча ушел.

– Эй, подожди! – крикнула Марго. Она бежала за Джейсоном, но шаги вдруг затихли.

Подруги замерли, слушая. Пайпер прижалась спиной к прохладной каменной стене.

– Ты куда? – спросила Марго.

– Домой, – ответил Джейсон.

– Так ты не видел Пайпер и Эми?

Пайпер пригнулась в тени и посмотрела на Эми, но не поняла, что выражает ее лицо. Она точно не была взволнована или обеспокоена. Кажется, ее это забавляло.

– Не-а.

– Поможешь мне найти их?

– Не могу.

– А ты еще придешь? Ты обещал показать мне телескоп.

– Не сегодня, – сказал Джейсон. – В другой раз.

– Просто я думаю попросить телескоп на день рождения, вот и хотела посмотреть, такой ли мне нужен.

– У меня фирмы «Таско». Мама купила в магазине для хобби.

Снова захрустел гравий, Джейсон пошел домой.

– Ладно, до встречи! – крикнула ему Марго, но Джейсон не ответил.

– Похоже, твоя сестричка запала на Джей-Джея, – прошептала Эми.

– Неправда, – ответила Пайпер.

Марго подошла к самому входу в башню.

– Пайпер? Эми? – Ее слова отозвались эхом.

– Тс-с. – Эми с улыбкой приложила палец к губам. – Сюда. – Не выпуская руку подруги, она повела ее наверх по шаткой лестнице. Пайпер старалась ступать так же неслышно и грациозно. Они присели на корточки под одним из трех вытянутых узких окон. Здесь было еще темнее. Эми

сжала ее руку. Пайпер тяжело дышала. Зачем им прятаться? Это ведь подло по отношению к Марго, хотя в то же время весело.

Правой рукой Пайпер нежно коснулась лица Эми. Подруга посмотрела на нее с хитрой улыбкой, но затем эта улыбка исчезла. Внутри у Пайпер все скрутило – так серьезно теперь выглядела Эми.

– Ты целуешься лучше, чем Джейсон Хок, – прошептала Эми, наклоняясь ближе.

– Он нас видел.

– И что? – Эми пожала плечами.

– И то... вдруг он кому-нибудь расскажет.

– Не расскажет.

– Откуда тебе знать? – спросила Пайпер. Представить страшно: через две недели они выходят с каникул, а все вокруг шепчутся, и по школе идут слухи о том, что Пайпер и Эми... Ненормальные? Лесбиянки? О боже.

– Просто знаю, и все. Он же ничего не сказал Марго. Нечего переживать из-за Джей-Джея. Успокойся, все в порядке.

– Пайпер? Эй, вы тут?

Марго зашла в башню и стала осторожно взбираться вверх.

– Идем, – прошептала Эми и снова потянула Пайпер за собой к следующей лестнице, которая вела на площадку на крыше – с зубчатыми стенами, как в замке. Здесь уже не спрячешься. Можно только расправить крылья и полететь.

Эми зажала рот рукой, чтобы Марго не услышала смех. Для нее все это было игрой – поцелуй, приход Джейсона, прятки от сестры Пайпер.

– Ну хватит, – сказала Марго. – Я знаю, что вы наверху. Вас слышно!

Эми дернула Пайпер за собой, молча показывая на лестницу. Пайпер неуклюже прыгнула следом, и правая нога провалилась сквозь пол с громким треском. Ее повело вперед, ладонь выскользнула из руки Эми.

Пайпер закричала – и от боли в расцарапанной ноге, и от страха, что она провалится до первого этажа (а может, и до самого адского дна, как говаривала бабушка Шарлотта). Но что-то ее удержало. Настил шел в два слоя: треснувший пол крепился к балкам, к которым с обратной стороны был прибит потолок, чьи доски выдержали.

– Ничего себе! – Эми протянула Пайпер руку. – Ты жива?

– Вроде да. – Пайпер осторожно вытащила ногу и отошла от дыры. Голень была вся в крови, из кожи торчала похожая на зазубренный шип щепка. От ее вида у Пайпер закружилась голова. Вдруг щепка достала до кости?

– Вот блин, – сказала Эми, глядя на ногу подруги. Она заправила прядь

розовых волос за ухо и наклонилась, чтобы рассмотреть поближе.

– Надо позвать твою бабушку, – предложила Пайпер, отводя взгляд от раны. В войну бабушка Шарлотта была медсестрой. На старых фотографиях она стоит в отутюженной белой форме на фоне больничных коек. Хотя это было сорок лет назад, бабушка Шарлотта наверняка знает, как помочь. Человек, который видел раненых солдат с оторванными ногами, точно справится с занозой – пусть и с такой огромной.

– Ни в коем случае, – ответила Эми. – Если бабушка узнает, что мы были здесь, она перестанет мне доверять. Мы сами отлично справимся. Честное слово.

– Но я...

– Тише. Закрой глаза.

Пайпер прикрыла глаза, но все равно подглядывала.

Эми с уверенностью зажала занозу ногтями и резко дернула на себя. Пайпер была готова разразиться тысячью ругательств, но боль затмила все, и она лишь вскрикнула.

– Вот. – Эми с торжествующим видом протянула ей окровавленную щепку, которая блестела в тусклом свете.

Внутри у Пайпер все скрутило.

– В чем дело? – Из-за лестницы высунулась голова Марго.

– Стой там, – предупредила ее Эми. – Здесь опасно. Полы прогнили.

– Что с тобой? – встревоженно обратилась Марго к сестре.

– Ничего страшного, – сквозь зубы процедила Пайпер, промакивая рану, из которой сочилась темная кровь, краем футболки. – И не вздумай рассказывать маме, иначе она нас убьет. И больше сюда не пустит.

Марго кивнула. Тени на ее глазах переливались в свете, который проникал сквозь щелки в забитых окнах.

– А то я не знаю. Я же не дурочка.

– Повезло, что совсем не провалилась, – сказала Эми, разглядывая дыру вблизи.

«До самого адского дна», – мысленно добавила Пайпер, кивнув в ответ.

– Пойдем уже отсюда, – тоненько пропищала Марго, как комарик.

В кои-то веки Пайпер была согласна с младшей сестрой и выпрямилась на трясущихся ногах. Правую, липкую от крови, пронзала боль.

– Подожди-ка, – сказала Эми. – Тут что-то есть. – Она легла на живот и засунула руку под пол.

– Осторожно, – предупредила Пайпер. Вдруг пол не выдержит ее веса

и Эми провалится головой вперед, как Алиса в кроличью нору?

Эми вытащила из дыры маленький плотный чемодан оливкового цвета.

– Что это? – спросила Марго, разглядывая находку.

Эми молча положила чемодан на пол, с громким щелчком открыла застежки и, задержав дыхание, медленно подняла крышку.

Внутри лежала аккуратно сложенная одежда – льняное платье, чулки, – а под ней небольшой кошелек со свернутой пачкой купюр: десятки, двадцатки, пятерки. На дне кошелька обнаружились старинные серьги с зелеными камнями и жемчужное ожерелье.

– Ого! – удивилась Марго. – Настоящие драгоценности!

Эми внимательно посмотрела на украшения, положила их обратно в кошелек и стала дальше копаться в чемодане.

Под одеждой был еще старый альбом, красиво надписанный черными буквами: С.А.С. На хрупких страницах приклеены вырезки из газет и журналов с фотографиями кинозвезд давних времен. Некоторых Пайпер знала, но пик популярности этих актеров и актрис уже прошел. Под снимками были аккуратные подписи: Гэри Купер, Рок Хадсон, Одри Хепберн, Дорис Дэй.

Потом Эми вытащила из чемодана старую фотографию в рамке, на которой были запечатлены две девочки: одна постарше, невероятно красивая, с узким лицом, прямыми светлыми волосами и завораживающим взглядом; другая напоминала лишь бледную тень первой – темные растрепанные кудри и круги под глазами с тяжелыми веками. Обе были одеты в чопорные платья и смотрели в камеру одинаково чопорным взглядом, как будто за секунду до снимка фотограф пробормотал: «Улыбайтесь уже, черт возьми». Девочки стояли на фоне таблички с надписью «Знаменитый куриный цирк Лондона» с цыплятами в руках.

– Моя мама со своей сестрой, – сказала Эми и, немного задумавшись, добавила: – Видимо, это чемодан Сильви. С которым она уехала.

– Тогда почему он здесь? – спросила Марго. От разбросанной одежды шел затхлый запах давно забытых вещей.

Эми достала и встряхнула платье, отчего оно всколыхнулось то ли флагом, то ли бьющим крыльями мотыльком, и Пайпер представила светловолосую девочку с фотографии в этом наряде. На ее лице улыбка, но взгляд предупреждает: «Положи обратно. Если не хочешь неприятностей, то уходи отсюда и забудь, что видела».

Джейсон

Он мысленно проигрывал у себя в голове то, что увидел в башне, и картина обрывалась на том моменте, когда Пайпер заметила Джейсона, услышав оклик Марго. Вдруг Эми рассердится? Может, она уже ищет его, готовая свернуть Джейсону шею, если он не поклянется молчать?

Улизнув от Марго, он пошел домой, немного поиграл на приставке, но сосредоточить на этом внимание было трудно. Джейсон пробрался через лес обратно к мотелю и, выглядывая из-за толстого ствола клена, заметил девчонок – они как раз шли от башни и о чем-то спорили.

Пайпер хромала, ее нога была в крови.

– Надо рассказать твоей бабушке, – сказала она.

– Может, вызвать полицию, – добавила Марго.

– Нет, – твердо возразила Эми. – Сначала надо узнать, что все это значит.

Джейсон прижался к дереву.

Вызвать полицию? Что там такое в этой башне?

Девочки зашли в дом, а Джейсон, обогнув лес, направился к мотелю.

Прятаться в четвертом номере было лучше всего: замок сломан, не надо брать ключ из конторы. Джейсон даже оставил кое-что под кроватью – бинокль, старую бутылку из-под колы с водой, фонарик (вдруг когда-нибудь придет сюда затемно) и пакетик семечек. Мама Джейсона считала фастфуд неподходящим перекусом для сына, поэтому кормила его как птичку – орехами, семечками и сухофруктами.

Вдобавок к этим запасам имелись и кое-какие сокровища. Вещи Эми, которые он нашел у бассейна: наполовину пустой флакон лосьона для загара, серебряная сережка-кольцо, дешевые солнечные очки под «вайфарер» в красной пластиковой оправе. Были здесь и другие ценности, найденные в мотеле: коробок спичек и листок бумаги с логотипом мотеля «Тауэр», медный брелок с одним ключом, подходящим ко всем дверям – его Джейсон обнаружил в конторе, в дальнем углу ящика стола.

Иногда он воображал, будто живет в мотеле. Будто только что вернулся домой после трудного дня. Джейсон сбрасывал кроссовки, ложился на затхлую кровать с проеденным молью покрывалом, окидывал комнату взглядом – как же хорошо. Своя комната. Своя ванная, в которой, правда, нет воды и отколота плитка. Чаще всего он думал об Эми. Однажды она точно станет его девушкой. Мама говорила ему: если чего-то сильно

хочешь, надо представить, что оно у тебя уже есть, и тогда все получится. Мама верила в визуализацию и позитивный настрой. Ко всем зеркалам в их квартире были приклеены листочки с фразами вроде «Я воплощаю свою мечту в жизнь» и «Скоро все будет замечательно». Джейсон сомневался в действенности такого подхода: мать по-прежнему получала мизерную зарплату в доме престарелых, где убирала слюни и мочу за стариками, хотя по двадцать раз на дню твердила: «Я безумно богата».

И все же он представлял Эми своей девушкой. Думал об этом так напряженно, что даже голова начинала болеть, и вполне возможно, позитивное мышление возымело свое действие, ведь вчера Эми Слейтер на самом деле поцеловала его. Не по-дурацки клюнула в губы, а по-настоящему. Их языки соприкоснулись (было противно, но в то же время волнуяще), а в конце она слегка прикусила его нижнюю губу. Ладно, может, и не слегка. Когда утром он смотрелся в зеркало, губа все еще была красной. Что ж, Джейсон не возражал. Проводя языком по припухшему месту, он вспоминал, как Эми впиалась в него зубами.

Все это вышло совершенно неожиданно. Он застал Эми одну на дне бассейна, и она позвала его к себе. Ему ведь не почудилось?

– Иди сюда. – Это было не приглашение, а приказ. – Сигареты есть?

Джейсон покачал головой.

– Ну конечно, нет, – разочарованно, хотя и неудивленно сказала она и поехала на роликах вперед, спиной к Джейсону.

– Я могу достать! – крикнул он вслед.

Эми изящно развернулась.

– Правда? – с улыбкой спросила она.

– Да. Не проблема.

Эми ракетой помчала вперед и подъехала вплотную к Джейсону.

– Когда?

– Ну-у... завтра? Если тебя устроит, могу принести завтра.

– Отлично, – улыбнулась Эми. Она внимательно посмотрела на Джейсона, склонив голову сначала влево, потом вправо, словно изучала его с разных сторон. – Слушай, тебе не говорили, что ты немного косоглазый?

– Э-э... – Он запнулся и покраснел. – Нет.

– Идеальных лиц не бывает. Даже у супермоделей. Ты знал, что нет людей с абсолютно симметричным лицом? Левая сторона носа совсем не такая, как правая. Вот и здесь, – добавила она, коснувшись левого уголка его рта, – с этой стороны губа может быть немного крупнее или более загнутой. Получается, все мы как криво вырезанные хэллоуиновские тыквы.

После этого она его поцеловала – несмотря на раскосые глаза и несимметричное лицо.

И если бы не опухшая губа, Джейсон решил бы, что все это выдумал, ведь поцелуй был внезапным и очень быстро закончился. Эми укатила на роликах, бросив напоследок:

– Пока, Джей-Джей. В следующий раз не забудь сигареты.

Он и не забыл. Джейсон пошел домой и стащил пачку «Мальборо» из маминого блока. Как только мама ушла на работу, он надел футболку брата с группой «Рамоунз». «Не знала, что тебе нравятся «Рамоунз», – скажет ему Эми. А он ей эдак: «Ты еще многого обо мне не знаешь» или «Я полон сюрпризов».

Нет. Слишком глупо.

Он вернулся к мотелю, но у бассейна была только Марго, вот Джейсон и решил поискать Эми у башни, чтобы отдать ей сигареты. Тогда он их и увидел. И раздавил пачку, когда от потрясения рука непроизвольно сжалась в кулак.

Теперь, лежа на кровати в затхлой темноте, Джейсон вытащил смятую пачку из кармана. Что же девчонки замыслили? Что они нашли в этой старой башне-развалюхе? Джейсон достал одну сигарету. Еще цела.

Может, передать их Эми? Как бы говоря: «Без обид». Она поймет, что его ничуть не смутило увиденное.

Только куда положить сигареты?

Так, чтобы Эми точно их нашла.

У бассейна? Нет, ее бабушка иногда сидит там на старом продавленном кресле. Она заметит, и у Эми будут проблемы.

В башне.

Он отнесет их в башню!

Поймет ли Эми, что это от него? Возможно. Надо бы оставить записку.

Джейсон вскочил с кровати и подошел к письменному столу. Взял огрызок карандаша и лист бумаги с логотипом мотеля.

Что же написать? Про то, что он видел? Про их вчерашний поцелуй в бассейне? Можно сказать, что все время думает о ней. Что Эми может доверить ему секреты башни.

Как насчет зашифрованного послания?

Нет. Чем проще, тем лучше.

Она не потерпит слащавых глупостей.

В итоге Джейсон оставил такую записку:

Сигареты, как и обещал.

Надеюсь, скоро увидимся.

Дж.

Он выглянул из окна: никого, медленно открыл дверь и прислушался. Посмотрел в обе стороны. Девчонки еще не выходили из дома.

Он побежал прямо к башне. У входа, в полумраке, что-то пошевелилось.

Неужели он не заметил, как девочки пришли обратно? Тогда уже поздно – они все равно его видят. Просто скажет, что принес кое-что для Эми.

– Эй, вы тут? – позвал Джейсон, заглянув в башню.

Молчание.

Несмотря на тишину, Джейсону все равно казалось, что он здесь не один. Что-то такое витало в воздухе.

– Есть тут кто-нибудь? – снова спросил он, глядя на потолок. Можно подняться по лестнице и проверить два верхних этажа, но что-то его сдерживало.

Он оставил сигареты и записку в центре первого этажа и побежал обратно к четвертому номеру мотеля.

Пайпер

– Бабушка, расскажи нам про тетю Сильви, – ворковала Эми, уговаривая Шарлотту.

Все собрались за кухонным столом Слейтеров, ели чипсы и пили выдохшуюся газировку. Пайпер и Марго предлагали показать чемодан бабушке Шарлотте, но Эми была против.

– Пока не надо. Сначала мы должны узнать, что все это значит. Не хочу зря расстраивать бабушку. Она переживает из-за всего, что связано с Сильви.

Вот девочки и оставили чемодан в башне, засунув его обратно под пол, а потом сразу пошли в ванную, чтобы заняться ногой Пайпер. Эми полила рану перекисью, которая жутко шипела и пенилась. Впрочем, больно не было, как Эми и обещала. Потом она перевязала ногу Пайпер бинтом. Бабушке сказали, что Пайпер упала, катаясь на роликах.

– Надо быть осторожнее, – рассеянно отозвалась Шарлотта.

Картофельные чипсы на вкус были как соленый картон. Пайпер отпила газировки, вспоминая прикосновение губ Эми, и по телу разлилось тепло.

Пайпер бросило в жар. Она вытерла лицо рукой.

Марго с тревогой посмотрела на нее и, беззвучно шевеля губами, спросила:

– Все нормально?

Пайпер ответила сердитым взглядом. Конечно, все нормально.

– Расскажи нам про тот день, когда Сильви убежала, – попросила Эми.

Бабушка стояла у раковины, спиной к девочкам. Потная кожа прилипла к виниловым стульям.

На бабушке Шарлотте было легкое домашнее платье, такое широкое, что висело на ее худом теле голубым цветастым мешком. Седые с желтизной волосы безжизненно падали на плечи. Пока бабушка мыла посуду, ее сигарета дымилась в пепельнице и сгорала сама по себе, как фитиль. Скоро дойдет до фильтра, и в кухне завоняет химией.

– Моя Сильви была хорошей девочкой, – сказала Шарлотта.

– Почему же она убежала? – спросила Эми.

Лицо бабушки искривилось, и она покачала головой:

– Наверное, мы так и не узнаем. – Она стянула с морщинистых рук желтые резиновые перчатки.

Пайпер вспомнила про фотографию двух девочек, что они нашли в

чемодане. Одна низкого роста, с взъерошенными темными волосами, ничем не примечательная, другая светленькая и красивая. И бабушка Шарлотта потеряла их обеих. Эми совсем не напоминала свою мать. Нет, она же копия тети Сильви, лучезарной и светловолосой.

Марго ровно сидела на стуле и внимательно слушала: она всегда была хорошей девочкой. Пайпер вдруг переполнила злость. Не заявись сестра в башню, не пришлось бы бежать. Пол не треснул бы, и они бы не нашли чемодан. Пусть бы там и оставался. Пайпер охватило какое-то неприятное предчувствие. Сначала едва заметное, словно ноющий зуб, теперь оно разлилось по всему телу и пульсировало в такт боли в ноге. Бинт пропитался кровью, оставив пятно в форме бабочки.

– Сильви ведь написала записку?

Бабушка вздохнула.

– Ты и так все знаешь, Эми. А еще знаешь, что я не люблю это обсуждать. Как и твоя мама. Если... то есть, когда она вернется, не вздумай упоминать о Сильви. Это ее расстроит.

– Знаю.

Эми едва не заплакала. Она почти никогда не говорила о маме.

– Мама пьет, – однажды рассказала Эми, когда с ними не было Марго. – Бабушка говорит, она ничего не может с этим поделать. Внутри нее будто что-то сломалось, и лучше ей только от выпивки. Хотя по мне, так она просто ненормальная. Когда я была совсем маленькая, я как-то проснулась, а мама стоит у моей кровати с такой большой ржавой цепью в руках и смотрит на меня безумным взглядом, как будто хочет убить. Я завопила, и на мой крик прибежала бабушка. Мама все повторяла, что «ей нужно узнать». Понятия не имею, о чем это она. Потом она просто взяла и ушла, и мы не видели ее целый год.

«Как ужасно, – подумала Пайпер, – когда твоя мама жива, но при этом не может быть твоей мамой». Интересно, где сейчас Роуз? Думает ли о дочери или вообще забыла, что у нее есть ребенок?

– Ну пожалуйста, бабушка, – настаивала Эми, выходя из-за стола. – Еще разочек. Ты нашла записку от Сильви, да?

Бабушка выдохнула, затем, кивнув, закрыла глаза, словно в темноте ей было легче рассказывать эту историю.

– Тем утром я проснулась от плача твоей матери – она редела так, будто настал конец света. Я зашла в их комнату и увидела, что постель Сильви пуста. Твоя мама была страшно расстроена, не могла вымолвить ни слова. Шкаф стоял нараспашку, почти вся одежда Сильви пропала. Потом я нашла записку. В пишущей машинке на ее столе.

– И ты помнишь, что там было?
– Она написала, что не может больше тут жить. Что любит нас и надеется на понимание. Обещала вскоре прислать письмо.
– Но так и не прислала?
– Нет. – Бабушка дернулась, будто от боли. – Ни словечка.
– Ты уверена? Мама точно ничего от нее не получала?
– Уверена.
– Думаешь, поэтому мама и уезжает? – тихо спросила Эми, ковыряя кожу у ногтя на большом пальце. – Может, она ищет Сильви?
– Ох, детка. – Бабушка Шарлотта подошла к Эми сзади и обняла ее, но та лишь напряглась и выпрямила спину.
– Записка еще у тебя?
– Зачем тебе это? – недоверчиво спросила Шарлотта.
– Куда вы дели оставшиеся вещи?
Бабушка повернулась к раковине и вытащила затычку.
– Не знаю. Их было не так уж много. Наверное, кое-что лежит на чердаке. Мы с твоим дедушкой убрали из комнаты все вещи Сильви и сложили их в чемодан. Уход сестры подкосил бедняжку Роуз. Мы решили, будет лучше убрать подальше все то, что напоминало ей о Сильви.
Грязная вода слилась в трубу с жутким хлопаньем.

* * *

На чердаке пахло пылью и мышами. Слышался топот, в темноте блестели чьи-то глазки-пуговики. Хорошо бы просто мыши, а не что-то большое и опасное.

Или это скорее не топот, а шуршание?

А в дальнем мрачном углу кто-то вздыхает?..

– Мне здесь не нравится, – захныкала Марго.

– Тогда иди домой. Никто тебя не держит, – сказала Пайпер. Она тоже с превеликим удовольствием свалила бы отсюда, но ни за что не признается в этом при Эми.

Марго глянула на нее, как бы говоря: «Нет-нет, без тебя я не уйду». Мама была на работе, а потом у нее занятия – на заочном отделении юридического. Все ради вас, снова и снова повторяла она. Выучившись, она найдет хорошую работу, будет много получать и сможет изменить мир к лучшему – разве не об этом мечтают ее девочки?

«Не совсем», – всегда хотела ответить Пайпер. Она мечтала об

обычной маме, которая встречает их дома после школы и готовит нормальный обед вместо размороженных гамбургеров и лазаньи. О маме, которая не заставляла бы Пайпер целыми днями присматривать за паинькой Марго. Она не нанималась бесплатной нянькой!

– Да ладно, все не так плохо, – говорила ей Эми. – Прикольная у тебя сестренка.

Эми иногда жалела, что у нее нет брата или сестры – хоть младшей, хоть старшей. Жаловалась, что это полный отстой – быть единственным ребенком.

– Мама однажды сказала, что я – ошибка, – призналась Эми. – Она не хотела детей и забеременела случайно. Я даже не знаю, как его зовут.

Как можно говорить такое ребенку?

– Тут много всякого барахла, – заметила Эми, сдувая пыль с очередной коробки на чердаке. Она уже заглянула в десяток таких коробок, но не нашла ничего интересного – только детские вещи, старые номера журнала «Лайф», грязные скатерти и треснутая посуда.

Помимо этого на чердаке стояли старый диван, накрытый простыней, сломанная ножная швейная машина, деревянный шкаф, в котором не было ничего, кроме нафталиновых шариков, и большой квадратный чемодан, а на нем еще один, поменьше.

– Класс! Это пишущая машинка, – сказала она, открыв маленький чемодан. Эми сняла крышку с устройства стального цвета с зелеными клавишами. Спереди была серебристая надпись «Роял», а сзади – «Куайт-делюкс». – Черт, да ведь это наверняка машинка Сильви! Та самая, на которой она напечатала прощальную записку! – Эми нажала несколько клавиш, и рычажки застряли, спутавшись. Она переставила машинку на пол и открыла большой чемодан. – Бинго.

Внутри была одежда: зимнее шерстяное пальто, двухцветные кожаные туфли, несколько платьев, кардиганов и нижних юбок, три белые ночные рубашки. Вместе с вещами лежали приз за победу в турнире по боулингу и грамота за первое место в конкурсе правописания, на которой витиеватыми буквами было выведено: «Выдана Сильвии Слейтер, ученице старшей школы Лондона, тринадцатого мая 1959 года».

– Вещи Сильви, – сказала Пайпер.

– Которые она не взяла.

Пока Эми доставала одежду из чемодана, Пайпер задумалась: а что бы она взяла с собой, если бы решила бежать?

Эми, ты бы взяла Эми.

«Идиотка», – мысленно сказала Пайпер самой себе.

Эми продолжала копаться в чемодане. В угол было засунуто несколько книг: «Сказки братьев Гримм», «Красота, обаяние и индивидуальность» – что-то вроде энциклопедии причесок и макияжа, сборник с выкройками платьев и на самом дне «Искусство и наука гипноза», потрепанная книга в твердой обложке.

– Смотри-ка, что тут написано, – сказала Эми, открыв книгу.

«Сильви, величайшей заклинательнице цыплят, с любовью от дяди Фентона. Рождество, 1954».

– Что за Фентон? – спросила Пайпер.

– Кажется, дядя моей мамы. Он какое-то время жил в том старом трейлере.

Пайпер никогда особо не обращала на него внимания: трейлер стоял в заросшем поле прямо за домом Эми среди прочего барахла – гниющего пикапа без колес, разобранного мотоцикла, ржавого масляного бака, трактора без сиденья и нескольких телевизоров с разбитыми ко всем чертям кинескопами.

– Какое странное имя – Фентон, – заметила Марго.

– Оно было традиционным для их семьи или типа того, – сказала Эми. – Я практически ничего не знаю об этом Фентоне. Видела его на фотографиях с мамой, Сильви и бабушкой с дедушкой. Он работал в мотеле, мастер на все руки. Дедушка отвечал за идеи, а Фентон воплощал их в жизнь. Бабушка однажды сказала, что все покатило к чертям, как только уехал Фентон. Надо спросить, пусть расскажет о нем побольше.

– Ты когда-нибудь была в трейлере? – спросила Пайпер.

Эми покачала головой.

– На двери висит огромный ржавый замок. Потолок провалился. Туда сто лет никто не заходил. Ладно, если сможем пробраться сквозь заросли, то заглянем внутрь. – Она пролистала книгу про гипноз. – Смотри! Сильви кое-что подчеркивала, и на полях есть заметки.

Эми протянула ей книгу – на семьдесят пятой странице была аккуратная запись внизу: «23/09/55: пробовала применить постгипнотическое внушение на Роуз. Получилось! Продолжу эксперименты».

– Что еще за постгипнотическое внушение? – поинтересовалась Марго.

– Это когда ты говоришь человеку под гипнозом что-то сделать, и он делает это потом, когда уже не загипнотизирован, – объяснила Пайпер. – Сам того не осознавая.

– Как-то нечестно, – сказала Марго.

Эми закрыла чемодан, но книгу взяла себе.

– Пусть и нечестно, зато как круто – контролировать чьи-то поступки. Мало ли что можно заставить сделать другого человека.

– Если надумаешь загипнотизировать меня, я не поддамся, – пошутила Пайпер.

– Да ладно, я же знаю – ты сама хочешь попробовать, – с улыбкой сказала Эми, глядя прямо на Пайпер. – Ты не представляешь, что я заставлю тебя сказать или сделать. Ты будешь полностью в моей власти.

– Ни за что. – Пайпер отвела глаза. Ее бросило в жар при мысли о том, каково это – отдаться во власть другому человеку.

Джейсон

Он уже несколько часов наблюдал за домом и башней из окна четвертого номера. Пайпер с Марго ушли по лесной тропинке, но Эми так и не появилась. Джейсон ждал и ждал. Было уже поздно, пора идти. Часы показывали 18:05. Мама убьет его, если он опоздает к ужину. А еще хотелось в туалет. В уборную в номере не сходишь – нет воды.

Джейсон открыл дверь, посмотрел по сторонам и прислушался. Только шорох листвы от ветра. Шум грузовика с дороги.

Он собирался обежать здание сзади и выйти к тропинке в лесу. Если поспешит, то будет дома через пять минут. Но как только Джейсон ступил на гравийную дорожку, ноги повели его в другую сторону.

Он побежал обратно к башне – просто хотел проверить.

– Не может быть, – вслух сказал Джейсон, глянув на деревянный пол с широкими досками. – Ни хрена себе.

Пачка сигарет исчезла вместе с запиской.

А это невозможно.

Он ведь следил за башней.

Никто не входил и не выходил.

– Что ты тут делаешь?

Джейсон обернулся и увидел Эми.

– Ничего, я просто... оставлял тебе сигареты. Ты их нашла?

– Сигареты? Я ничего не видела.

– Я принес их в башню сегодня днем.

Эми подошла поближе и заглянула внутрь.

– Ну и где они?

– Исчезли, – сказал Джейсон. – Я положил их сюда всего пару часов назад. Если не ты их забрала, то кто?

– Не знаю. Наверное, кто-то другой.

– Но в башню никто не заходил! Я наблюдал!

– *Наблюдал?* – Эми сердито глянула на Джейсона, и тот вспыхнул. – Держись подальше от башни, Джей-Джей, – рявкнула она.

Джейсон кивнул. Затем отошел от Эми, сделал шаг в сторону дома.

– Я просто хотел передать тебе...

– Чтобы я больше тебя рядом с башней не видела! Не заходи сюда. Пайпер сегодня провалилась и едва не погибла. Здесь небезопасно, понял?

– Как скажешь.

Эми улыбнулась и взъерошила ему волосы.
Хоть что-то он сделал правильно.

2013

Джейсон

Джейсон пил черный кофе, пока Пайпер хлопотала на кухне. Она окунула подсушенные кусочки хлеба во взбитые с молоком яйца и осторожно выложила их на чугунную сковороду, где они зашипели в масле. Фруктовый салат уже был готов. Пайпер выложила его в огромную хрустальную салатницу – подарок на свадьбу Марго, который они доставали только по особым случаям.

Марго, как и положено, лежала в кровати.

Пайпер до сих пор не воспринимала его всерьез. Ждала, что Джейсон облагается и подведет ее сестру. В ее взгляде и словах скользила некая насмешка, словно он по-прежнему был для нее неуклюжим мальчишкой.

Пайпер соврала, сказав, что ничего не знает о «29 комнатах». Эта надпись явно что-то значила для нее и Марго. Увидев эти слова, сестры немного испугались. Ладно Пайпер, но Марго никогда не скрывала от него правду. Может, она не выдержит и признается. Не надо на нее давить. Не надо расстраивать, иначе у Марго снова подскочит давление.

Джейсон прикусил щеку изнутри. Сейчас бы сигаретку!.. Он никогда не курил при Марго (хотя иногда она улавливала запах) и не посмеет дымить на кухне. Вот сядет в машину и там покурит.

Во всем виновата Эми. Ведь первая сигарета, насколько он помнил, была из пачки, которую он украл для нее. А потом, в старших классах, они все время курили вместе, иногда даже одну на двоих. Этот момент был чуть ли не более сокровенным, чем их занятия любовью.

Нельзя сказать, что они встречались. В отличие от других парочек, они не ходили в кино, не держались за руки на переменах, не зависали по пятницам в «Дэйри крим» и не ели вместе хот-доги и банановые десерты.

– Я думаю, люди не обязаны быть моногамными, – заявила однажды Эми после секса. Именно тогда, лежа в темноте с сигаретой, она делилась с Джейсоном своими секретами и мечтами. – А ты как думаешь?

– Не знаю, – пожал он плечами, хотя на самом деле хотел, чтобы Эми принадлежала только ему и стала его женой, чтобы вместе они занимались бы всякими глупостями, как и другие пары.

Именно Эми сподвигла Джейсона пригласить Марго на выпускной – после того как отклонила его приглашение, ведь сама она ни за что не пойдет на подобное мероприятие.

– Пригласи Марго. Она без ума от тебя класса с третьего.

Джейсон покачал головой.

– Может, встретимся и устроим свой антивыпускной вечер?

– Джей-Джей, говорю же тебе, позови Марго, – заворчала Эми. – Рано или поздно тебе придется завести настоящую подружку. Тебе надо водить девчонок на все эти выпускные и настоящие свидания. Быть как нормальные люди.

– Может, я не хочу быть нормальным.

– Нет, хочешь, – сказала Эми, сердито посмотрев на него.

И вот теперь он стал нормальным, и, что самое главное, Эми была права: Марго, свой дом, стабильная работа и ребенок на подходе – все это казалось правильным и приносило ему счастье. Джейсон наконец нашел свое место в мире.

Он едва не задыхался от любви к Марго, и это пугало, а в последнее время он все чаще просто смотрел на Марго, представлял, как внутри нее растет ребенок, его ребенок, вместе с которым они станут семьей. И Джейсон обязан защитить их, обеспечить им безопасность.

Вскоре после свадьбы он решил вступить в ряды полиции Лондона. Марго ужасно противилась этой идее.

– Господи, Джейсон, вдруг тебя застрелят? Я не горю желанием стать молодой вдовой.

– В Лондоне? – засмеялся он. – У нас-то и убийства, по-моему, никогда не было.

Джейсон пил кофе, а перед глазами стояла картина места преступления: Эми на полу, вся в порезах, рядом с ней ружье. В руке Марка нашли кухонный нож. Предположительно они подрались, и Марк, защищая себя, ударил ее ножом, а Эми выстрелила ему в грудь. А потом застрелилась сама.

И все же что-то здесь не так.

Вчера ночью Тони Белл, начальник полиции, сказал Джейсону, что раны на теле Эми не соответствуют найденному ножу.

– Значит, было другое оружие? – спросил Джейсон.

Тони покачал головой:

– Судмедэксперт говорит, что не видел ничего подобного. Скорее похоже на следы когтей. Такие же ранения, помимо огнестрельных, обнаружили и у двух других жертв – мужа и мальчика.

Джейсон вздрогнул, когда звякнула тарелка. Пайпер положила ему несколько тостов и фруктовый салат – малина кровавым ручейком стекала по дыне, виноградины смотрели на него зелеными глазами.

– О, спасибо, – сказал Джейсон, допивая кофе и вставая из-за стола. –

Чудесный завтрак, но мне пора бежать.

Он зашел в спальню и поцеловал Марго в щеку.

– Мне надо пораньше на работу.

– Опять? – Жена с сочувствием улыбнулась Джейсону. – У тебя такой уставший вид. Ты слишком много работаешь.

Вот бы рассказать ей правду. Что он едет не на работу, а в лечебницу Фокскрофт к Роуз Слейтер, потому что неделю назад Эми позвонила ему и попросила о встрече. Что ее мать несла какой-то бред и после вчерашних слов Тони о ранах от когтей Джейсон никак не может выбросить это из головы.

Но в комнату вдруг зашла Пайпер с подносом в руках, и Джейсон, взглянув на свою милую хрупкую жену, понял: Марго не выдержит мысли о том, что он скрыл от нее визит к Эми.

«Почему? – спросит она. – Почему ты ничего мне не сказал?»

Действительно, почему? Джейсон боялся ответить даже самому себе. Темные секреты отравляли его, пожирая изнутри.

– А ты, часом, не встречался с ней в старших классах? – спросил Маклеллан, когда помощники судмедэксперта выносили из мотеля мешок с телом Эми.

Джейсон окаменел.

– Нет, – ответил он. – Не совсем.

– Разве? А я вот помню вас парочкой. Ты даже возил ее к мосту Бельмонт.

К лицу прилила кровь. Джейсон вспомнил, как припарковал машину (мамину старую «импалу») у моста Бельмонт, куда все местные ребята приезжали покурить, выпить пива и подурачиться. Тихо играла музыка – наверное, сборник, который принесла Эми: «Smashing Pumpkins», «Throwing Muses». Джейсон делал вид, что песни ему нравятся. Да и не важно, ведь Эми положила руку ему на бедро и двигала пальцами все выше, дразня его, отступая, будто не собиралась трогать его там, где ему больше всего хотелось.

Джейсон шумно сглотнул и посмотрел на черный мешок, который грузили в фургон.

– Ходили пару раз на свидание. В кино и все такое, но ничего серьезного. Я уже и забыл.

Маклеллан закурил, его лицо залило мигающим синим светом от полицейских машин. Видимо, решил оставить эту тему. Насколько Джейсону было известно, Маклеллан больше ни с кем это не обсуждал, а сам Джейсон и не собирался упоминать о своем приезде в мотель за

неделю до происшествия. Начнутся вопросы, и хотя он не сделал ничего плохого, что подумают люди? Офицер Джейсон Хок, чья беременная жена лежит дома, тайком навещает бывшую подружку. Лондон – городок маленький, а память у его жителей хорошая. Хотя Эми остепенилась, многие помнили, каким «плохишом» она была в подростковые годы. Пойдут слухи, Марго все узнает – только этого не хватало.

По дороге в дом престарелых Джейсон в сотый раз проигрывал в голове последнюю встречу с Эми, вспоминая каждую деталь.

Она проводила его на кухню и налила кофе.

– Хорошо выглядишь, – сказала Эми, и Джейсон покраснел. – Стройный, подтянутый. Как Марго?

– Отлично.

– Когда рожать?

– Через три недели.

Эми крутила в руках кружку с кофе. Вряд ли она позвала его сюда, чтобы поинтересоваться Марго. Может, поддержать тему и спросить про Марка и их детей?

– Ты хотела поговорить?

– Да. Прости. Не знаю, с чего начать. Мне больше не к кому пойти. Мне нужно... как бы сказать... мнение здравомыслящего, вменяемого человека. Который выскажется объективно, несмотря ни на что.

– И это я? – засмеялся Джейсон.

Эми улыбнулась.

– Кроме тебя, никого такого нет. Ты все тщательно обдумываешь. Не даешь чувствам затмить разум.

Джейсон покачал головой. Она заблуждалась, и его приезд сюда это доказывает. Надо придумать какую-нибудь отговорку и уйти, только вот в глубине души Джейсон всю жизнь ждал этого момента: ждал, что Эми позовет его, будет нуждаться в нем.

– Слышал, что пришлось отправить мою маму в Фокскрофт? – спросила она.

– Нет. Мне жаль, а что с ней такое?

Он не был лично знаком с Роуз Слейтер, но частенько видел ее в городе с тех пор, как она вернулась, да и Марго кое-что о ней рассказала. Когда все они еще были маленькими, Роуз редко объявлялась дома – Эми о ней не упоминала, но, по слухам, ее мать то ли была алкоголичкой, то ли лежала в психушке. И вот после долгих лет скитаний Роуз снова приехала. У Эми как раз родилась дочь, и Роуз стала жить с ними, помогала Эми и Марку с Лу, а потом и с малышом Леви. По словам Марго, Эми была рада

возвращению матери, и та стала замечательной бабушкой. Люди все шептались о том, где же раньше была Роуз Слейтер и как она могла оставить дочь на старуху Шарлотту в этом жутком мотеле. Однако вскоре все разговоры приобрели позитивный оттенок. Правда, Роуз отлично выглядит? Наверное, была на западе в какой-нибудь крутой лечебнице. Или стала набожной. Слышали, что она руководит распродажей выпечки в начальной школе? И руководит группой девочек-скаутов! Да, любой может изменить жизнь к лучшему.

– Она что, упала или вроде того? – поинтересовался Джейсон. – Моя бабушка сломала бедро и какое-то время провела в доме престарелых, но потом ей стало лучше, и...

– Моя мама ничего не ломала, – резко перебила его Эми. Она встала и взяла пачку сигарет со столешницы. Вытряхнула одну и предложила Джейсону.

– С удовольствием, – сказал он, хотя почти не курил со старших классов – только когда сильно уставал или беспокоился.

Эми подала ему сигарету, прикурила сама и поставила пепельницу на стол.

– Тогда в чем дело?

– Она сошла с ума, – ответила Эми. – Деменция, по словам врачей.

Джейсон втянул дым и медленно выдохнул:

– А я-то думал, все хорошо. Говорили, она отлично справляется.

– Так и было! Все шло прекрасно. Понимаешь, у меня как будто... наконец появилась мама. Как у всех нормальных людей. Но пару месяцев назад она вдруг стала говорить разные странности. Нести всякий бред.

– Например?

– Ну, например, про *монстров*. – Эми невесело рассмеялась. – Вроде как существуют настоящие монстры с острыми когтями и зубами, и один из них обитает у нас в мотеле. Она сказала, надо действовать, иначе вскоре случится нечто ужасное.

– Ничего себе. Она выпивала?

– Сомневаюсь. По крайней мере, я не видела, и запаха не было. Она меня страшно пугала. И детей тоже. Они просыпались среди ночи, а она стояла у их кроватей и смотрела. Марк спросил, какого черта Роуз делает, и она ответила, что защищает их. Стоит на страже. Бережет нас от *чудищ*. – На последнем слове Эми показала в воздухе кавычки.

– Жуть какая. Мне очень жаль.

Эми кивнула.

– Мы отвезли ее к врачу. Положили в больницу, сделали кучу

анализов, но нет никаких физических отклонений, ничего нельзя сделать, бла-бла-бла, и ее выписали. Марк не хотел, чтобы она возвращалась домой. Оставлять ее с детьми было небезопасно, так что мы отправили ее в лечебницу. Там о ней хорошо заботятся.

– Пожалуй, оно и к лучшему.

Эми вытащила из пачки еще одну сигарету и прикурила от предыдущей. У нее тряслись руки.

– Дело вот в чем... Я никому об этом не говорила, даже Марку. – Эми шумно вздохнула, собираясь с духом. – Мне начинает казаться, что мама вовсе не сошла с ума. Что она... возможно... права.

Джейсон затушил свою сигарету.

– В чем именно? – Он говорил тихо и спокойно, как его и учили общаться с эмоционально нестабильными людьми.

Эми потянулась к нему через стол и взяла его за руку.

– Никому не расскажешь, Джей-Джей? – В глазах у нее стояли слезы. – Может, я тоже схожу с ума, по-моему...

– Мама? – прощепетал кто-то сзади.

Эми отдернула руку и вытерла глаза.

– Лу? Ты чего так рано?

У входа в кухню стояла маленькая девочка с огромным розовым рюкзаком за спиной. На вид лет восьми или девяти. Миниатюрная копия матери, только более яркая и выразительная, в блестящей розово-сиреневой одежде и кроссовках.

– Учительское собрание, забыла? Я же приносила тебе записку на прошлой неделе, – слегка раздраженно сказала Лу, будто Эми частенько пропускала мимо ушей нечто подобное.

– Видимо, забыла, – со вздохом ответила Эми. – Прости, милая.

Лу посмотрела на Джейсона.

– А это кто?

Эми встала.

– Это мой друг Джейсон. Можешь звать его Джей-Джей. Джей-Джей, это моя дочь Лу.

– Я не знала, что у тебя есть друзья полицейские.

– А я не знал, что у твоей мамы есть такая прекрасная маленькая девочка, – улыбнулся ей Джейсон.

– Я не маленькая, – сказала Лу. – Мне уже десять. Это двузначное число.

Джейсон кивнул.

– Ты права. Десять – это много.

– С моим папой ты тоже дружишь? – спросила она.
– Конечно. – Джейсон посмотрел на часы. – Пора обратно в участок. Был рад познакомиться, Лу. Эми, спасибо за кофе. Можешь не провожать.
– Спасибо, что зашел, – сказала Эми. – Скоро поболтаем еще. Передавай привет Марго.

* * *

– Я тебя знаю, – сказала Роуз, глядя на Джейсона темными глазами. – Я знаю, зачем ты здесь.

Седые волосы заплетены в тугую косу, на фарфорово-белой коже почти нет морщин, только едва заметные гусиные лапки у глаз. Роуз сидела в кровати, по телевизору шел «Магазин на диване». В комнате пахло тальком и отбеливателем, и исподволь, словно тайком, сквозило некое зловоние, запах плесени.

Поскорее бы убраться из Фокскрофта, зря он вообще сюда приехал. Медсестра на входе сказала, что состояние у Роуз переменчивое – то лучше, то хуже. Она плохо соображала, быстро перевозбуждалась, ночами бродила по коридору, не понимая, где находится. Ради ее собственной безопасности на кровать поставили сигнализацию, а чтобы успокоить Роуз, повысили дозу лекарств.

– Зачем же я приехал? – спросил Джейсон, будто раздраженный мальчишка. Это пустая трата времени. Даже медсестра подтвердила, что у Роуз плохо с головой. Годы запоев, или что она там употребляла, нарушили работу нервных клеток, отравили мозг.

Но ведь Эми просила.

У него в голове крутились ее слова: «Мне начинает казаться, что мама вовсе не сошла с ума. Что она... возможно... права».

Роуз приподнялась в кровати, сделала вдох и, медленно выдохнув, продолжила:

– Ты хочешь узнать то, что знаю я.

– Отлично, – развел Джейсон руками. – Просветите меня. Что же вы такое знаете?

Роуз смерила его взглядом.

– Я бы с радостью рассказала тебе, Джейсон. Правда. Только я не уверена, что ты готов это услышать.

Она точно ненормальная, вон какой безумный взгляд. Может, и у Эми поехала крыша. Передалось по наследству.

– Был рад повидать вас, миссис Слейтер. – Джейсон коснулся шляпы – старики вроде как это любят – и пошел к выходу.

– Мисс, – поправила его Роуз.

– Что, простите?

– Я не выходила замуж. Отец Эми оказался ничтожеством. Пустым местом. На такого один день жалко потратить, не то что целую жизнь. Слейтер – моя девичья фамилия. Так что я мисс Слейтер.

– Прошу прощения, мэм.

– Тебе известно, где моя внучка, Джейсон?

– С ней все хорошо, – ответил он. – Она в безопасности.

– В безопасности! – с недоверием повторила Роуз.

– Я просто заглянул повидать вас, – сказал Джейсон. – Пора на работу.

Всего доброго.

– Джейсон, – окликнула Роуз, когда он уже готов был выскользнуть в коридор и, пройдя мимо медсестры, выбраться на свежий воздух. Можно было бы сделать вид, что не услышал ее, и целенаправленно выйти из комнаты, только вот походка выдаст его желание поскорее умотать отсюда.

– Да?

Он обернулся. Мама учила его уважать старших, всегда быть вежливым, проявлять сочувствие к тем, кому плохо. К тому же это не просто какая-то старуха, а мать Эми. Какой бы сумасшедшей Роуз ни была, она заслуживает его внимания.

– Не хочешь спросить, знаю ли я про «29 номеров»?

Прессе ничего не сообщали о снимке с надписью. Об этом знали только полицейские, работавшие над делом.

Джейсон внимательно посмотрел в чернильные глаза Роуз.

– А вы знаете?

Она ухмыльнулась.

– Ты веришь в монстров, Джейсон?

– Нет, мэм.

– Вот и моя дочь не верила, – сказала Роуз, изогнув бровь. – Видишь, что с ней стало?

1955

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Парамаунт»
Голливуд, Калифорния

9 сентября 1955

Уважаемый мистер Хичкок,
это снова я, Сильвия Слейтер из Лондона, штат Вермонт.
Надеюсь, до вас дошли мои предыдущие письма.

Не помню, говорила ли я вам, но я умею гипнотизировать людей. Начинала я с цыплят (с ними довольно легко), а теперь практикуюсь на своей сестре Роуз. С ней сложнее, но, по-моему, прогресс есть.

На прошлое Рождество дядя Фентон подарил мне книгу «Искусство и наука гипноза», и я внимательно ее прочитала.

Хороший гипнотизер должен излучать уверенность в себе и не сомневаться в успехе, иначе ничего не выйдет. Думаю, это касается не только тех, кто владеет гипнозом, но и также, например, актеров и режиссеров. Вы согласны?

В книге сказано, что, познав искусство гипноза, можно заставить доброго человека сделать нечто плохое или, наоборот, воодушевить злого человека на хороший поступок.

Я проверяла на Роуз – хотела, чтобы она была дружелюбнее со мной и вообще побольше общалась с людьми. Ее волю тяжело сломить, но я не остановлюсь на достигнутом.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Здорово гулять поздним вечером в пятницу! Роуз и Сильви шли по Мэйн-стрит в Барре вместе с дядей Фентоном, который так здорово изображал Джеймса Дина, что все девчонки смотрели им вслед. Он купил племянницам по шоколадному коктейлю в пластиковом стаканчике.

Моросил дождь. Роуз и Сильви шли под одним зонтом, а Фентон не боялся промокнуть, и в его залитых волосах и на кожаной куртке блестели крошечные капли. На главной улице было полно людей. Дядя Фентон оставил старый пикап «форд» на другом конце городка, и до центра они дошли пешком.

– Что тут происходит? – спросила Роуз. – Какой-то фестиваль?

– Сюрприз, – напомнил ей Фентон. – Большое событие. Твоей сестре очень понравится.

«А мне? – подумала Роуз. – Мне понравится?»

От холодного молочного коктейля ломило зубы. Нарядные туфельки натерли ноги. Все было очень здорово, но Роуз уже устала и замерзла.

Сильви приплясывала впереди и вся покраснелась от волнения.

– Эй, не отходи от сестренки! – крикнул ей Фентон. – Не вздумайте потеряться, а то родители больше вас со мной не отпустят.

Сильви неохотно замедлила шаг, взяв Роуз за руку, сильно сжала ее ладонь и потащила за собой, будто упиравшуюся собаку. «Как ты мне надоела», – значило это движение.

Фентон спросил у мамы разрешения свозить Сильви в Барр. «Такое бывает раз в жизни», – сказал он. Мама согласилась, только если они возьмут с собой Роуз. Сильви возражала, но мама была непреклонна.

Впереди над всей улицей и тротуаром мелькали яркие огни. Роуз вспоминались лишь папины истории о прожекторах, которые во время войны подсвечивали вражеские воздушные самолеты в небе над Европой.

– Мы что, на войне? – вдруг испугавшись, спросила Роуз. Так вот почему все вышли на улицу? Немцы хотят сбросить на них бомбу и уничтожить весь Вермонт? Роуз знала, что атомная бомба способна на такое. Папа рассказывал, как США сбросили бомбу на город в Японии. На его месте осталось лишь облако в форме гриба.

Папа говорил, что удар такой бомбы уничтожает все и люди просто испаряются. Трудно поверить, это скорее похоже на сюжет какого-нибудь научно-фантастического романа, которые так любит дядя Фентон. Как

такое возможно – чтобы все люди, из плоти, крови и костей, вдруг превратились в пар, в облако дыма?

Сильви вдруг схватила сестру за куртку и дернула назад.

– Ты чего? – сердито спросила Роуз. Она испугалась и, потеряв равновесие, едва не упала на мокрый тротуар. Что самое страшное, Фентон ушел далеко вперед и теперь растворился в толпе людей перед кинотеатром «Парамаунт».

Сильви затащила Роуз в узкий темный переулок между двумя кирпичными зданиями. Значит, Роуз права? Началась война, и отважная Сильви спасает сестренку от катастрофы?.. Роуз пригнулась, накрыла голову руками, но Сильви подняла ее.

– Смотри, – сказала Сильви, повернув голову Роуз в сторону улицы.

– Куда? – спросила Роуз.

– Ты что, не видишь его?

Роуз разглядывала людей в толпе сквозь морозящий дождь. На другом конце улицы среди толкающихся незнакомцев она заметила знакомое лицо: это был их отец, в длинном черном пальто и шляпе набок.

По пятницам он играл в боулинг и сегодня вышел из дома со своей черной сумкой для шаров еще раньше, чем девочки. Но вот он здесь, на Мэйн-стрит, и не один. Какая-то женщина держала папу за руку и шептала ему что-то на ухо. Рыжая, в зеленом пальто и шляпке в тон. В ответ отец покачал головой, а затем улыбнулся.

– Кто это? – спросила Роуз.

– Папа.

– А то я не знаю! Кто с ним рядом?

Сильви молчала.

Незнакомка прижалась к их отцу и поцеловала его в щеку.

Роуз удивленно моргала; та женщина с отцом то появлялась у нее перед глазами, то исчезала.

Для Роуз это было как настоящий взрыв бомбы. Земля пошатнулась, в ушах зазвенело. Она выронила стаканчик, и остатки молочного коктейля заляпали ее нарядные туфли и колготки.

– Пошли. – Сильви потащила сестру к кинотеатру, обратно в толчею людей. – Пока он нас не заметил.

– Вот вы где! – крикнул Фентон, пробиваясь к девочкам. – Господи, я уж подумал, вы потерялись. Хотел бить тревогу. Где вы были?

– Прости, дядя Фентон, нас унесло толпой, – ответила Сильви.

– Что ж, вы как раз вовремя. Смотрите, вон они.

– Кто? – Роуз испугалась, что он имеет в виду папу и рыжеволосую

женщину.

Перед кинотеатром «Парамаунт» установили сцену, улица и тротуар освещались прожекторами. К кинотеатру подъехало несколько блестящих машин в сопровождении полицейского эскорта.

– Что происходит? Кто там? – любопытствовала Сильви, встав на цыпочки.

Головы впереди стоящих людей мешали Роуз разглядеть хоть что-нибудь, и Фентон, заметив ее беспокойство, поднял девочку и усадил к себе на плечи. Хотя так сажают только малышей, сейчас Роуз не возражала. Отсюда она отлично все видела.

Из первой машины вышел крупный щекастый мужчина в черном костюме с короткими седыми волосами и помахал толпе. Следом появилась молодая красивая женщина в темно-синем платье с глубоким вырезом. На плечах у нее была норковая накидка.

– Не может быть! Не может быть, это правда он! – закричала Сильви.

– Кто? – спросила Роуз.

– Альфред Хичкок, – сказал Фентон. – Один из самых известных режиссеров в мире. Видишь ту актрису рядом с ним? Это звезда его нового фильма, Ширли Маклейн. Красивая, правда?

Ширли Маклейн грациозно помахала собравшимся и улыбнулась, ее жемчужные серьги заблестели в свете прожекторов.

– Они из Голливуда, – изумленно проговорила Сильви, когда режиссера и актрису повели к сцене сквозь толпу. Будто притянутая магнитом, Сильви полезла вперед, к проезжей части.

– Фильм называется «Неприятности с Гарри», – продолжал Фентон. – Мировая премьера проходит здесь, потому что фильм снимали в Крафтсбери, в Вермонте. Вот и мы получим немного Голливуда. Запомни этот момент, Роуз. Когда-нибудь ты будешь рассказывать своим внукам, как Альфред Хичкок приезжал в Барр на премьеру своего фильма.

Сильви пробралась сквозь толпу к самой сцене, где какой-то мужчина представлял зрителям Альфреда Хичкока и Ширли Маклейн.

Она с открытым ртом смотрела на режиссера и кинозвезду, словно на этот раз загипнотизировали ее саму.

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»

Голливуд, Калифорния

30 сентября 1955

Уважаемый мистер Хичкок!

Сегодня дядя Фентон отвез нас с Роуз в Барр, и мы стояли в толпе на Мэйн-стрит и смотрели, как вы с мисс Маклейн заходите в кинотеатр «Парамаунт».

Это было самое потрясающее событие в моей жизни. Я подошла так близко к сцене, что могла коснуться вас и мисс Маклейн рукой.

Папа говорит, в жизни бывают моменты, которые меняют все.

Раньше я не понимала, что он имеет в виду.

Но сегодня, увидев вас и мисс Маклейн, я осознала, что однажды, несмотря ни на что, я приеду в Голливуд и буду сниматься в кино.

Эта мысль пришла мне в голову совершенно внезапно. Я стояла посреди Мэйн-стрит, где-то позади были мои дядя и сестра, а я едва не задыхалась. Я смотрела на жизнь по-новому. Словно наконец все стало на свои места.

Что-то невнятно бормотала Роуз, даже мой замечательный дядя Фентон ушел на второй план...

Я хотела крикнуть, что я та самая девочка, которая пишет вам письма, только было очень шумно, и я боялась, что меня задавят в толпе. Но я уверена, что вы на меня посмотрели, и в этот момент я подумала: интересно, знаете ли вы, что это та самая девочка, которая пишет вам письма из маленького мотеля в Вермонте?

Фентон обещал сводить меня на «Неприятности с Гарри», если разрешат родители. Я видела много фильмов, хотя из ваших пока ни одного. Зато теперь я постараюсь посмотреть их все, даже если ради этого мне придется пролезать в кинотеатр через заднюю дверь (Фентон рассказывал, что так делают мальчишки, когда у них нет денег).

А еще я хочу вас поблагодарить. Пусть нашу сегодняшнюю встречу у «Парамаунта» и нельзя назвать настоящей, она все равно круто повернула мою жизнь.

Надеюсь, что однажды мы встретимся в Голливуде и я смогу лично сказать вам спасибо.

Искренне ваша,

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

– Ты не спишь, Сильви? – спросила Роуз.

Сестры лежали рядом, каждая в своей кровати. На комодe между ними стоял новый радиоприемник «Зенит», который папа подарил Роуз на прошлое Рождество, группа «Билл Хейли и его кометы» играли рок-н-ролл. Сильви любила засыпать под радио, говорила, что музыка проникает в ее сны.

– М-м-м.

– Как думаешь, что все это значит? Ну, папа и та женщина?

Сильви молчала. По радио начался прогноз погоды. Грядут морозы, завтра возможен ливень.

– Не знаю, – наконец ответила Сильви. – Но он точно не хотел, чтобы мы его заметили.

– Кто она такая?

– Я ее раньше не видела.

– А мне она кажется знакомой, – задумчиво добавила Роуз. Рыжие волосы, зеленое пальто... Может, она когда-то останавливалась в мотеле? Или была маминой знакомой из города? – Надо спросить у папы.

– Нет! – сердито воскликнула Сильви. – Сделаем вид, будто ничего не случилось. Будто мы ничего не видели. И не вздумай рассказывать маме.

– Но...

– Никаких «но». Мне что, загипнотизировать тебя, чтобы ты все забыла? А то я могу.

Роуз съежилась и накинула одеяло на голову.

– Не надо. Я ничего не скажу. Забыли.

Только вот чем сильнее хочешь о чем-то забыть, тем больше об этом думаешь.

В темноте играла песня Фрэнкa Синатры. «Сказки сбываются», – обещал Фрэнк мягким, как бархат, голосом.

– Не переживай, – уже по-доброму сказала Сильви. – Все будет хорошо. – Словно она пыталась убедить в этом не только Роуз, но и саму себя.

Роуз снилось, что она идет по кукурузному полю. Сначала ее держала за руку Ома, но потом исчезла. Как же выбраться из бесконечных рядов кукурузы? Сильви тоже была где-то рядом.

– Сильви? – позвала она.

Что-то зашуршало впереди. Злые, будто ожившие листья царапали кожу и хлестали по лицу. Скорее бы найти выход.

На одном из растений примостился ворон, впившись черными когтистыми лапками в зеленый початок. Роуз замерла. Вид у смотревшего прямо на нее ворона был знакомый. Роуз точно его где-то видела.

Ворон вдруг склонил голову и подмигнул ей блестящим черным глазом.

– Ты засыпаешь, – каркнул ворон голосом Сильви. – Твои веки тяжелеют, ты не в силах открыть глаза.

«Я понимаю вороний язык», – изумилась Роуз.

– Бедная Роуз, – каркал ворон. – Так хочет, чтобы ее заметили, но все без толку. Обычная, ничем не примечательная девчонка. Никаких способностей.

Открыв глаза, Роуз сразу же вспомнила, откуда она знает рыжеволосую женщину, которая целовала папу в щеку. Она приходила к ним. Как-то весной Роуз возвращалась после школы одна, потому что Сильви осталась на репетицию группы. Та женщина выходила из дома вместе с папой.

– Это Вивьен, подруга твоей мамы, – представил ее папа таким тоном, будто они куда-то спешили, а Роуз их задерживала.

– Очень приятно, – сказала Роуз. Женщина улыбнулась и взяла ее за руку. На ней была милая шляпка с кружевом и зеленый свитер с кардиганом в тон. На щеках румяна, черная подводка на глазах немного смазалась. Красивая. Почти такая же красивая, как мама.

– Я слышала, что ты очень талантливая девочка.

– Нет, мэм, вы путаете меня с Сильви, моей сестрой, – ответила Роуз. – Я ничего особо не умею.

– У каждого из нас свои таланты, – с улыбкой сказала Вивьен. – Просто иногда они скрыты. Главное – найти их.

– Да, мэм.

Папа суетился. Он прошептал что-то на ухо Вивьен, взял ее за руку и помог спуститься по лестнице.

– Рада знакомству, – сказала Роуз ей вслед.

– Еще увидимся. Может, при следующей встрече расскажешь, какие таланты ты в себе обнаружила.

Зайдя в дом, Роуз позвала маму, но потом заметила записку на столе:

«Скоро буду, пошла на рынок. Съешь кусочек пирога».

– Я познакомилась с твоей подругой, – сообщила Роуз, когда через полчаса мама принесла домой два пакета продуктов.

– С какой?

– С Вивьен. Когда я вернулась из школы, они с папой как раз уходили.

– А, Вивьен.

Раскладывая продукты, мама чересчур сильно хлопала дверцами шкафчиков.

* * *

– Сильви? – позвала Роуз в темноте. – Ты спишь?

Сестра не ответила. Радио по-прежнему работало, однако волна ушла, и лишь помехи жужжали назойливым комаром.

Роуз на цыпочках подошла к соседней кровати.

– Просыпайся. Я вспомнила, где видела ту женщину!

Желая растормошить сестру, Роуз схватила ее одеяло. Оно было еще теплым, но постель оказалась пуста.

– Сильви? – позвала Роуз, хотя в комнате явно никого не было.

Роуз решила проверить в ванной и осторожно приоткрыла дверь, однако и там никого не нашла. Туалет и раковина светились ярко-белым. Зубные щетки стояли, как солдаты на страже. Кран подтекал, и каждая капля била в фарфор с невероятно громким плеском. Роуз спустилась по лестнице на кухню – может, Сильви пошла попить воды или молока. Она не спеша ступала по застеленным коврами ступеням, держась за деревянные перила.

На кухне Сильви не было.

Падающий сквозь окно лунный свет подсвечивал холодные квадратики белой плитки на полу. На их фоне босые ноги Роуз выглядели черными лапами. Тарелки были аккуратно разложены в сушилке, мамины резиновые перчатки висели на кране над раковиной. Пахло лимонным средством для мытья посуды, а еще витал пикантный аромат чили, что они ели на ужин. «Чили кон карне» – так мама его называла, как будто это и правда блюдо из французского ресторана, а не мешанина с консервированными томатами и фасолью.

Роуз выглянула из окна, которое выходило на подъездную дорожку и освещенную вывеску мотеля «Тауэр» – «Есть свободные номера». В темноте рядом с башней мелькнули светлые волосы и белая ночная

рубашка.

Сильви.

Сестра шла к башне.

Роуз выбежала на улицу. Мокрый гравий дорожки впивался в босые ноги, от холода по телу побежали мурашки. Роуз оглянулась – вдруг родители зажгли свет в спальне? Нет, в окнах темно. Пахло костром, яблоками, гниющими листьями – днем эти запахи казались приятными, а ночью навевали мысли о чем-то испорченном.

В свете луны башня выглядела гигантской. Роуз продрогла, зубы стучали, изо рта шел пар. Надо вернуться домой, залезть под теплое одеяло и забыть обо всем этом. Только сначала она узнает, что такое задумала ее сестра.

Может, Сильви ходит во сне? Роуз как-то видела такое в кино. Говорят, лунатика нельзя будить, но как тогда отвести его обратно в постель?

– Сильви? – Роуз вглядывалась в дверной проем башни, похожий на раскрытую пасть.

Тишина.

– Сильви? – позвала она еще раз. – Что ты делаешь?

Внутри башни было темно хоть глаз выколи. Там может таиться что угодно. Чьи-то зубы. Длинный язык. Ее проглотят и сжуют, хрустя косточками.

Сердце бешено стучало. Бояться глупо. Она сто, а может, и тысячу раз бывала в башне. Знала на ощупь каждый камень, каждую половицу, хотя никогда не заходила сюда ночью, в темноте. Стены надвигались. Пахло сыростью. Мрак окутал Роуз, словно ее и правда проглотило чудище.

С другой стороны, чего бояться, ведь она не одна. Сильви где-то рядом.

– Я знаю, что ты здесь! – уже громче крикнула Роуз. – Я тебя видела!

Наверху скрипнули половицы.

– Сильви, это ты? Иди сюда! Тут жутко холодно.

А еще страшно. Я боюсь, что меня съедят.

Роуз выставила перед собой руки и нащупала лестницу. Стала подниматься вверх. Ладони вспотели, во рту пересохло.

– Сильви! – прошипела она.

Шорох доносился откуда-то сверху, но, тщательно осмотрев второй этаж, Роуз никого там не увидела. Сквозь два окна на грубо отесанный пол падал лунный свет.

Как глупо! Уже за полночь, а она тут играет в прятки со старшей сестрой. Родители поймают их и запрут дома на целый месяц, а то и

больше.

Роуз нехотя поднялась на верхний этаж. Ветер раздувал ночную рубашку. Стены башни представляли собой идеальный круг из камня и извести.

Как ни странно, Роуз была там одна.

Или почти одна.

У дальней зубчатой стены бил крыльями огромный мотылек.

Роуз подошла поближе.

Это сатурния луна: размах ее бледно-зеленых крыльев почти десять сантиметров. Задние крылья вытягиваются длинными хвостиками, а усики у нее тонкие и перистые.

Только вот для сатурнии луны еще слишком холодно – обычно она появляется в начале лета. Вдруг ей причудилось? Роуз поморгала, но мотылек никуда не исчез.

Роуз протянула к нему руку, и тот неуверенно полетел прочь от башни.

В этот момент, когда мотылек исчез в темноте холодной ночи, Роуз в голову пришла невероятная мысль.

Сатурния луна и есть Сильви.

Роуз

– Ночью ты выходила на улицу, – с суровым видом сказала мама.

Стояло утро субботы, и Роуз занималась своими привычными делами – кормила Люси и цыплят. На Роуз были высокие резиновые сапоги и прошлогоднее зимнее пальто – рукава стали коротки, но в нем все равно тепло.

– Я? – Роуз насыпала Люси зерна и проверила, достаточно ли у коровы воды.

Из всех дел по дому Роуз больше всего любила ухаживать за Люси. Хотя Люси родилась в один день с Сильви, что делало их вроде как близняшками, именно Роуз поручили заниматься коровой, и она по-настоящему полюбила Люси. Глядя в ее большие глаза, Роуз не сомневалась, что коровам известно нечто такое, о чем нельзя говорить вслух.

Роуз обожала животных. Когда-то у них жил лохматый черный пес по имени Рейнджер. Ночью он спал на кухне у печки. Иногда по утрам Роуз, тогда совсем маленькая, просыпалась рядом с теплым пушистым Рейнджером.

«Ты что тут делаешь?» – сердилась мама, а Роуз отвечала, что старичку Рейнджеру, наверное, стало одиноко, вот он и вытащил ее из кровати и забрал с собой. «Роуз считает себя собачкой», – говорила Сильви. И Роуз это нравилось: она бегала по дому и лаяла, пока папа не грозился ее отшлепать.

– Не ври мне, Роуз, – сказала мама, заходя в загон. Раз она пришла сюда, значит, за конторой присматривает Сильви или папа. – Что заставило тебя выйти из дома среди ночи?

Роуз погладила корову по ее пятну в форме штата Вермонт.

– Я искала Сильви.

– Детка. – Мама подняла ее подбородок, чтобы заглянуть Роуз в глаза. – Я же просила не врать мне.

– Я не вру! – Почему это Роуз считают врунишкой? – Я проснулась, а ее не было. Я пошла вниз и увидела, что она на улице, у башни.

Мама недоверчиво посмотрела на нее.

– Я проследила за Сильви до башни, – объясняла Роуз. – А потом она... исчезла.

На самом деле Сильви забралась на самый верх башни и упорхнула

мотыльком.

– Люди просто так не исчезают, – возразила мама.

– Ну а Сильви вот исчезла.

Хотя она скорее... *переменилась*. Роуз размышляла об этом всю ночь и каждый раз приходила к одному и тому же выводу: ее сестра – оборотень! Прямо как в рассказах Омы. Может, Ома даже знала об этом и так часто упоминала оборотней, чтобы подготовить Роуз.

Вот бы сейчас поговорить об этом с бабушкой.

– Наверное, просто показалось, а Сильви все это время лежала себе в кровати.

Роуз промолчала. Спорить было бесполезно.

Из дома на улицу вышла Сильви в ярко-красном кардигане и с письмом в руках. Когда вчера они вернулись из Барра, Сильви села за пишущую машинку и стала настукивать письмо. Роуз спросила, что она там пишет, но сестра не ответила. «Если не перестанешь меня доставать, я пожалуюсь маме», – пригрозила Сильви.

– Ты расскажешь все папе?

– Если снова увижу тебя ночью на улице, расскажу. У него и так полно забот, не хватало еще беспокоиться о том, что ты бродишь по ночам, как уличная кошка.

Роуз напряглась.

– Какие у папы заботы?

Она подумала про женщину в зеленом пальто. Вивьен. Рядом с ней он не выглядел озабоченным.

Утром Роуз слышала, как мама и папа ругаются. Она зашла на кухню как раз в тот момент, когда мама сказала: «Я не идиотка, Кларенс». Заметив дочь, папа раздраженно бросил: «Займись своими делами, Роуз».

Похоже, мама не знала, промолчать ей или все же ответить на вопрос дочери. Она оглянулась, нет ли рядом папы.

– Трасса может подкосить наши дела, и папа встревожен. На днях он встретился со знакомыми из города – те говорят, что, как только трассу построят, люди перестанут сворачивать на десятое шоссе.

– Не может быть, – сказала Роуз. – Такого мотеля, как у нас, не найдешь ни на одной трассе. Здесь башня, куриный цирк и корова Люси. – Роуз погладила питомицу по ее счастливому пятну. – Люди не забудут «Тауэр».

Роуз замолчала, увидев, что Сильви подошла к почтовому ящику. Сестра открыла его, положила внутрь письмо и подняла вверх красный флажок – сигнал почтальону, что надо забрать почту. Кому же написала

Сильви?

Мама улыбнулась ей.

– Надеюсь, Роуз. Очень на это надеюсь.

Роуз вышла из загона Люси, а за ней и мама, закрыв за собой воротца. По дорожке с довольной улыбкой поднималась Сильви.

– Ну что, ты все поняла? – спросила мама. – Больше никаких ночных прогулок.

Роуз кивнула, не сводя взгляда с Сильви, которая заходила в дом.

– Пообещай мне. – Мама посмотрела ей в глаза.

– Обещаю.

– Молодец. А теперь заканчивай свои дела и приходи завтракать.

– Хорошо, мама.

Роуз подождала, пока мама зайдет в дом и начнет хлопотать на кухне. Проверила окна – никто не смотрит. Наверное, все сидят за столом, накладывают себе кашу, посыпая сверху корицей, сахаром и изюмом.

Роуз побежала к почтовому ящику, открыла его и достала письмо. Оно было адресовано Альфреду Хичкоку в Голливуд, штат Калифорния.

Не раздумывая, Роуз сунула письмо в карман пальто и поспешила обратно, чтобы позавтракать вместе со всеми.

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Парамаунт»
Голливуд, Калифорния

8 октября 1955

Уважаемый мистер Хичкок,

дядя Фентон сводил меня на «Неприятности с Гарри» в «Парамаунт» в Барре – тот самый, где я видела вас неделю назад. Вы оставили автограф на стене, и я даже до него дотронулась – просто невероятно! Фильм мне очень понравился! Мисс Маклейн сыграла великолепно. Насколько я знаю, это ее первая роль в кино. Интересно, как вы ее нашли? Как попасть в ваш фильм, если ты не звезда?

Я прикладываю фотографию: мы с сестрой Роуз даем представление в нашем «Знаменитом курином цирке Лондона». Выступаем перед постояльцами мотеля. Мы научили кур делать разные трюки, а в конце представления я их гипнотизирую. Прошлым летом про нас с Роуз даже написали в газете – репортер взял у нас интервью и сделал снимок.

Если вы когда-нибудь снова окажетесь в Вермонте,

приезжайте в мотель посмотреть на наш куриный цирк.

На фотографии я та, что со светлыми волосами и постарше. Роуз не любит сниматься, вот она и скорчила рожу.

Роуз всегда была странной, а сейчас ведет себя еще хуже: стала постоянно следить за мной. Прячется в шкафу или у меня под кроватью. Думает, я ее не вижу, а я делаю вид, что и правда не замечаю – хочу проверить, долго ли она там просидит, но терпения у нее хоть отбавляй. Она даже ночью за мной наблюдает! Иногда я просыпаюсь, а Роуз стоит у моей кровати с фонариком и светит мне в лицо. Мама говорит, она просто завидует и не стоит обращать на нее внимания. Станный способ проявления зависти, скажу я вам.

Ну, на этом пока все. Надеюсь, вы сейчас заняты съемками новой картины – скорей бы посмотреть ее! Если у вас найдется время, я буду рада получить ответ или снимок с автографом. Тогда я стану самой счастливой девочкой во всем Вермонте!

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

2013

Пайпер

Глядя на дочь Эми, Пайпер не могла отделаться от мысли, что она попала в прошлое и сидит рядом с самой Эми – девочка была точной копией матери, пусть бледной и шокированной, но пугающе на нее похожей.

Девочку забрала в свой захудалый трейлер ее тетя Кристал, сестра Марка. Кристал усадила их за кухонный стол, покрытый расцарапанным пластиком, дала по банке теплой колы и положила на тарелку соленые крекеры и нарезанный квадратиками оранжевый американский сыр – на вид как пластмасса.

– Я Луиза, но так меня называют только учителя в первый день учебы и тетенька в поликлинике.

– А как тебя зовут остальные? – спросила Пайпер.

– Все зовут меня Лу. Просто Лу.

Вид у Лу был болезненный, словно она давно не выходила на солнце – даже веснушки поблекли. Глаза темно-синие, волосы светлые и тонкие. Под глазами синеватые круги. Губы потрескались.

Трейлер оказался настоящей дырой, и Пайпер сочувствовала Лу, которая теперь была вынуждена здесь жить. К полу на кухне что-то прилипло, в раковине накопилась гора посуды, некогда белые шторы пожелтели от сигаретного дыма, которым пропахло все вокруг. Пайпер как будто попала в гигантскую пепельницу.

Кристал, золовка Эми, была высокой и худой, с тонкими темными волосами, завязанными в хвост грязной резинкой. На ногтях – потрескавшийся зеленый лак цвета детской рвоты, в уголке рта язвочка.

– Присмотрите за ней часок? – попросила Кристал. – Надо сходить в магазин.

– Э-э, ладно. Почему бы и нет? – как ни в чем не бывало ответила Пайпер, хотя сама подумала: «Кто бросает перепуганного ребенка на первого встречного?»

Кристал жила в трейлере со своим парнем Рэем, барменом из какого-то клуба в Барре, что славится танцовщицами с обнаженной грудью (Пайпер узнала все это от Марго). Он ушел на работу, но следы его проживания были заметны: огромные мотоциклетные ботинки, треснутая кружка с именем «РЭЙ», фотография на холодильнике – Кристал и крупный мужчина с сальными черными волосами.

Лу пила газировку. Пайпер начала объяснять, что она давняя подруга ее мамы и что они играли вместе, когда были примерно того же возраста, что и Лу. Мысль о том, что мама когда-то была такой же юной, как сама Лу, заставила девочку улыбнуться.

– Мы катались на роликах по дну старого бассейна у мотеля, – сказала Пайпер.

Лу улыбнулась еще шире.

– Я тоже! Однажды меня там укусил паук.

– Жуть.

Лу кивнула.

– Они обитают в сточной трубе. Укус был сильный, на его месте появилась огромная болячка, которая долго не заживала. С тех пор мама не пускала меня в бассейн.

Пайпер вздрогнула.

– Пришлось кататься у дома, но там одна галька. Иногда мама водит меня к велосипедной дорожке, а потом мы... – Лу резко замолчала. Вид у нее стал серьезный, и Пайпер, замерев, подметила в ней черты невероятного сходства с Эми – надутые губы, голубые глаза с длинными ресницами, россыпь веснушек на носу и щеках.

Пайпер машинально погладила Лу по взъерошенным волосам. Так хотелось потрогать их, вплести какие-нибудь веселые разноцветные бантики. Эми когда-то делала себе яркие пряди с помощью желе.

Девочка дернулась, и Пайпер убрала руку.

– Наверное, было здорово кататься по велосипедной дорожке.

Во взгляде Лу мелькнула злоба (опять же прямо как у Эми). Она сделала глубокий вдох и закрыла глаза.

– Тетя Кристал говорит, что можно по-прежнему любить маму, несмотря на то что она сделала. Надо помнить о ней хорошее.

Пайпер кивнула.

– Одна моя подруга собирает бабочек, – вдруг сменила тему Лу. – Кендра. Она бывает плохой: отрывает у живых бабочек крылья.

– Это и правда нехорошо, – согласилась Пайпер.

– Иногда она и ко мне плохо относится.

– Что она делает?

Лу смяла банку колы.

– Обзывает меня дурочкой, когда я получаю плохие оценки по математике и правописанию. Мама говорит, что каждый умен по-своему.

– Она совершенно права, – сказала Пайпер.

Девочка улыбнулась, но улыбка быстро исчезла с ее лица. Лу начала

ковырять кожу у ногтя на большом пальце.

– Зачем вы пришли? – спросила она.

– Хотела с тобой познакомиться.

Лу кивнула, еще сильнее смяв банку.

– Я должна рассказать о том, что случилось?

– В каком смысле, милая?

Лу выпятила грудь и, изображая командный голос, сказала:

– Все взрослые, что приходят ко мне, просят об одном: «Расскажи, что случилось, можешь своими словами».

Получилось очень похоже, в духе Эми.

– Ты ничего не обязана мне рассказывать. – У Пайпер колотилось сердце. За этим она и пришла, однако вдруг осознала, что не станет ничего требовать от девочки. Они просто посидят вместе, попьют колы, пусть Лу расскажет о школе и своих друзьях. Пайпер хотела сделать ее жизнь чуточку лучше и нормальнее, а не быть очередной взрослой тетей, что снова и снова заставляет Лу переживать кошмары той ночи.

– Да я не против. – Лу пожала плечами. – С каждым рассказом это превращается в историю. В жуткую историю, которая случилась с какой-то другой девочкой.

Вот бы забрать ее отсюда, из этого поганого трейлера, из Лондона, где ей не дадут забыть о страшной трагедии. Посадить в самолет и увезти в Лос-Анджелес, в свой опрятный дом. Из кабинета можно сделать спальню, поставить кровать с балдахином и завалить ее мягкими игрушками. У Лу будет прекрасная жизнь. Жизнь в безопасности.

Пайпер никогда не хотела детей. Ее жизнь и так была насыщенной: успешный бизнес, куча друзей, периодические (хотя в основном несерьезные) романы, однако эта девочка пробудила в ней материнский инстинкт.

– Только если ты сама хочешь, – сказала Пайпер.

– Было поздно, – начала Лу. – Мама зашумела на кухне. Такое иногда случалось, когда она пила... натыкалась на что-то, с грохотом хлопала шкафчиками.

– Мама много пила? – спросила Пайпер, нервно сглотнув. Мысль о том, что Эми стала пьяницей, была невыносима. Подруга всегда стояла выше этого, не поддавалась никакой зависимости, но алкоголизм порой передается по наследству.

Лу зажмурилась.

– Иногда. Папа бросил много лет назад, а у мамы в холодильнике всегда стояла большая бутылка белого вина. В общем, я слышала грохот

на кухне, потом в шкафу в прихожей. Видимо, тогда она достала ружье. Папа хранил его в шкафу, как и мама вино в холодильнике – на всякий случай.

У Пайпер на лбу выступил пот, руки тоже вспотели. Она ослабила шарф, расстегнула теплую кофту. В комнате воняло все сильнее. Плесенью, сыростью, какой-то гнилью.

– Она пошла вверх по лестнице, напевая песенку:

Однажды Смерть постучится к тебе,
Ты узнаешь лицо, вы встречались.
Ты видел ее в том кошмарном сне,
И ступени заскрежетали.

Зеркало в руки берешь и уже
Тверд в своем убежденье:
Смерть – это ты, а ты – это смерть,
Нужны ли еще подтверждения?

Пайпер вздрогнула. Бабушка Шарлотта тоже пела им эту песню много лет назад, незадолго до того, как все изменилось.

От мелодичного голоса Лу по телу Пайпер побежали мурашки, захотелось сказать: «Довольно, перестань». Лу крепко зажмурилась и, медленно раскачиваясь, продолжила рассказ:

– Сначала она зашла в комнату, где спал папа. Пробралась туда тихо, как мышь, а он, видимо, услышал, потому что они стали ругаться.

– Ты слышала, о чем они говорили? – спросила Пайпер.

– Нет, но они жутко шумели, что-то разбилось, а потом мама закричала, и вдруг – бах!

Пайпер дернулась.

– У меня в голове была только одна мысль: где бы спрятаться? Я выскочила из кровати, набила под одеяло подушек, чтобы она подумала, будто я сплю. Я как-то видела такое в кино.

– А что потом?

– Я открыла окно на крышу. Мы с Леви иногда лазили туда смотреть на звезды.

Оставаясь у Эми на ночь, Пайпер тоже вылезала сквозь то окно. Они сидели на крыше, дымили сигаретами, которые Эми таскала у бабушки, и попивали солоноватый шерри, найденный на кухне. Подруга делала вид,

что знает названия всех созвездий, но Пайпер понимала, что она все выдумывает. Лягушка, глотающая девочку; королева пауков; рука с топором – названия, достойные кошмарных снов.

– Мама вернулась в прихожую. Я стояла прямо у окна и слушала. Она заглянула в комнату к Леви. «Мама? – позвал он. – Что ты делаешь?» – «Спасая тебя». – «От чего?» – «От кошмаров». Бах, бах, бах!

Пайпер отклонилась назад, как будто выстрелы попали ей в грудь.

– Потом она пошла за мной. Я увидела свет из коридора, когда она открыла дверь в комнату. Было холодно, я стояла босиком, но черепица на крыше еще не остыла. Она выстрелила в мою кровать, не развернув одеяло. Затем вышла в коридор, и раздался еще один выстрел. После чего все стихло.

Глаза Лу стали стеклянными, как у куклы.

– Я не хотела заходить в дом и стояла на крыше.

Лу ненадолго замолчала, наверное, представляя, что она могла там увидеть. Затем, покачивая головой, словно отрицая что-то, продолжила:

– Я не могла пошевелиться. Наконец пришел Джей-Джей и отнес меня в дом. Я прижалась лицом к его груди. Он попросил закрыть глаза и не открывать, пока он не разрешит.

– Джей-Джей? – Пайпер и забыла, что Эми так называла Джейсона. Откуда Лу знает это прозвище?

– Мамин друг. Полицейский. Он приходил к ней на прошлой неделе. Не знаю, что он ей сказал, но она расстроилась. Когда я пришла, она плакала, а Джей-Джей держал ее за руку.

У Пайпер вырвалось удивленное восклицание; впрочем, она сделала вид, что кашляет. Какого черта здесь делал Джейсон?

– Зато той ночью плакал он, когда нес меня через дом. А чтобы заставить полицейского плакать, должно случиться что-то очень-очень плохое.

Пайпер могла бы – да и должна была бы – как-то утешить и приободрить девочку, но все слова, что приходили на ум, казались оскорбительными и совершенно неуместными. Гудел холодильник. Тикали часы на плите. Шипела газировка. В другой комнате играло радио – так тихо, что, может, ей просто почудилось. Пайпер вспомнил переносной приемник, настроенный на станцию «Топ-40», который Эми повсюду таскала с собой.

– Как-то раз, – вдруг заговорила Лу, – мама повезла меня в город, и там на одном здании я увидела маленького каменного человечка с крыльями.

– Горгулью?

– Ага, – с улыбкой ответила Лу. – Вот и тогда на крыше я представляла, что приросла к стене, и старалась не дышать. Как горгулья.

* * *

Кристал вернулась через час с блоком сигарет и огромной бутылкой диетической соды. Вскоре она дала понять, что услуги няньки ей больше не требуются. На обратном пути Пайпер проигрывала в голове пугающий своей простотой рассказ Лу, обращая внимание на каждую деталь.

Зачем Джейсон ездил к Эми на прошлой неделе? Знай Марго об этом, она рассказала бы Пайпер. Получается, он скрыл это от жены. Почему? Можно представить себе несколько вариантов ответа, один хуже другого.

Что-то еще в рассказе Лу не сходилось.

Осознание пришло к Пайпер постепенно, как летний закат – сначала понемногу меркнет свет, а потом появляются светлячки и звезды. Все происходит у тебя на виду, но ты замечаешь это только сейчас.

Когда Джейсон нашел Лу на крыше, ее ноги были в крови, он сам так сказал. Если девочка вылезла в окно, услышав первый выстрел, и замерла там, как статуя, пока в доме шла бойня, то откуда взялась кровь?

1989

Пайпер

Пайпер и Марго жили с мамой в многоквартирном доме с другой стороны холма за мотелем. Иногда Пайпер шла коротким путем, что выводил ее к полю у бассейна Эми, и представляла, будто она в Нарнии. Будто мотель как тот шкаф, сквозь который можно попасть в другой мир. Эми и ее бабушка и правда были странными, чудными и загадочными. Особенно теперь, когда нашелся чемодан Сильви и им предстояло раскрыть настоящую тайну.

Пайпер постучала в дверь Эми, Марго пришла с ней. Нога по-прежнему болела. Утром Пайпер сняла бинт: под ним все покраснело и раздулось. Она намазала рану бацитрацином и заклеила пластырем. Вчера Пайпер успела быстро переодеться в спортивные брюки до маминого прихода, и та ничего не заметила. Она бы ужасно встревожилась и вполне могла запретить девочкам ходить к подруге. Ей и так не нравились Эми и ее семья, и мама твердила, что этот старый мотель скоро обвалится. Не стоило подтверждать ее опасения.

– Прекрати уже там постоянно торчать, – сказала мама. – Здесь есть и другие дети вашего возраста. Например, мальчик из соседнего дома, он вроде милый. Могли бы поиграть с ним.

– Джейсон Хок? – фыркнула Пайпер. – Мам, ну ты что, он зануда.

– Неправда, – заявила Марго. – У него классный телескоп и карты звездного неба, которые светятся в темноте.

Пайпер закатила глаза.

– Мне больше нечего добавить. Настоящий зануда.

Пайпер снова постучала, на этот раз громче. У бабушки Шарлотты были проблемы со слухом. А если Эми наверху включила музыку, то она тоже не слышит.

– Сегодня будем осматривать все номера? Или тот старый трейлер? – щебетала Марго.

– Не знаю, – ответила Пайпер. – Посмотрим, что задумала Эми.

– Я *задумала* много чего классного, ленивые вы задницы. Чего так долго? – Эми подкралась к ним сзади – в футболке с Джоан Джетт и вчерашних обрезанных шортах. Она пританцовывала, вставая на пятки. – Я жду вас уже несколько часов!

– Извини, – ответила Пайпер. – Мама поздно пошла на работу, хотела посидеть за завтраком всей семьей, а потом мы звонили папе.

Отец недавно переехал в Техас со своей новой женой Триш. Пайпер и Марго виделись с ним всего по неделе летом и зимой. Пайпер это устраивало. Она терпеть не могла Триш, которая раньше была их стоматологом-гигиенистом. Пайпер тошнило от одной мысли о том, что когда-то эта женщина копалась у нее во рту, шлифовала и чистила ей нитью зубы. Она заставляла Пайпер жевать красные подушечки, на которых кровавыми пятнами проступали места, в которых зубы были плохо почищены.

– Ладно, ладно, не важно. – Эми не хватало терпения слушать о том, что не имело к ней отношения. – Идем ко мне. Хочу вам кое-что показать.

Эми проскользнула между Пайпер и Марго и открыла входную дверь.

– Кто там? – крикнула бабушка с кухни.

– Это я, бабушка.

– А, Сильви! Ты меня напугала.

– Я Эми, ба. Все та же Эми.

Лестница была напротив входа. Эми начала подниматься по широким, застеленным ковром ступенькам, девочки пошли за ней. Наверху она повернула направо к своей комнате, что находилась в конце коридора.

– Скорее, скорее, сейчас увидите, что я нашла! Вы обалдеете!

Когда-то это была спальня ее мамы и Сильви, и некоторая мебель осталась еще с тех пор: две одинаковые кровати с темным лакированным изголовьем, уже поистершимся, два древних комода, где сестры хранили свои вещи, и прикроватный столик в цвет. Однако Эми добавила кое-что свое – приемник на столике у кровати, плакаты «Guns N’ Roses» и Энни Леннокс на стенах, которые подруга вместе с потолком покрасила в ярко-фиолетовый. Солнечный свет отражался в пластиковых бисерных шторах всеми цветами радуги.

Здесь было здорово, прямо как в тайной комнате волшебника – никогда не знаешь, что можно найти, чего ждать от Эми.

– Смотрите. – На письменном столе расположилась старая пишущая машинка с чердака, а в нее был вставлен лист бумаги. Пайпер подошла поближе, чтобы рассмотреть, что печатает Эми.

«Сильви, Сильвия Слейтер, мисс Сильвия Слейтер, куда ты подевалась, мисс Сильвия Слейтер?????»

Рядом лежала и книга по гипнозу с закладкой. Эми начала читать ее и делать заметки.

Эми помахала перед ними конвертом.

– Нашла под пишущей машинкой, когда доставала ее из коробки.

Пайпер прочитала вслух адрес на конверте: «Мистеру Альфреду

Хичкоку, студия «Юниверсал», Голливуд, Калифорния». В правом верхнем углу марка на четыре цента. И обратный адрес: от Сильвии Слейтер, мотель «Тауэр», Лондон, Вермонт.

– Альфреду Хичкоку, который режиссер?

– Кто такой Альфред Хичкок? – спросила Марго.

– Он снял все эти чудные старые фильмы типа «Птиц» и «Психо», – ответила Эми. – Помнишь, Пайпер? Та жуткая сцена в душе в «Психо»? – Эми изобразила, как пронзает воздух невидимым ножом, сопровождая каждый удар тоненьким писком.

Пайпер покачала головой.

– Не-а. – Ей не разрешали смотреть страшные фильмы со взрослым рейтингом.

– Боже мой! Надо взять в прокате! Поверить не могу, что ты его не видела! А знаешь, что самое классное? Там действие происходит в мотеле! Туда тоже никто не приезжает из-за новой трассы – прямо как у нас.

– Ладно, – пожала плечами Пайпер. – Ну так что там в письме?

Эми церемонно вытащила его из конверта и подала Пайпер. Письмо было аккуратно напечатано на фирменной бумаге мотеля.

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния
3 октября 1961

Уважаемый мистер Хичкок,
я придумала новый поворот сюжета для фильма, о котором вам говорила. Допустим, есть мотель. В нем 28 номеров. Вроде бы все идет нормально, все прекрасно, но так только кажется. В мотеле есть двадцать девятый номер, где хранятся самые темные секреты.

Вот каков мой план: я узнаю все тайны двадцать девятого номера и приеду в Голливуд, чтобы лично рассказать вам о них. Думаю, услышав мою историю, вы согласитесь, что из нее получится отличный мрачный фильм. Такой сможете снять только вы.

Обязательно скоро напишу вам.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

– Как странно, – сказала Пайпер. – О чем это она?

– Разве непонятно? Она пишет, что где-то в мотеле есть тайная комната, двадцать девятый номер, и она отправилась его искать. Посмотри на дату: 3 октября 1961 года. За день до того, как Сильви исчезла! Я спросила сегодня у бабушки – Сильви ушла утром 4 октября.

– Но как в мотеле может быть целая комната, о которой ты не знаешь? – спросила Марго.

– Может, это не настоящая комната, – предположила Пайпер. – Или же это... как там говорят... метафора или вроде того. Хотя вдруг она просто все выдумала, чтобы привлечь его внимание?

Эми вся покраснелась.

– Нет, – покачала она головой. – Я думаю, это настоящая тайная комната где-то в мотеле. И если мы хотим узнать, что произошло с Сильви, надо ее найти.

– И с чего же начать? – спросила Пайпер.

– Давай еще раз покопаемся в том чемодане, вдруг найдем какую-нибудь подсказку. А потом будем прочесывать мотель, номер за номером.

– И старый трейлер тоже! – увлеченно воскликнула Марго.

– Осмотрим каждый сантиметр этой земли, – кивнула Эми. – Пошли, начнем с чемодана.

Джейсон

Джейсон наблюдал за Эми из четвертого номера в надежде застать ее без подруг. Он стащил еще сигарет у брата. Рискованно: Брайан наверняка заметит, что в блоке стало на две пачки меньше. С другой стороны, сейчас лето, и брат занят на работе в пиццерии, а все свободное время проводит со своей подружкой. Оставалось надеяться, что Брайану некогда пересчитывать сигареты.

Джейсон заскучал. Ему надоело ждать. Он снял целлофановую упаковку с пачки и достал одну сигарету. Держа ее между указательным и средним пальцами, зажал фильтр губами. Джейсон никогда раньше не пробовал курить, даже не думал об этом, но Эми курила. По крайней мере, хвасталась этим.

Он встал, чтобы взять с ночного столика старую коробку фирменных спичек мотеля «Тауэр» и треснутую пепельницу из стекла, но замер у зеркала – полюбоваться своим отражением. В футболке брата с «Пинк Флойд» и с сигаретой в зубах Джейсон вполне походил на парня, с которым заговорит Эми. Он слегка взъерошил волосы, чтобы стать похожим на рок-звезду.

Джейсон вернулся к окну, чтобы не упустить Эми. Чиркнул спичкой – головка осыпалась. Вторая спичка вспыхнула, но сразу потухла. Следующие три сломались, а вот шестая, которую Джейсон достал со дна коробки, к его удивлению, загорелась. Он поднес пламя к кончику сигареты и, попыхивая, вдруг заметил какое-то движение сквозь щель в жалюзи.

Кто-то подошел к башне. Покашливая, Джейсон со слезящимися глазами затушил сигарету, не отрывая взгляда от старого каменного строения.

Призрачная фигура приблизилась к дверному проему, затем отошла назад и исчезла в темноте. Джейсон успел заметить бледное лицо и длинное голубое одеяние – то ли рубашка, то ли платье.

Он выскочил из четвертого номера и побежал к башне. У входа Джейсон замер и осмотрелся. Пусто.

Внутри пахло пылью и цементом.

Наверху вдруг что-то заскреблось, словно гигантский краб боком полз по деревянному полу.

– Эми? – прохрипел Джейсон. – Это ты?

Сердце комом подкатывало к горлу. Джейсон поднялся по лестнице, но

на втором этаже была лишь пустая комната и дыра в полу. Неудивительно, половицы давно прогнили. Эми вроде упоминала, что Пайпер здесь провалилась.

– Эми? – позвал он снова полным надежды голосом, который затих во мраке здания. Солнце небольшими порциями проникало сквозь узкие окна. Джейсон знал, что в настоящих замках такие окна используют для стрельбы из лука.

Он осторожно пошел к следующей лестнице, не отводя взгляда от провала в полу, и поднялся на верхний этаж. Там тоже ничего не было. Только бесконечное небо над головой и облака, такие низкие, что отбрасывали тени на башню и мотель. С дерева неподалеку покрикивала голубая сойка.

Как бы Джейсон ни убеждал себя в том, что фигура у входа в башню ему почудилась, он знал, что это не так. Там *на самом деле* кто-то был, а теперь его нет. Трудно поверить, ведь люди, настоящие люди из плоти из крови, не испаряются.

«Может, это был призрак», – подсказал Джейсону внутренний голос.

Только Джейсон никогда не верил в призраков – не верил и не собирался.

Пайпер

Пайпер, Эми и Марго подошли к башне как раз в тот момент, когда оттуда выскочил Джейсон.

– А ты что тут делаешь? – рявкнула Эми.

Джейсон был в огромной футболке явно с чужого плеча и со взъерошенными волосами, прямо как пугало. Лицо бледное и вспотевшее, взгляд полон ужаса.

– Ничего, я просто...

– Проник на нашу территорию! Это, знаешь ли, противозаконно.

– Там... кто-то был, – запинаясь, ответил Джейсон.

– Где? – сердито спросила Эми.

– В башне. Кто-то зашел внутрь. Кто-то в голубом.

Эми протиснулась мимо Джейсона и крикнула:

– Есть тут кто?

Ее голос эхом отразился от стен.

– Там никого нет, Джей-Джей.

– Но я видел. В башне кто-то был, – сказал он слегка дрогнувшим голосом.

Пайпер решила, что Джейсон врет. Пытается как-то оправдать свое присутствие. Наверное, бродил тут, шпионил за ними, чтобы снова застать Эми и Пайпер за поцелуем. От этой мысли она покраснела.

Зато Марго ему поверила. Разглядывая землю у башни, она сказала:

– Может, остались улики, какие-нибудь следы?

Эми ткнула пальцем в Джейсона.

– Я же просила тебя не соваться в башню.

– Просила.

– И-и-и? – растягивала Эми, уперев руки в бедра и изогнув брови.

– И что? – спросил Джейсон.

– А то – выметайся отсюда. Иди домой. Сейчас же!

Джейсон ускакал прочь как напуганный кролик – по дорожке, мимо бассейна и к полю.

Марго прикусила губу.

– Вышло как-то некрасиво.

– Некрасиво? – театрально округлила глаза Эми, повышая голос. – Смеешься, что ли?

Марго пожала плечами. Ее не пугали перепады настроения Эми.

– По-моему, ему просто одиноко. Мне его жалко. А тебе, Пайпер? – Во взгляде Марго читалась мольба о поддержке.

Пайпер молчала. Плевать она хотела на одиночество Джейсона Хока.

– Слушай, – сказала Эми, явно теряя терпение, – у нас тут намечается нечто невероятное. Нечто тайное. Чемодан, письмо, поиск двадцать девятого номера – никому нельзя об этом рассказывать, пока мы сами не узнаем больше. Нечего этому придурку совать сюда свой нос и шпионить за нами. Он все испортит!

«Сама с ним целовалась», – подумала Пайпер, но когда Марго возразила, не понимая, как он может все испортить, Пайпер накинулась на сестру:

– Марго, не будь идиоткой. Вдруг он найдет чемодан? И расскажет о нем кому-нибудь?

Марго упрямо покачала головой:

– Не расскажет. Ему это не нужно.

– О, так ты у нас теперь спец по Джейсону Хоку! – с отвращением воскликнула Пайпер.

Марго молча уставилась на свои шлепанцы с потрепанными цветочками между пальцев.

– Идем. – Эми потащила за собой подругу. – Надо еще раз проверить чемодан.

Пайпер пошла в башню вслед за Эми; вскоре за ними пошлепала и Марго, поглядывая на тот холм, за которым скрылся Джейсон.

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния
12 сентября 1961

Уважаемый мистер Хичкок!

Иногда мне кажется, что я схожу с ума. У вас такое бывает? Наверное, всем творческим людям это знакомо.

Нечто невероятное, сводящее с ума – вот о чем я мечтаю.

Все смотрят на меня и видят счастливую девочку. Полную надежды и оптимизма. Такая милая. Такая невинная. Ах, ничего они не знают! Даже не догадываются!

Это все напускное, а я – величайшая актриса во всем мире!

В этом мрачном доме, полном тихих перебранок, я единственное светлое пятно. И я сияю. О, как я сияю и переливаюсь, когда все смотрят на меня с изумленными полуулыбками. Прекрасное создание, которое никому не причинит вреда – вот что они видят. Только Роуз что-то подозревает. Приходится избегать сестру и не смотреть ей в глаза.

А это, кстати, не так уж сложно. Она стала очень странной. Вечно попадает в неприятности и ни с кем не дружит, предпочитая проводить время в компании старой грустной коровы.

Мама говорит, что Роуз завидует, однако я думаю, что дело не в этом. По-моему, она просто меня ненавидит. Хотя опять же Роуз ненавидит все и вся вокруг.

Построили обещанную трассу, и она все испортила. Случилось то же самое, что с мотелем «Бейтс» из вашего последнего фильма «Психо». Мы с дядей Фентоном три раза ходили в кинотеатр. Какая потрясающая картина! Она понравилась мне даже больше, чем «Головокружение». Фентон уговорил работника кинотеатра отдать ему постер «Психо» после окончания показов, и я повесила его на стену над кроватью, но папа заставил все снять. Сказал, что не хочет видеть полуголую Джанет Ли каждый раз, как заходит к нам в комнату. Фентон забрал плакат к себе в трейлер.

Иногда мне кажется, что мои письма и вдохновили вас на фильм про мотель «Бейтс». Это так?

Как и в фильме, в наш мотель больше никто не приезжает. Городок под названием Лондон, моя семья, мотель – все они стали призраками прошлого.

Я понимаю, что вы очень заняты и у вас нет времени написать ответ, но мне очень хотелось бы знать, что вы хотя бы читаете мой девчачий бред.

Мне надо знать, что хоть кто-то меня слушает.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Роуз хмуро смотрела на шарики и ленты, которыми украсили гостиную. Дядя Фентон нарисовал плакат с надписью: «С ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТИЕМ, СИЛЬВИ!» и повесил его на стену за диваном. Фентон помог папе передвинуть кофейный столик, телевизор и стулья в столовую, а мама расставила закуски на буфетной стойке: тефтели и мини-сосиски на зубочистках, фаршированные яйца, сырный шар в ореховой посыпке. В ведро со льдом положили несколько бутылок кока-колы.

Сильви нарядилась в светло-зеленое платье без рукавов, а на голову повязала ленту в тон, которую сшила сама из такой же блестящей ткани. В ушах были изумрудные серьги – мама подарила их ей на Рождество, а маме они достались от Омы вместе с жемчужным ожерельем, что прислали из Англии после смерти Омы. Мама так ни разу и не надела бабушкины драгоценности и пообещала в свое время подарить их дочерям. Роуз надеялась получить жемчуг на шестнадцатый день рождения, а может, и раньше.

Мама разрешила Сильви накрасить губы ее красной помадой, и теперь в Сильви, такой взрослой, едва можно было узнать маленькую девочку, когда-то заправлявшую куриным цирком. Она пригласила на праздник трех подруг: Марни, Кейт и Дот. Девочки одаривали комплиментами платье именинницы: ах, как красиво, ах, как изысканно. Они слегка поклевали закуски, поболтали о работе (Сильви и Дот трудились в магазине «Вулвортс») и важном футбольном матче, который предстояло сыграть лондонским «Рейдерам» в те выходные. Марни, еще учившаяся в старшем классе, была на год младше Сильви и Дот, но встречалась с куотербеком. У Сильви не было парня, да и, похоже, ее это вообще не интересовало. В прошлый выходной Дейви Палмер пригласил ее на танцы в благотворительный клуб ордена лосей; Сильви сказала, что у нее другие планы, а сама осталась дома. После окончания школы Сильви помогала в мотеле (в те редкие случаи, когда сюда заглядывали постояльцы), работала неполный день в «Вулвортс» и печатала кое-какие документы для папиного друга, который занимался страхованием. Фентон иногда водил ее в кино. Остальное время Сильви читала журналы и слушала музыку.

По радио играла песня Чабби Чекера, и Сильви упрасивала гостей станцевать твист. Папа и Фентон курили в сторонке и о чем-то болтали.

Мама носилась с едой, все подкладывая добавку.

В последнее время их с папой отношения стали какими-то странными. В плохом смысле странными, и если Роуз слишком много размышляла об этом, у нее болел живот. Иногда они ругались. Из-за денег, из-за мотеля, из-за всего на свете. Бывало, папа с топотом выскакивал из дома и пропадал где-то всю ночь, а утром появлялся, весь помятый, и мама подавала ему завтрак и кофе, как будто ничего и не произошло.

Несколько месяцев назад Роуз исполнилось четырнадцать, и, несмотря на разницу в четыре года, она была выше сестры и намного крупнее. На праздник Роуз надела старое платье, не самое нарядное, но одно из любимых – красная шотландская клетка напоминала ей о папином охотничьем жакете. В нем Роуз ощущала себя охотником. Она уже много лет выжидает, отчаянно желая поймать сестру в момент... чего? Превращения в какое-то животное или насекомое, как превращаются оборотни? Неужели Роуз по-прежнему в это верит, в свои-то четырнадцать лет?

Верит.

Роуз не призналась бы в этом ни единой душе, иначе ее сочтут ненормальной. Никто не поверит, что идеальная Сильви, красавица с сияющей улыбкой, похожая на кинозвезду, которая закончила школу лучшей в классе, на самом деле монстр. Монстров вообще не существует. Они бывают только в кино – какие-то мерзкие сгустки, гигантские пауки, оборотни или инопланетяне. Роуз видела все это в фильмах, на которые Фентон водил их с Сильви по субботам.

«Став оборотнем, существо сохраняет человеческие привычки и воспоминания, – говорила бабушка Ома. – Оно узнает близких людей и знакомые места. В человеческом облике оно и мухи не обидит, но переменившись, становится по-настоящему опасным».

Роуз представила, как ночью сестра просыпается в образе другого создания, не прекрасной сатурнии луны, а некоего страшного существа, отражающего ее истинную натуру – в виде безобразного мотылька с фасеточными глазами, в которых виден отблеск ярко-голубых глаз Сильви, с огромными кожистыми крыльями и острым хоботком, что прорезает плоть жертвы и высасывает кровь.

Сильви по-прежнему исчезала из спальни по ночам как минимум раз в неделю, а в последнее время даже чаще. Роуз никак не могла застать ее врасплох, только сама попадалась. Если хочешь поймать Сильви до того, как она успеет вернуться в постель, надо быть хитрее. Надо думать как охотник.

– Потанцуй с нами, Роуз, – позвала Сильви. Она с подругами все еще танцевала твист под Чабби Чекера, и даже мама с папой и Фентоном присоединились к девочкам. Мама чувствовала себя стесненно, зато папа, улыбаясь ей, размахивал руками и качал бедрами.

«Видели бы вы мою сестренку», – пел Чабби Чекер, и в этот момент как по заказу (хотя Сильви заранее все продумывала, так ведь?) Сильви, пританцовывая, подошла к Роуз и взяла ее за руку. Все внимательно наблюдали за ними. Неужели страшенькая, неуклюжая девчонка, не умеющая танцевать, присоединится к своей красавице сестре? Или они ждут, что Роуз покачает головой, надует губки и откажется, не желая походить на нелепую божью коровку в шотландке?

«Я всех вас удивлю», – сказала про себя Роуз, широко улыбнувшись, поставила стакан с газировкой и вышла на середину комнаты вместе с сестрой. Она не стала повторять движения за Сильви, как делали (точнее, пытались) все остальные – она изобрела свои, более быстрые и неистовые. Она трясла волосами и раскачивалась всем телом. Было здорово. Роуз танцевала так, словно ей на все плевать. Словно она полна неожиданностей. Вокруг все сливалось – приклеенные к потолку шарики, розово-белые ленты и даже три подруги, которые, хихикая, танцевали в кружке с дядей Фентоном. Родители двигались как в замедленной съемке, и Роуз поймала на себе их взгляд, а Сильви, порхающая в своем зеленом платье, все меньше походила на девочку и все больше на сатурнию луну, которую Роуз однажды увидела в башне.

– Роуз, детка. – Мама положила руку ей на плечо. – Осторожнее, а то ушибешься.

И комната взорвалась от хохота. Роуз убрала волосы с лица и увидела, что все смотрят на нее и смеются.

«К черту вас», – подумала она.

– Вот это танец, сестренка, – смеялась Сильви, закрывая рот рукой.

«А тебя особенно», – мысленно добавила Роуз и ушла обратно в свой уголок, где ее ждала теплая бутылка колы.

Сильви поставила другую песню – «Stuck on You» Элвиса. Она попросила Фентона потанцевать с ней, и вместе они вышли на середину комнаты, поглядывая в сторону Роуз. Сильви сказала что-то Фентону, и тот скорчился от смеха, лицо и уши покраснели.

Постояльцы теперь в мотель почти не заглядывали. И водители грузовиков, и отпускники, и толпы туристов ездят по новой трассе, построенной в прошлом году. Даже постоянные посетители – Билл Новак, который приезжал из Мэна с полным лобстеров и рыбы грузовиком,

продавец обуви Джозеф и те семьи, что каждое лето заглядывали снова посмотреть на куриный цирк и башню, – и те больше не появлялись.

Папа, конечно, не сдавался. Рассылал брошюры, заказывал платную рекламу во всех газетах и журналах, даже поставил вывеску на новой трассе, у съезда на Лондон, но дорожное управление ее снесло. Что бы он ни делал, машины все равно проносились мимо.

Роуз не дурочка, она понимала, что скоро семья разорится. Скромные накопления на черный день уже потрачены. Фентон устроился в автомастерскую в городе, мама стала подрабатывать шитьем, а Сильви брала больше часов в магазине и страховом агентстве.

Никто не приезжал посмотреть на куриный цирк, лондонский Тауэр и корову Люси. Да и Люси в последнее время уже не та – похудела, все время сонная. Сегодня утром даже отказалась от еды.

Мама работала над новым выпуском «Лондонского глашатая». Страниц будет немного, а главная новость – закрытие рынка, теперь людям придется ездить за продуктами аж в самый Барр. Мама скрасила печальное известие одним из своих лучших рецептов – воздушного, как облачко, лимонного пирога.

После танцев все набросились на закуски.

– Теперь подарки, – объявил папа, подавая Сильви небольшую прямоугольную коробку.

Сильви развязала ленточку, аккуратно сняла блестящую синюю обертку и увидела набор из ручки и карандаша в бархатном чехле.

– Чтобы записывать твои причудливые мысли, – сказал папа.

– Папа, просто замечательно! – Сильви обняла его и поцеловала в щеку.

– А это от меня. – Фентон достал из-за дивана большую плоскую упаковку, и Сильви содрала с подарка бумагу. Это был постер фильма Хичкока «К северу через северо-запад» в рамке – красавец Кэри Грант с сосредоточенным видом убегает от догоняющего его биплана.

– О, Фентон, спасибо! – поблагодарила Сильви.

Он застенчиво улыбнулся.

– Один знакомый из «Парамаунта» придержал для меня.

– Я следующая, – сказала мама и подала Сильви совсем маленькую коробочку.

Под всеобщими взглядами Сильви открыла подарок, и внутри у Роуз все сжалось.

– Мама! – удивленно воскликнула Сильви, доставая ожерелье. – Бабушкин жемчуг!..

Роуз хотелось закричать, лицо покраснело, по всему телу прошла волна неистового жара. Не может быть! Ожерелье предназначалось ей, а получила Сильви, хотя у сестры и так уже были серьги.

– Это нечестно, – выдавила Роуз.

– Ты о чем, Роузи? – спросил папа.

– Ожерелье должно было стать моим, – сказала она. – Так хотела бы Ома. Сильви она даже не нравилась.

Бабушка любила меня больше.

Подругам именинницы стало неловко. Фентон жевал губу, а мама глядела на Роуз, как на уличную собаку, которая заляпала грязью их дом. Сильви посмотрела на ожерелье, и Роуз на мгновение показалось, что она увидела под маской истинную сущность сестры: жемчуг держало отвратительное насекомое с круглыми глазами навывкате, блестящими зелеными крылышками и щелкающими челюстями.

– Я тебя ненавижу! – злобно бросила Роуз сестре. – В отличие от других, я знаю, кто ты на самом деле!

Она выбежала из комнаты на кухню, едва сдерживая рыдания. В центре кухонного стола стоял трехслойный шоколадный торт с белой глазурью. «С 18-летием, Сильви», – красиво написала мама кремом поверх торта.

Роуз всхлипнула. В гостиной снова заиграла музыка. «Марселс» пели «Blue Moon»: «Я стою один, и в моем сердце не осталось надежды».

Так не пойдет. Люди не узнают настоящую Сильви, пока Роуз им не покажет.

И она знает, как поступить.

«Есть только один способ поймать оборотня», – рассказывала Ома. Как хорошо, что в детстве Роуз внимательно ее слушала.

Роуз сжала руку в кулак и ударила им по тарту с такой силой, что блюдо под ним треснуло. Затем поднесла пальцы ко рту, облизала и пошла на улицу. От сладкого ломило зубы.

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния

16 сентября 1961
Уважаемый мистер Хичкок,

Сегодня мне исполняется восемнадцать.
И я очень, очень плохая девочка.

Как всегда, искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Чуть позже Роуз вернулась в гостиную. Сильви по-прежнему танцевала твист – ноги крутились винтом, верхней частью туловища она двигала в одну сторону, нижней в другую. Затем ее голова вдруг развернулась на сто восемьдесят градусов, затылком вперед, и в черепе возникла трещина, из которой сформировался еще один рот. Жуткий рот, обведенный красной помадой.

– Потанцуй со мной, – произнесли эти губы, вокруг которых извивались волосы. Жемчужное кольцо висело на шее, как отвратительная бледная лакрица.

Сильви подошла к Роуз, растягивая красные губы на затылке в усмешке. Выглядело непристойно, будто женские гениталии.

Роуз закричала, не в силах двинуться с места, а Сильви подходила все ближе, и ее волосы змеями извивались вокруг лица Роуз, не давая дышать...

Она проснулась с криком и поняла, что уже утро и в комнате больше никого нет. Часы показывали восемь. Роуз сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Сон. Это был всего лишь сон.

Снизу доносились голоса: папа, мама и Сильви приступали к завтраку.

Кровать Сильви была аккуратно заправлена.

Роуз отдернула одеяло и разгладила простыню, аккуратно заправив верхний край. Взбивая подушку, она с удивлением заметила на ярко-желтой наволочке два коротких плотных волоска черного меха. Странно, ведь с тех пор как умер старина Рейнджер, у них не было ни кошек, ни собак. Роуз стряхнула волоски, подняла подушку и вдруг увидела... Под подушкой, точно тайный подарок, лежали изумрудные серьги Омы.

Роуз тут же забыла о черных волосках.

Значит, Сильви поняла, как несправедливо, что ей досталось и ожерелье, и серьги. Наверное, это мама посоветовала так поступить. «Отдай что-нибудь одно своей бедной сестричке. Так будет честно». А может, Сильви сама так решила, желая показать, что она выше мелочности.

Роуз представила, как зайдет на кухню в сережках, и родители будут еще больше гордиться Сильви – какая же она у них добрая, внимательная и щедрая. Едва ли они заметят, как на фоне изумрудов блещут зеленые крапинки в карих глазах Роуз, как красиво она выглядит. А она в них будет

очень красивой. Роуз подошла к комоду с зеркалом и вставила серьги в уши, убрав назад спутанные волосы. Как изысканно они переливаются на свету... Такой прекрасной вещицы у Роуз никогда не было.

Она расчесала волосы и заплела их в аккуратную косу. Надела красно-коричневое платье с кружевными рукавами, одно из самых нарядных. Это платье помогла выбрать Сильви – сказала, что оно прекрасно оттеняет молочно-белую кожу и темные волосы.

Увидев ее, родители забудут о той Роуз, которая испортила торт и крикнула, что ненавидит сестру («Более жестоких слов представить нельзя, тем более в день рождения», – сказала вчера вечером мама). Может, они даже не вспомнят, что в наказание на целый месяц переложили на Роуз все обязанности Сильви по дому. Они поймут, что новая Роуз – совсем другая девочка: милая, симпатичная, послушная. Словно прежняя Роуз была околдована, а теперь сбросила чары. И в этом ей помогли волшебные сережки.

Роуз заправила кровать, еще раз посмотрелась в зеркало (кто у нас теперь кинозвезда?) и пошла к лестнице, на запах бекона и кофе, на знакомый стук и звон посуды, на голоса родных.

Она появилась на кухне со всей элегантностью – спина прямая, голова высоко поднята, походка летящая. Взглянув на сестру, Сильви выронила вилку.

– Мои сережки! Я никак не могла найти их после вечеринки, а они, оказывается, были у тебя.

Роуз отшатнулась. Не может быть. Это какая-то ошибка.

– Ты... ты сама мне их положила.

Все вдруг стало ясно. Да, Сильви положила ей сережки – но не в качестве подарка, а чтобы подставить Роуз, словно это она их украла. И дурочка попала в ее ловушку.

Сильви подошла к сестре, качая головой.

– Могла бы просто попросить.

– Но я... я нашла их у себя под подушкой. – Роуз сделала шаг назад и едва не споткнулась о ножку стула.

– Роуз, – суровым голосом сказала мама. – Снимай сережки. Сейчас же.

Дрожащими пальцами Роуз сняла серьги. Как нелепо смотрелись блестящие зеленые камушки в ее руках с вьедшейся в кожу и под ногти грязью. Все это неправильно. Она отдала сережки сестре, представляя, что та сейчас повернет голову и заговорит с ней из отвратительной дыры на затылке. Но Сильви ответила лишь улыбкой, полной жалости.

У Роуз закружилась голова. Желудок сжало.

– Не трогай вещи сестры, – серьезным тоном сказал папа, не выпуская из рук газету и даже не отрывая взгляда от главной статьи номера. Русские снова испытывают ядерные бомбы, но и президент Кеннеди не отстает. Еще немного, и весь мир полетит к черту. В такие моменты Роуз думала: «И пусть. Пусть с неба падают бомбы».

Папа встал из-за стола и сложил газету.

– Поможешь мне с расчетами, Сильви?

– Конечно, папа. Сейчас приду. – Сестра убрала в раковину свою и папину тарелки и добавила: – Seriously, Роуз, если захочешь что-то взять у меня, просто попроси.

Мама улыбнулась старшей дочери – какая добрая, совсем не злопамятная. Никто не понимал, что все это одно притворство. Роуз бросила на сестру свой самый злобный взгляд, в котором отчетливо читалось: «Меня ты не проведешь».

Сильви вышла за отцом, а мама стала собирать тарелки со стола. Она забрала и тарелку Роуз, хотя та еще не доела.

– Мама, я честно тебе говорю, Сильви сама дала мне сережки. Они лежали под подушкой.

Это она чудовище. Она, а не я.

Мама молча посмотрела на Роуз, и от этого взгляда по телу прошел холодок. Мама будто говорила: «Я совсем тебя не знаю, ты мне чужая».

– Хватит уже врать, Роуз, – наконец сказала мама. – И если ты еще хоть раз украдешь что-нибудь у сестры, последствия будут очень серьезными.

Роуз

Когда следующей ночью Сильви снова исчезла, Роуз откинула одеяло, слезла с кровати и, затаив дыхание, прислушалась. Где же она, где эта гнусная, жестокая сестра, которая подложила Роуз серьги, чтобы выставить ее воришкой? Что еще она задумала?

Роуз вдруг ощутила неминуемую опасность. Произойдет нечто плохое. Воздух наэлектризовался, как перед грозой.

Она сдвинула в сторону тюлевые занавески и выглянула во двор, залитый серебристым лунным светом. Дорожка мерцала, как драгоценные камни, а мотыльки тщетно бились о фонарь у конторы. Ярко горела вывеска, но среди ночи на десятом шоссе было пусто.

«Мотель «Тауэр». 28 номеров. Бассейн. Есть свободные места».

Зачем папа вообще тратил электричество на эту вывеску? По шоссе теперь ездили только местные жители.

С новой трассы доносился гул грузовиков. Она казалась живым существом. Вечно полна машин, никогда не спит.

Рядом с башней вдруг мелькнула тень.

Накинув халат, Роуз вышла из комнаты, но остановилась у спальни родителей. Разбудить бы их и сказать: «Сильви опять нет. Она в башне».

Только они не поверят. Даже не выйдут из дома, чтобы удостовериться. А если выйдут и найдут Сильви в башне, у Роуз будет уже другая проблема. Страшно подумать, на что пойдет Сильви, чтобы отомстить сестре.

А вот если застать ее врасплох, появятся улики, и тогда, возможно, впервые в жизни Роуз возьмет верх.

Она проскользнула мимо родительской спальни, спустилась по застеленной ковром лестнице и вышла на улицу через переднюю дверь. Ночью на удивление тепло для конца сентября, воздух тягучий и влажный, как чье-то дыхание. Лето не спешило уходить. Трещали сверчки. Пели цикады. На дорожке сидел богомол, сложив лапки в молитвенном жесте, который на самом деле помогал привлечь жертву.

Сильви однажды рассказала, что самка богомола отрывает самцу голову. «Самая жуткая среди каннибалов», – добавила она. Сильви затронула эту тему за ужином, и мама бросила на обеих дочерей предостерегающий взгляд.

Роуз ступала босыми ногами по твердым и теплым камушкам. Свет в

номерах не горел, машины рядом не стояли.

«Кларенс, посмотри фактам в лицо, – сказала мама отцу на прошлой неделе. – Мотель пора закрывать».

«Еще рано, – ответил он. – Все наладится. Скоро пожелтеет листва, и люди не захотят мчаться мимо такой красоты».

Какой-то звук (едва слышимый, сдавленный крик?) донесся из башни. Роуз затаила дыхание и прислушалась.

Она отчетливо разобрала свое имя.

– Роуз... Поспешите... – позвал приглушенный голос.

Сильви заметила, что сестра пошла за ней? Или, что еще хуже, специально ее сюда заманила?

Роуз сделала несколько шагов вперед, не выходя из тени башни и внимательно следя за дверным проемом.

Послышался гул, а потом шорох.

Сейчас бы рвануть обратно домой и разбудить маму с папой.

Сильви в башне. Она превращается в нечто ужасное.

Нет, надо все увидеть. Не в силах противиться, Роуз сделала шаг вперед и услышала что-то вроде шелеста больших крыльев.

У входа в башню быстро промелькнула тень. Что это у нее, крылья? Или еще одна пара рук?

Роуз открыла рот от удивления, слишком поздно осознав, что из него вырвался вскрик.

– Роуз! – позвал кто-то. Это была Сильви – и в то же время не Сильви. Знакомый голос, но со странным скрежетом и шипением. Сердитый голос.

Роуз повернулась и побежала. Камни больно впивались в босые ноги. Оборачиваться страшно, но преследующий шелест крыльев все ближе.

С бешено стучащим сердцем Роуз наконец забежала в дом, хлопнула дверью и тут же заперла ее.

– Роуз, – позвала мама сверху. – Это ты?

– Да, – ответила Роуз, радуясь тому, что она дома, что она жива, и пусть мама опять застала ее посреди ночи.

– Ты что тут делаешь? – Мама вышла к лестнице, завязывая халат.

Рассказать ей все? Мама ни за что не поверит. Роуз и сама не верила собственным глазам.

– Ничего, – сказала она, стараясь успокоить дыхание. – Не могла заснуть. Спустилась попить.

– Ладно, но потом сразу в кровать. Уже поздно.

– Хорошо, мама.

На кухне Роуз включила свет и вытащила из шкафчика самый большой

нож. Не выпуская его из рук, налила себе сока и села за стол. Через десять минут она услышала, как Сильви дергает запертую входную дверь. Затем дверь открылась – судя по всему, сестра достала ключ из-под коврика. Роуз зажала нож в руке, готовая увидеть Сильви в облике крылатого чудовища, которое прыгнет на нее, щелкая челюстями. Тогда Роуз всадит нож ей в самое сердце. Хотя вдруг у этого существа нет сердца? У насекомых ведь желтая кровь.

Однако Сильви едва слышно поднялась по лестнице и пошла в спальню.

Опасность миновала. На данный момент.

Размышляя, Роуз просидела за кухонным столом всю ночь. Мысли разбегались, и все же главное ясно. Во-первых, ее сестра – чудовище. А во-вторых, Сильви знает, что Роуз видела ее, поэтому теперь ей грозит еще бóльшая опасность.

2013

Джейсон

Джейсон почувал неприятности, едва зайдя в спальню. Он ужасно устал и хотел лишь одного – раздеться, принять душ, затем открыть пивка и бездумно впихнуть в себя острое варево, которое томилось у Пайпер на плите.

Пайпер сидела в углу в кресле-качалке и листала журнала.

– Я вас оставлю, – сказала она и поспешила выйти из комнаты, не встречаясь с ним взглядом.

Марго полулежала в кровати, натянув одеяло по шею. Лицо покрылось красными пятнами и опухло.

Внутри у Джейсона все сжалось от тревоги. Что-то не так с ребенком? Тогда почему они ему не позвонили?

– Марго, в чем дело?

Джейсон протянул к ней руку, но она отпрянула.

– Что у тебя было с Эми?

Джейсон резко вдохнул.

– У меня с Эми? Ты о чем?

– Ты был у нее на прошлой неделе. Ездил к ней домой.

Черт. Откуда она узнала?

– Что ты там делал?

– Я... – Как же выкрутиться, какие слова подобрать? – Кто тебе это сказал?

– Пайпер ходила к Лу. Девочка рассказала, что видела тебя у них дома на прошлой неделе, когда вернулась из школы. Вот я и спрашиваю, Джейсон, что ты там делал?

Девочка. Ну конечно.

Только за каким чертом Пайпер к ней ходила?.. Джейсон сделал глубокий вдох. Глядя на Марго, он вспомнил, как она отдернулась от его прикосновения. С каждой секундой она все сильнее вжималась в подушки, чтобы между ней и мужем было как можно больше пространства.

«Скажи ей правду, – подсказывал внутренний голос. – Расскажи ей все».

Ну, может, не совсем все.

– Ничего такого, правда. Эми позвонила в участок, она была расстроена. Попросила заглянуть к ней, хотела о чем-то поговорить.

– О чем? – спросила Марго.

– В основном о ее маме, – ответил Джейсон. – Ты ведь знаешь, что она отправила Роуз в дом престарелых? Роуз начала забываться, говорила странные вещи, и Эми это очень напугало.

Марго внимательно смотрела на Джейсона.

– И она позвонила тебе?

– Поверь, я сам не ожидал. Решил, она случайно попала на меня. Эми нужен был объективный взгляд. Взгляд со стороны.

– И в который раз? Она и раньше звонила тебе и звала поговорить? Нуждалась во *взгляде со стороны*?

Джейсон покачал головой:

– Нет, это первый раз. Честное слово.

– Так почему? Почему она позвонила тебе?

– Понятия не имею, – произнес Джейсон и потер лицо рукой.

– И она говорила только о своей матери?

– В основном да.

– О чем именно? Что ее так расстроило?

– Как я и сказал, ее мать бредила. Несла всякую чушь.

Марго не отводила от Джейсона напряженного взгляда.

– Например? – спросила она, сжимая одеяло.

Теперь уже незачем врать. Неизвестно, что именно девочка рассказала Пайпер и много ли она услышала тогда из его беседы с Эми.

– В общем, Роуз считала, что в мотеле живут чудовища. – Джейсон нервно усмехнулся. – И она пыталась убедить в этом Эми.

– Чудовища? – переспросила Марго.

– Понимаю, полный бред. Бедняга Роуз слегка тронулась. Видимо, многолетние запои дали о себе знать.

Джейсон переминался с ноги на ногу, а Марго уже сидела на самом краю кровати. Оба молчали.

– Почему ты мне не сказал? – наконец спросила Марго.

– Не хотел тебя расстраивать.

Она усмехнулась:

– Расстраивать? Меня бы не расстроило то, что ты поехал повидаться с давней подругой, пусть даже она когда-то была твоей девушкой. Не расстроило бы, расскажи ты мне об этом. Но ты соврал, скрыл все от меня... И как прикажешь реагировать?

– Я никогда не врал тебе, я...

Марго покачала головой:

– Иногда ложь – это не то, что сказано, а то, что скрыто.

– А как насчет того, что скрываешь ты? – не подумав, выпалил

Джейсон.

– Я никогда ничего от тебя не скрывала! – бросила в ответ Марго.

Джейсон сделал вдох.

– Ты сказала, что тебе ничего не известно о «29 номерах», – проговорил он, изо всех сил сохраняя спокойствие.

На сердитом лице Марго появилось выражение вины. Она отвела глаза.

– Получается, ты все-таки кое-что скрывала от меня, – тихо продолжил Джейсон. – Кое-что важное. Причем давно. Я не идиот, Марго. Я знаю, что тем летом Пайпер и Эми что-то задумали – не знаю, что именно, но это разрушило вашу дружбу. Вы считали меня лишним тогда и, видимо, считаете так до сих пор.

Джейсон ждал, что Марго наконец все ему расскажет, доверится мужу, но она молчала, поджав губы.

1989

Пайпер

– Клянусь, – сказала Эми, вставляя универсальный ключ в замок третьего номера. – Это было самое настоящее привидение.

Они собирались прочесать все номера мотеля в поисках улик, которые могли бы подсказать, что именно произошло с Сильви. Пайпер сомневалась, что они что-нибудь найдут, хотя, надо признать, не ожидала, что под полом башни может оказаться старый чемодан тети Сильви.

– Привидений не существует, – будничным тоном промолвила Марго, зайдя в давно заброшенный номер мотеля. Как и в первых двух номерах, здесь не нашлось ничего необычного. Та же самая кровать с жутким разноцветным одеялом, кое-где изжеванным мышами, потолок обсыпался, на потускневшем бирюзовом ковре пятна от воды с протекшей крыши, повсюду пыль. На полу рядом с письменным столом – огромный прожженный след в форме утюга.

Пайпер заглянула под кровать, Марго зашла в ванную и отдернула гниющую шторку.

С самой их встречи утром Эми твердила, что ночью ее посетило некое неземное существо.

– Клянусь вам. Это был не сон. Я проснулась, а оно стояло... там... у изножья кровати.

– И как оно, говоришь, выглядело? – спросила Марго. – Как собака с человеческим лицом или человек с собачьей мордой?

Эми выдвинула ящик комода, достала отсыревшую Библию.

– Я не вру! Ты ведь веришь мне, Пайпер?

Пайпер кивнула.

– Конечно. Я верю, что ты *что-то* видела. Или что тебе показалось.

Эми покачала головой и швырнула старую Библию обратно в ящик.

– Мне не *показалось*. Я открыла глаза, а оно вроде как парило над полом и наблюдало за мной в темноте. Я разглядела бледное лицо, а потом существо вдруг все покрылось шерстью, возникла собачья морда, и оно – пуф! – исчезло.

– Может, ты просто думала, что проснулась, а на самом деле еще спала? – предположила Пайпер. – Со мной такое бывало...

– Я точно не спала. Это был не сон!

– Или это приходил снежный человек, – сказала Марго.

Эми раздраженно выдохнула, и ее розовые прядки разлетелись в

стороны.

– Можно немного посерьезнее? Какой на фиг снежный человек?

– Ладно. Значит, мохнатый призрак с бледным лицом, который исчез, как только ты включила свет? – спросила Марго.

– Боже, вы просто невыносимы!.. Проехали. Если оно вернется, я добуду доказательства. Положу фотоаппарат у кровати, – вздохнула Эми. – Идем отсюда, тут ничего нет.

– Три готово, осталось двадцать пять, – посчитала Пайпер. Они закрыли за собой дверь и пошли в четвертый номер.

– Здесь замок сломан. – Эми засунула ключ в карман и толкнула дверь, но замерла, едва зайдя в комнату. – Чувствуете?

– Сигареты, – сказала Пайпер. В других номерах витал едва уловимый запах табака, здесь он был более отчетливым.

Но это не все. Комната казалась... *обжитой*.

Эми кивком показала на окно. На подоконнике стояла пепельница с окурком.

– Сюда кто-то приходил. Это явно не окурочек двадцатилетней давности.

– Может, твоя бабушка? – неуверенно сказала Марго.

Эми покачала головой:

– Не. С чего бы она сюда потащилась? К тому же она курит тонкие «Вирджиния слимс».

Пайпер опустилась на пол и заглянула под кровать.

– Эй, девчонки, тут кое-что есть. Много чего.

Эми протиснулась мимо нее и вытащила из-под кровати тяжеленный бинокль. Затем красный пластиковый фонарик. Включила – работает. Двухлитровая бутылка из-под колы с водой. Небольшой бумажный пакет, в каких школьники носят с собой в школу перекус.

– Какого хрена? – Эми вытряхнула содержимое пакета на кровать. Ключ-отмычка на массивном кольце, солнечные очки, серебряная сережка, канцелярские принадлежности с логотипом мотеля «Тауэр», старая стеклянная бутылка из-под газировки и коробок спичек.

– Что это такое? – наклонилась поближе Марго.

Эми взяла сережку.

– Это мое. И очки тоже.

– Жуть, – сказала Марго.

– Еще какая, – согласилась Пайпер. – Может, твой преследователь наблюдает отсюда за домом? Иначе зачем держать здесь бинокль? Больше смотреть не на что.

– Вдруг это йети! – воскликнула Марго. – Тот собачеловек. Живет

тут и следит за тобой.

– Надо рассказать твоей бабушке, – сказала Пайпер.

– Ни в коем случае! Она позвонит в полицию, и нагрянут копы.

Пайпер едва не ляпнула, что в этом нет ничего плохого, но не хотела, чтобы ее сочли нытиком.

– Давайте положим все обратно, – предложила Эми, – и будем присматривать за этим номером. Заходить несколько раз в день. Глядишь, и застукаем нашего курильщика.

Пайпер кивнула, хотя эта идея была ей не по душе. Вряд ли курильщик будет в восторге от того, что его поймали какие-то девчонки.

А если призрак и правда существует? Вдруг он обитает здесь и прокрадывается в спальню Эми, чтобы следить за ней по ночам?

Джейсон

Джейсон понимал, что путь в четвертый номер теперь закрыт. За ним следили девчонки. Может, даже устроили какую-нибудь ловушку. Прячась у края леса, Джейсон наблюдал, как они, один за другим, прочесывают все двадцать восемь номеров.

Что же они ищут?

Из последнего номера стайка подружек вышли усталыми. Скоро ужинать.

Девочки переругивались, Марго говорила что-то про снежного человека. Эми все твердила о каком-то призраке. Ее слова Джейсон разобрал четко. «Если оно снова придет этой ночью, я сделаю фотографию».

Марго и Пайпер пошли домой по тропинке через лес. Джейсон на всякий случай выждал пять минут, а затем и сам потопал по той же дороге вдоль лугов семьи Слейтер.

– Это ты, Джей-Джей? – раздался голос Эми издалека, от самого мотеля.

Джейсон обернулся. Эми стояла у бассейна и смотрела в бинокль, найденный в четвертом номере. Смотрела прямо на Джейсона в его бинокль.

Он неуверенно помахал.

– Что ты делаешь? – спросила Эми.

– Гуляю.

– Ну конечно!

– Мне пора домой. Опаздываю к ужину.

– Приходи завтра. Как можно раньше. Хочу кое о чем тебя спросить.

Джейсон кивнул.

– Завтра утром буду! – крикнул он.

* * *

На следующий день Джейсон проснулся рано. Глотнул немного апельсинового сока, съел миску хлопьев с изюмом и побежал в мотель. Он ждал Эми у бассейна. Она вышла из дома и направилась к Джейсону по треснутому бетонному покрытию. На шее висел бинокль на толстом

кожаном ремешке. В руке у Эми был квадратный листок плотной бумаги.

– Посмотри. Что скажешь, мистер Всезнайка?

Она бросила ему листок – полароидный снимок.

– Что ты видишь? – спросила Эми.

Джейсон внимательно смотрел на фото. Тест Роршаха, что ли?

– Все как-то смазано...

– Неужели не видишь?

Джейсон явно не прошел проверку.

– Э-э, а что я должен увидеть? – Снимок был темный и зернистый, с каким-то белесым пятном слева.

– Привидение! – Эми выхватила снимок и ткнула пальцем в размытое пятно. – Я сфоткала его вчера у себя в комнате. В нашем доме, а может, и во всем мотеле водятся призраки! Вот о чем я хотела тебя спросить. Ты вроде видел, как кто-то заходил в башню. Кто-то в голубом платье, так ведь?

– Так, – кивнул Джейсон.

– Но когда ты зашел внутрь, там никого не было... Думаю, в башне обитает призрак, и ты его видел. Теперь его видела и я. И по-моему, я знаю, кто это.

– И кто же?

Эми раздраженно скривилась.

– Я пока не могу сказать! Пайпер и Марго мне не верят, но они-то его не видели. В отличие от нас с тобой.

– Я...

– Прошу, скажи, что ты веришь мне, Джей-Джей. Прошу, прошу, прошу тебя. Скажи, что, возможно, в башне ты видел привидение.

Джейсон задумался. Он не верил в призраков, и на снимке могло быть что угодно, но Эми практически умоляла его.

– Конечно, – кивнул он. – Думаю, это могло быть привидение.

– Я так и знала! – воскликнула Эми. – Я знала, что ты поверишь мне, когда все остальные будут сомневаться. – Она набросилась на Джейсона с объятиями, едва не сбив с ног, и потянула к себе, все ближе и ближе, пока не коснулась его губ своими губами.

В этот момент Джейсон всем сердцем поверил в то, что в мотеле «Тауэр» обитает призрак.

Пайпер

С наблюдательного пункта Пайпер на небольшом холме за лесом было отлично видно, как Эми целует Джейсона Хока. Марго стояла позади сестры и не успела ничего заметить.

– Марго, иди-ка разведай, что там с трейлером, – вкрадчиво сказала Пайпер. – Посмотри, есть ли вход, но без нас не заходи.

Как только сестра убежала, Пайпер вышла к бассейну. На шее у Эми висел бинокль. Видимо, тот самый, что вчера нашли в четвертом номере. Пайпер сердито смотрела на подругу, ведь они договорились положить все обратно.

– О, привет, Пайпер, – сказала Эми, заметив ее.

Ее голос звучал беззаботно и жизнерадостно, будто ничего такого не произошло. Будто целовать Джейсона в бассейне – это в порядке вещей. Джейсон робко улыбался.

– А он что тут делает? – спросила Пайпер.

– Пришел кое о чем поговорить, – ответила Эми. – И уже уходит, правда, Джей-Джей?

Джейсон смутился и даже, похоже, обиделся.

– Что? Я...

– До встречи. У нас с Пайпер и Марго есть планы на сегодня.

Эми держала в руке что-то плоское и квадратное. Полароидный снимок.

Джейсон вылез из бассейна по лестнице и, обернувшись, спросил у нее:

– Может, я загляну попозже?

Поймав взгляд подруги, Эми театрально закатила глаза, словно говоря: «Ну что ты будешь делать!»

Пайпер не понимала, что делать. А еще не понимала, как можно его целовать.

– Я буду занята весь день, – сказала Эми. – В другой раз, обещаю.

Джейсон кивнул и с мрачным видом ушел.

– Это что еще такое было? – спросила Пайпер дрожащим голосом.

– Ничего. Ничего особенного.

– Не похоже.

– Но так и есть.

– Зачем ты опять с ним целовалась?

– Господи, ты что, моя мама? Или из полиции поцелуев?
– Нет, я...
– Смотри-ка. – Эми протянула ей снимок. – Что ты видишь?
Рассмотреть что-то на смазанной фотографии было трудно.
– Похоже на какую-то бабочку.
Эми покачала головой.
– Ко мне снова приходил призрак, и я его сфотографировала. Это доказательство!
Пайпер внимательно пригляделась.
– И не поймешь, что там...
– Джейсон подтвердил. Он мне верит! – выкрикнула Эми.
Пайпер шумно сглотнула. Так вот как теперь все будет.
– Надо догнать Марго, ведь не вытерпит и полезет в старый трейлер одна, – сказала Пайпер. – А в этой развалине наверняка очень опасно.

* * *

Шины были спущены, вокруг все заросло высокой травой. Видимо, когда-то трейлер покрасили в белый и бирюзовый цвета, однако краска потускнела, а кое-где и облезла, обнажив ржавый металл. Грязные окна были все в трещинах, на входной двери висел массивный замок.

– Внутрь не попасть. – Марго сидела на бетонных ступеньках, ведущих к двери. – Куда делся Джейсон?

– Пошел домой, – отрезала Пайпер. – Значит, ты не заходила в трейлер? – спросила она у сестры, кивком показывая на запертый вход.

– Не-а. Вокруг один хлам, а ключей нет. Хотя можно разбить вон то окно, оно и так все потрескалось.

– А старый ключ из четвертого номера не подойдет?

– Нет, – ответила Эми. – Ключ-отмычка не откроет такой замок.

Эми подобрала камень и добила окно, аккуратно сталкивая зазубренные осколки по краям. Затем придвинула старый ржавый шезлонг и залезла внутрь.

– Осторожнее там, – повысила голос Пайпер.

– Офигеть! – крикнула Эми. – Ну и дыра.

Пайпер встала на шезлонг и заглянула в трейлер. На полу валялись осколки стекла, а Эми копалась в шкафчиках на крошечной кухне.

– Я тоже хочу посмотреть, – заворчала Марго.

– Слишком опасно, – сказала Пайпер младшей сестре. – Там повсюду

битое стекло и полы гнилые. – Она показала на свою ногу. – Ты же не хочешь пораниться? К тому же кто-то должен стоять на шухере. Если попадемся, бабушка Шарлотта нам устроит.

Бабушка уехала в магазин. Время у них есть, но мало ли что.

Пайпер подтянулась и тоже пролезла в окно. Под ногами захрустело стекло. Голень болела. Утром рана от щепки была красной, опухшей и горячей на ощупь.

– На вид не очень, – еще дома прокомментировала Марго. – Может, сказать маме?

– Не вздумай, – ответила Пайпер невероятно серьезным тоном старшей сестры.

Она снова намазала больное место бацитрацином, заклеила пластырем и, несмотря на жару, надела джинсы.

В трейлере пахло плесенью. Стены и потолок были из тонкой фанеры, которая местами уже отвалилась. Несколько поколений мышей и белок проели бирюзовые подушки на скамейках у стола.

– Гляди, – сказала Эми. – Все на месте.

В шкафчиках было полно кружек, тарелок, мисок, котелков и кастрюль. Остались даже нераспечатанные фасоль, кукуруза в соусе и томатный суп – вздувшиеся консервные банки, настоящий рассадник бактерий.

В другом конце трейлера расположилась небольшая спальня. Над кроватью висел старый постер «Психо», того самого фильма Альфреда Хичкока, о котором говорила Эми. Пайпер заглянула в маленький шкаф – на вешалках рубашки, пальто, на полке стопка джинсов, на полу сапоги и ботинки.

– Так что это за Фентон такой? – спросила Пайпер.

– Бабушка выложила мне всю подноготную. Он был четвероюродным братом моего дедушки или типа того. Его мама и папа погибли, когда Фентон был совсем маленьким, и родители дедушки вроде как взяли его к себе. Когда дедушка ушел воевать, Фентон остался работать на ферме. Потом, когда на этом месте появился мотель, он стал помогать со стройкой и ремонтом – такой вот мастер на все руки. Однако после появления новой трассы все пошло прахом. Однажды Фентон взял и уехал куда-то на запад. – Эми пожала плечами. – По крайней мере, так говорит бабушка, но ты же знаешь, она часто путает. – Покопавшись в шкафу, Эми спросила: – Только почему Фентон оставил тут все свои вещи?

– Может, уезжал в спешке? – предположила Пайпер. – Вдруг он попал в неприятности и ему пришлось срочно сматываться?

На столешницах, на полу у кровати, на подоконниках – повсюду были книги и журналы. «Странные рассказы», «Фантастические приключения», «Невероятная научная фантастика».

– Если он хотел начать новую жизнь на западе, то обязательно хоть что-нибудь взял бы с собой и навел тут порядок перед отъездом. – Эми вернулась на кухню и заглянула в раковину. – Черт, он даже посуду не помыл. Тут две грязные чашки.

Эми взяла книгу со столешницы: на обложке полуобнаженная девица на фоне космического корабля.

– Похоже, этот тип только фантастику и читал.

На кухонном столе лежала еще одна книжка – «Тигр! Тигр!». Пайпер открыла заложенную фирменным листком бумаги страницу. На листке с логотипом мотеля было аккуратно напечатано: «Я знаю, что ты такое, знаю, что ты проделываешь. Хватит. Если не прекратишь, я сама тебя остановлю».

– Смотри-ка. – Пайпер передала записку Эми.

– Ничего себе!

– Эй! – крикнула Марго в окошко на другой стороне трейлера. – Вылезайте, едет какая-то машина!

Эми положила листок бумаги обратно в старую книжку, засунула все это за пояс шортов, а сверху прикрыла футболкой. Она вылезла первой, Пайпер за ней.

– Кажется, твоя бабушка вернулась, – тихо сказала Марго.

– Идем домой, ко мне в комнату, – предложила Эми.

* * *

Когда они подошли к дому, бабушка выгружала из машины пакеты с продуктами.

– Не поможете мне, девчата? – попросила она.

Девочки взяли по пакету и отнесли на кухню.

– Бабушка, а Фентон уехал до ухода Сильви или после? – спросила Эми.

– Незадолго до нее. Я всегда говорила твоему дедушке, что это, скорее всего, и толкнуло Сильви на побег. Она решила, что сбежать из дома посреди ночи – вполне естественно.

– А что стало с Фентоном? Он не объявлялся?

– С Фентоном? От него больше вестей не было, – сказала бабушка

Шарлотта, убирая молоко в холодильник. – Девочки, ступайте наверх. Я тут все приберу, а потом сделаем печенье. Я купила готовое тесто, надо просто поставить в духовку.

– Конечно, бабушка, отличная идея, – ответила Эми. – Вот еще что... – Она достала из заднего кармана полароидный снимок.

«О, нет, – подумала Пайпер. – Только не этот дурацкий призрак с собачьей мордой».

– Что ты видишь?

Бабушка Шарлотта очень долго смотрела на смазанную фотографию, а потом ответила стихотворением:

Однажды Смерть постучится к тебе,
Ты узнаешь лицо, вы встречались.
Ты видел ее в том кошмарном сне,
И ступени заскрежетали.

Зеркало в руки берешь и уже
Тверд в своем убежденье:
Смерть – это ты, а ты – это смерть,
Нужны ли еще подтверждения?

– Жуть какая, ба! – Эми глянула на Пайпер и Марго и закатила глаза, словно говоря: «Во дает».

С рассеянной улыбкой бабушка Шарлотта вернулась к продуктам.

– Иди наверх, Сильви. Я позову тебя к печенье.

Эми кивнула и вышла из кухни, Пайпер и Марго за ней.

– Вот *это* было странно, – едва слышно сказала Марго, когда они дошли до лестницы.

– Да, бабушка знает кучу странных стишков и песенок. Вам все это не кажется немного подозрительным? – прошептала Эми.

– Стихотворение? – спросила Пайпер.

– Да ну тебя с твоим стихотворением, я про Фентона! Он, значит, уезжает в такой спешке, что оставляет тут весь свой хлам, а Сильви отчаливает прямо за ним – и больше от них ни слуху ни духу?

– Странновато, – согласилась Пайпер.

– И что это значит? – сказала Марго.

– Понятия не имею, – ответила Эми. – Еще один кусочек головоломки.

Они поднялись в комнату, Эми закрыла дверь на замок, затем подошла

к письменному столу и вытащила из-под футболки книжку Фентона. И застыла, глянув на пишущую машинку.

– Какого черта? – прошептала Эми.

В старую «Роял-делюкс» была заправлена бумага с логотипом мотеля «Тауэр», на которой кто-то напечатал:

Вы нашли чемодан и пишущую машинку, но это еще не самое главное.

Продолжайте искать, и тогда, возможно, вы узнаете правду.

– Что это такое? – спросила Пайпер.

Эми округлила глаза.

– До тебя не доходит? Это письмо от Сильви. От призрака Сильви!

– Постой, так Сильви умерла? – удивилась Марго.

– Не сомневаюсь, – ответила Эми. – Это ее дух приходил ко мне. Джейсон тоже видел ее в башне, помните? В башню зашел кто-то в голубом платье, но оттуда не выходил! И будь Сильви жива, почему ее чемодан остался бы здесь? Почему она сбежала без вещей? – Эми выдержала напряженную паузу. – Думаю, она *запланировала* побег, а кто-то ей помешал!

– Кто же? – спросила Пайпер.

– Не представляю. – Глаза Эми блестели от волнения. – Но она явно хочет, чтобы мы все узнали.

1961

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния

18 сентября 1961

Уважаемый мистер Хичкок,
я уже чувствую себя актрисой. Играю разные роли для
разных людей. Иногда я почти забываю, кто я на самом деле.
Вы меня понимаете?

Бывает, я так увлекаюсь притворством, что теряю себя
настоящую – ни с кем из ваших великих звезд такого не
происходило? Вряд ли Джанет Ли или Джеймс Стюарт могли так
забыться. Хотя, возможно, я и не права.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Роуз проснулась от выстрела. Она прекрасно знала этот звук – папино ружье. Папа учил их с Сильви стрелять по старым жестяным банкам на заборе за трейлером Фентона.

Она выскочила из кровати, глянула на часы – опять проспала. Постель Сильви была аккуратно заправлена.

Мама и Сильви сидели на кухне перед тарелками с горячей кашей. Сильви заметила Роуз и обеспокоенно глянула на маму. Мама поджала губы.

– Я слышала выстрел, – сказала Роуз.

Мама кивнула, глядя на кашу.

– В чем дело? – спросила Роуз с тяжелым сердцем.

Мама выпрямила спину.

– Милая, Люси стало хуже. Сегодня она даже не смогла встать.

– Нет!

Папа не мог... не мог застрелить Люси, не дав Роуз попрощаться.

– Ей было очень больно.

– Нет! – снова крикнула Роуз и побежала во двор. Халат развевался на ветру. Фентон и папа шли в сторону дома. У папы в руках было ружье.

– Папа!! – завопила Роуз.

– Роуз, животное мучилось, – объяснил папа.

– Надо было вызвать ветеринара! Надо было разбудить меня!

Я бы ее вылечила. Я заставила бы ее встать и поесть.

Папа покачал головой:

– Ни ты, ни лучший ветеринар во всем мире ничем бы не помогли старой корове, Роуз. Ее время пришло.

– Так не честно. Не тебе решать!

– Это был самый милосердный...

– Ты убийца, – перебила его Роуз.

Папа с грустью посмотрел на нее и произнес:

– Прости.

Затем прошел мимо Роуз и направился в дом.

– Я тебя ненавижу! – крикнула она вслед. – Я ненавижу всю эту семейку!

Папа даже не остановился.

Роуз побежала к загону Люси, но Фентон ее перехватил.

– Не надо. Лучше не смотреть.

Роуз вырвалась и помчала через двор.

Вот она, ее чудесная корова, с маленькой круглой дыркой от пули прямо посреди лба. Роуз открыла воротца, легла рядом с Люси и, прижавшись лицом к ее все еще теплому телу, заплакала.

Сколько она проплакала – несколько часов, а может, и дней? На них с Люси садились мухи; Роуз отгоняла их и стирала кровь со лба коровы рукавом халата.

Она потеряла единственного друга.

– Прости, девочка моя, – рыдала Роуз. – Мне очень, очень жаль.

– Она прожила хорошую жизнь, – сказал Фентон.

Роуз обернулась. Фентон стоял прямо за ней у забора. Он что, все время был тут?

– Другую корову давно бы уже пустили на гамбургеры, но твой папа любил Люси. Не представляешь, как трудно ему пришлось. Кстати, знаешь, что он придумал? Выкопать огромную яму на поле за домом и устроить настоящие похороны.

По-прежнему прижимаясь к теплой груди коровы, Роуз провела рукой по ее ребрам, лопаткам, по выпирающему позвоночнику.

– Меня не было рядом, – сказала Роуз. – Я даже не попрощалась с ней.

– Папа не хотел расстраивать тебя, вот и все. Для него ты все еще маленькая хрупкая девочка. А ты сильнее, чем ему кажется.

Роуз подняла голову и кивнула.

– И умнее, – добавил Фентон. – Твой папа, да и мама тоже, они оба тебя недооценивают.

Роуз удивленно подумала: «Вот именно». Хоть кто-то все понимает.

– Спасибо, – сказала она.

– На самом деле ты наверняка знаешь куда больше, чем кто-либо другой. Знаешь такое, что может поразить остальных.

Роуз снова кивнула. Он и не представляет!.. Чтобы оправдать слова Фентона, Роуз сказала:

– Я знаю про папу.

– А что папа?

– Он встречается с другой женщиной. Ее зовут Вивьен.

– Ого, ты и это знаешь? – удивился Фентон. – Что ж, родителям лучше не говори.

– Мама и так в курсе, – сказала Роуз.

– Ну, в любом случае, не стоит ей об этом напоминать, хорошо?

Роуз согласилась. Она почувствовала себя невероятно

могущественной. Хранительницей взрослых секретов.

– Слушай, раз уж ты пропустила школьный автобус, может, заглянешь ко мне в трейлер на какао? – предложил Фентон. – А потом я подброшу тебя до школы. Ну как?

Роуз вытерла слезы с лица.

– Ладно.

Едва волоча ноги, она пошла за Фентоном к его бело-синему трейлеру – сначала мимо бассейна (спущен на зиму), затем по траве.

– Садись, – сказал Фентон, едва они зашли. Роуз устроилась за столиком на маленькой, но удобной кухне, а Фентон согрел молоко, добавил в него какао-порошок и сахар.

Ложка звякала о край кастрюли. Фентон сегодня какой-то странный. Как будто не в своей тарелке. Нервничает. Не смотрит в глаза. Наверное, ему тоже грустно из-за Люси. Мужчинам трудно выражать эмоции – она читала про это в одном журнале у Сильви.

Фентон стоял у плиты, Роуз осматривалась – оба молчали. В трейлере было чисто, хотя книжки, инструменты и детали мотоцикла загромождали все свободное место. Несмотря на их хаотичное расположение, Фентон всегда знал, где что лежит.

– Читаешь? – спросила Роуз, взяв лежавшую перед ней книгу. Фентон положил в нее салфетку вместо закладки.

Книга называлась «Тигр! Тигр!».

– Да, – ответил Фентон.

– Хорошая?

– Ага. Про телепортацию. Довольно интересная.

– Вот бы уметь телепортироваться, – протянула Роуз.

– И куда бы ты отправилась? – с улыбкой спросил Фентон.

– Куда угодно. Лишь бы подальше отсюда.

– Понимаю. – Фентон достал две кружки и аккуратно разлил по ним какао, затем протянул одну кружку Роуз, и та обхватила ее ладонями, согревая пальцы.

– Правда?

– Конечно. Особенно сейчас, когда дела идут не очень. И в мотеле, и во всем городе. Вот и думаешь, не лучше бы нам всем было оказаться в каком-нибудь другом месте.

Роуз кивнула и сделала глоток какао.

– Сильви хочет поехать в Голливуд, – сказала Роуз. Сестра обклеила свою половину комнаты вырезками со звездами кино. Над кроватью висел рисунок Фентона – знаменитые белые буквы «HOLLYWOOD» на

Голливудских холмах.

– Знаю, и она обязательно уедет, я не сомневаюсь.

Фентон постучал пальцами по столу, сдвинул кружку в сторону и полез в карман рубашки за сигаретами. Вытряхнул одну из пачки и закурил.

– Роуз, – сказал он, глядя на нее сквозь дым. – Я хочу кое о чем с тобой поговорить.

Голос – серьезнее некуда. О чем поговорить, о Люси? О том, как странно Роуз себя вела в последнее время? Может, он отчитает ее за испорченный торт Сильви? – остальные уже высказались. Или дело в папе и Вивьен? Брак родителей рушится, как и все вокруг?

Что бы он там ни собирался сказать, Роуз не желала это слышать. Вот бы, как в детстве, заткнуть уши и громко запеть песенку. Только она уже не маленькая девочка.

– О чем? – От сладкого какао вдруг заломило зубы.

Фентон затянулся и выпустил облачко серо-синего дыма.

– О том, что ты видела прошлой ночью.

Слова обрушились на Роуз, выбив из нее весь дух.

– Что я... видела? – запинаясь, повторила она.

Фентон кивнул, глядя ей прямо в глаза.

– В башне. Когда следила за сестрой.

– Не понимаю... – Роуз встала из-за стола, колени подкашивались.

– Не морочь мне голову, – сказал Фентон, подходя ближе. – Все очень серьезно. Знаешь, что может случиться, если кто-то узнает?

– Узнает что? – прохрипела Роуз. Она отступила назад, нащупывая дверь и думая о Сильви, которая превращалась в жуткое чудовище с лапами и крыльями.

Так что же случится, если кто-то узнает?

И откуда об этом известно Фентону? Или он такой же монстр, как Сильви?

– Пообещай, что никому не скажешь. Если ты... – В тусклом свете трейлера его глаза вдруг сверкнули яростным огоньком.

– Мне пора идти. – Роуз распахнула дверь, выскочила на улицу и пустилась бежать по полю.

– Стой! – крикнул Фентон. – Я ведь собирался отвезти тебя в школу!

Роуз не откликнулась. Она забежала в дом и промчалась вверх по лестнице мимо мамы, которая мыла посуду на кухне, зашла в свою комнату и заперла дверь.

Фентон все знал. Знал и защищал Сильви. Неужели она и его

превратила в чудовище? Мало ли на что способны оборотни. Она ни о чем таком не говорила, но Роуз тогда и не представляла, что надо было слушать как можно внимательнее.

На что готов пойти Фентон, чтобы сохранить тайну Сильви?

Роуз упала на кровать. Надо подумать. Она накрылась одеялом с головой и крепко зажмурила глаза, чтобы стало темно.

Наконец она поняла, как поступить.

Роуз встала и подошла к столу Сильви, осторожно заправила в пишущую машинку чистый лист белой бумаги с логотипом мотеля и начала печатать.

Я знаю, что ты такое, знаю, что ты проделываешь. Хватит. Если не прекратишь, я сама остановлю тебя.

Роуз оставила записку в пишущей машинке, умылась, оделась и попросила маму отвезти ее в школу.

Роуз

Придя домой из школы, Роуз, чтобы не столкнуться с Сильви или Фентоном, держалась рядом с мамой и выполняла одно ее поручение за другим: складывала постиранное белье, крахмалила папины рубашки, вытирала пыль в гостиной.

За обедом папа попросил Фентона починить лампочки в вывеске мотеля у дороги.

– С одной стороны все перегорели. Если ехать из города, вывеску совсем не видно.

– Да какая разница, – едва слышно пробормотала мама.

– В гараже есть запасные лампочки, – сказал Фентон. – После обеда займусь.

Поев, папа отправился в город, а мама пошла в комнату для шитья. Сильви предложила помочь Фентону с вывеской. Роуз прошмыгнула к себе и начала читать книгу, которую задали в школе – «Маленькие женщины». Сосредоточиться не удавалось, веки слипались, слова плыли перед глазами. Роуз так и уснула, одетая, не выключив лампу.

Ее разбудил приход Сильви. На часах почти полночь.

– Ты где была? – прошептала Роуз, разглядывая сестру.

– Гуляла.

– С Фентоном?

Сильви молча выключила свет, переоделась в ночную рубашку и залезла под одеяло. Роуз снова уснула – под тихий плач сестры, которая зарылась лицом в подушку.

* * *

– Милая, ты случайно не видела Фентона? – спросила мама, когда Роуз на следующий день пришла из школы. Сильви была на работе. Мама занималась мытьем посуды.

Роуз покачала головой.

– Последний раз – вчера за обедом, – ответила Роуз, взяв блестящее красное яблоко.

Мама закрыла кран и достала из шкафчика стеклянную форму для запеканки.

– Странно, он не пришел на работу в гараж. Его грузовик стоит у трейлера. Папа подготовил ему целый список дел, а Фентон словно испарился.

– Испарился, – повторила Роуз.

– Конечно, он давно хотел уехать. Даже сказал твоему отцу, что копит на автобусный билет в сторону запада. Но чтобы вот так, ни с кем не попрощавшись?.. Если честно, Роуз, я переживаю. Он тебе ничего такого не говорил? Или, может, Сильви что-то упоминала?

– Вроде нет. Хотя вчера утром, когда мы пили какао, он сказал, что хотел бы уехать.

Исчезнуть.

Подальше отсюда.

А еще Фентон хотел поговорить с Роуз о том, что она видела. О Сильви.

Прошлой ночью Сильви легла спать вся взъерошенная. Будто с кем-то боролась.

В голове у Роуз засела пугающая мысль.

– На ужин будет запеканка с тунцом, – сообщила мама. – Твоя любимая.

Вовсе нет. Это любимое блюдо Сильви.

Роуз встала из-за стола.

– Ты куда? – спросила мама.

– Займусь делами.

– Молодец.

* * *

Бросив несъеденное яблоко в поле, Роуз побежала к трейлеру Фентона. Дверь была открыта. Затаив дыхание Роуз вошла. Внутри все оставалось точно так же, как вчера, когда они пили какао. В раковине стояли немытые кружки, узкая кровать в крошечной спальне была аккуратно заправлена. На столе – гора книг в мягких обложках. Она быстро покопалась в шкафу. Если бы Фентон купил билет на автобус, то собрал бы сумку с вещами, а из трейлера, похоже, ничего не пропало. На проволочных вешалках по-прежнему висели рубашки, на полу стояли огромные мотоциклетные ботинки черного цвета, а их Фентон обязательно взял бы с собой. На крючке у двери висели ключи с брелоком из кроличьей лапки – подарок Сильви.

Что-то не так.

У Роуз заболела голова, по затылку поползли мурашки.

«Успокойся. Ищи подсказки».

Выйдя из трейлера, она прошла по полю, затем мимо бассейна и к подъездной дорожке. Вывеска горела с обеих сторон. Фентон поменял лампочки.

Роуз вернулась обратно на холм и заглянула в открытый дверной проем башни.

«Не ходи туда», – шептал внутренний голос. Волоски на руках встали дыбом. Роуз сделала глубокий вдох и зашла. Это ведь просто башня. Что может прятаться там среди бела дня?

Ты знаешь.

Ты знаешь, что там затаилось.

Но Сильви на работе, выдает сдачу за кассой «Вулвортс», улыбается покупателям и желает им приятного дня. Роуз ничего не угрожает.

Только она все равно ощущала опасность.

Каменные стены не пропускали солнечный свет, и в башне было очень холодно и сыро. Пахло гнилью.

Выбирайся отсюда. Уноси ноги.

Хрустнуло битое стекло, рассыпаясь в пыль. Лампочка: металлический цоколь с резьбой, нить накаливания и тысячи осколков стекла в каких-то темных брызгах. Кровь, поняла Роуз, коснувшись их. Подсохшая, но слегка липкая. К горлу подступила тошнота, по телу разлилась слабость.

Капли неровной линией вели к середине комнаты, к целой лужице крови размером с большое блюдо. Как много крови. Темной, густой, застывшей. Роуз сглотнула, сдерживая тошноту.

Это не просто порез от разбившейся лампочки.

Здесь произошло нечто ужасное.

Ты все понимаешь.

Тебе известно, чьих рук это дело.

Роуз усиленно думала, что же делать дальше, и левый висок пронзила острая боль.

«Беги!» – кричал внутренний голос. Надо рассказать маме. Рассказать ей все. Что Сильви оборотень и Роуз давно боялась, что сестра натворит нечто ужасное. Вместе они смогут остановить Сильви, чтобы она больше никому не навредила.

Столько крови. Мама обязательно ей поверит.

Роуз побежала домой и ворвалась на кухню, где мама резала лук.

– Мама! Скорее! В башне...

– Ну что еще? – раздраженно ответила мама.

– Прощу тебя, идем... – начала Роуз, но тут на кухню зашел папа, и она замолчала.

– Кларенс. – Мама со вздохом отложила в сторону нож. – Я только помыла полы, а ты опять в грязной обуви.

– У меня есть дело для Роуз. – Отец вдруг показался ей ужасно постаревшим. Лицо осунулось, в волосах блестела седина. Когда это произошло? Почему она раньше не замечала?

Лишь бы папа не услышал, как колотится ее сердце. Лишь бы не почувствовал от нее запах крови вместе с сыростью камней и известки. Вот бы рассказать им все, взять обоих родителей за руки и отвести в башню – пусть увидят осколки стекла и кровь. «Вы не представляете, кто наша Сильви на самом деле».

Нет, отец не поверит. Даже сейчас он смотрел на Роуз то ли с досадой, то ли с каким-то опасением. Смотрел на дочь, которая врет и портит праздничные торты. На девочку, которая вчера утром сказала, что ненавидит его.

Он вообще может решить, что кровь в башне – дело рук Роуз.

«Он так и подумает, – подтвердил внутренний голос. – Не будь идиоткой».

– Мне надо поговорить с мамой, – едва слышно произнесла Роуз тихим, как пересыхающий ручеек, голосом. – Показать ей кое-что.

– Это подождет, – уверенно сказал папа.

– Иди помоги папе. Потом поговорим.

– Но...

– Не спорь, – с серьезным видом перебил отец.

Роуз молча вышла за ним из дома, и они направились к небольшой мастерской.

Может, Фентон сейчас там. Может, папа нашел Фентона, напал на него, ранил, и теперь ему нужна помощь.

Тогда он поверит ей! Фентон все расскажет про Сильви, и они будут знать правду.

Однако в мастерской никого не было: лишь верстак, инструменты, шины и цепи для трактора.

На верстаке лежал большой деревянный крест, покрашенный в белый цвет.

– Сделай надпись – ее имя и какие-нибудь добрые слова. Я вырыл могилу за домом, на лугу. Красивое место. Копал весь день.

Папа оставил ее, и Роуз обмакнула кисточку в красную краску.

Красную, как кровь.

Надо поторапливаться. Рассказать маме про Фентона, пока Сильви не пришла с работы.

Однако Люси заслуживает большего, и спешить нельзя. Папа потратил весь день, копая могилу для коровы, может, даже пропустил обед.

Немного подумав, Роуз аккуратно вывела слова:

*Здесь покоится Люси,
любимая корова всего штата
Ты навеки в наших сердцах
Ты все изменила*

Роуз достала черную краску, чтобы добавить пятен на белый крест – как у голштинской породы, а на самом верху нарисовала пятнышко в форме штата Вермонт. Папе понравится.

Закончив, она быстро обмыла кисточки в растворителе и побежала домой к маме.

Сильви уже вернулась и накрывала на стол. На ней было голубое платье и ленты в волосах в тон. На их фоне глаза сестры приобретали цвет летнего неба.

«Только чудовище может быть таким прекрасным, – подумала Роуз. – Оно маскируется, усыпляя внимание окружающих».

– Мне надо кое-что тебе показать, – прошептала Роуз маме. Сильви сердито посмотрела на сестру. Кажется, у нее обеспокоенный вид. Неужели в курсе, что Роуз все узнала?

– Не сейчас, детка. Надо поставить запеканку в духовку. – Мама уже положила в блюдо лапшу и тунца, залила все сливками, а теперь резала сельдерей и грибы.

– Прошу тебя, – захныкала Роуз. – Это подождет.

– Я освобожусь через десять минут, – пообещала мама. – Иди к себе в комнату, я тебя потом позову.

Поднимаясь по лестнице, Роуз услышала, как Сильви спросила:

– Что это она опять?

Мама что-то ответила, но слов было не разобрать из-за стука ножа по деревянной доске.

Прошло полчаса. Роуз села за домашнюю работу, только вместо задач по математике перед глазами стояли брызги крови и осколки стекла на полу башни.

– Роуз? – позвала мама. – Что ты хотела мне показать?

– Пойдем, – вскочила Роуз. – Это в башне.

Уголки ее рта опустились. Мама напряженно вытерла руки о фартук и кивнула.

– Ладно, раз ты настаиваешь.

Роуз практически бежала, а мама медленно шла за ней. Мама никогда не спешила.

Спускались сумерки, сентябрьское небо потускнело. Листья клена во дворе мерцали ярким огнем.

– Помнишь рассказы Омы про оборотней? – спросила Роуз, подходя к башне. – Один из них здесь.

Она глянула на маму, ожидая ответа, но та промолчала.

– Оборотень здесь, в нашем мотеле. И он сотворил нечто ужасное.

У Роуз едва не закружилась голова от собственных слов. Мама наконец-то поверит ей, когда увидит кровь. Роуз расскажет ей всю правду о Сильви, и тогда мама обвинит ее и прошепчет: «Бедная моя девочка, ты столько всего пережила. А я тебе не верила. Прости меня».

Дойдя до нужного места, Роуз в смятении уставилась на пол. Ничего. Никакой крови и осколков стекла. Роуз удивленно моргнула, на глаза выступили слезы ярости. Неужели ей все почудилось? Роуз потрогала пол – немного мокрый и пахнет лимонным средством для мытья.

Нет! Нет, нет, нет!

– Здесь была кровь, – задыхаясь, выдавила Роуз. – И битое стекло! От лампочки.

Наверное, Фентон нес в руке лампочку, когда на него напала Сильви. Сильви в облике *оборотня*, в виде отвратительного создания с крыльями, когтистыми лапами и острыми зубами.

– Роуз, пожалуйста, ну хватит сочинять!

– Я не сочиняю, мама! Это Сильви! Ты не знаешь, кто она. Она уходит каждую ночь и...

– *Довольно!* – Мама потеряла терпение. – Нет никаких оборотней! Чтобы я больше об этом не слышала. Не вздумай ничего такого сказать отцу или кому-то еще. Если ты умная девочка, то выкинешь это все из головы. А теперь иди к себе, доделывай математику и ложись спать пораньше. Ясно?

Роуз так сильно прикусила язык, что на глаза навернулись слезы. Она кивнула. Да, ясно. Она теперь одна. Ей никто не поможет, даже мама.

По дороге к дому Роуз глянула на окна своей спальни: встревоженная Сильви смотрела на маму и сестру с мрачным видом.

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния

19 сентября 1961

Уважаемый мистер Хичкок!

Папе пришлось усыпить корову Люси. Мы с ней родились в один день. У Люси на боку было пятно – по форме в точности как штат Вермонт. Отовсюду приезжали люди, чтобы ее сфотографировать, и папа всегда говорил, что это пятно – знак удачи для нашей семьи. Тогда что значит ее смерть? Видимо, она принесет еще больше несчастий.

Дядя Фентон пропал, и это я виновата. Я ужасный человек. Я чудовище. Вы не представляете, что я натворила.

Простите, что сваливаю все это на вас, но мне больше не к кому обратиться. Меня разорвет изнутри, если я не расскажу кому-нибудь правду. Тому, кто понимает, что внутри каждого – каждого из нас – живет зло.

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Прошло две недели с тех пор, как исчез Фентон, наступил октябрь. Роуз следила за Сильви и готовилась, вспоминая рассказы Омы. Теперь ясно, что бабушка знала все про ее сестру и хотела подготовить Роуз.

– Оборотня можно как-то остановить, Ома? – спросила однажды Роуз, когда они гуляли в лесу.

– Да, – кивнула Ома, – только это довольно трудно. Оборотень очень опасен, Роуз, и очень, очень умен.

– Но ведь можно?

– Если заковать его в железо, хоть в человеческой, хоть в звериной форме, он не сможет менять облик.

– В железо? – спросила Роуз. – В смысле в цепи?

– В цепи, в кандалы, может, в клетку. Я слышала, что король Генрих держал в лондонском Тауэре медведицу.

– В настоящем Тауэре?

Ома улыбнулась.

– Да, в настоящем. Говорят, на самом деле это была любовница короля и она превращалась в женщину только по ночам, когда он снимал с нее кандалы.

– Думаешь, это правда? – спросила Роуз.

Ома задумчиво положила в рот мятную конфету.

– Такова легенда, а в каждой легенде есть и правда, и вымысел. Помни, Роуз, все обычно совсем не так, как кажется.

В гараже нашелся старый отцовский холщовый рюкзак, и Роуз положила в него все, что могло бы ей понадобиться: железную цепь, ржавый капкан, на который папа в детстве ловил лис, сачок для бабочек, огромный кухонный нож и серебристый фонарик.

Содержимое неподъемного рюкзака звякало и упиралось в спину. Пока Сильви спала, Роуз пошла в мастерскую за рюкзаком, припрятанным под верстаком. Она надела темно-синие брюки и черную водолазку, чтобы не выделяться.

Теперь от входа в мастерскую предстояло следить за домом. Если сегодня Сильви не выйдет, ничего страшного. Роуз подождет. Она будет ждать завтра и послезавтра, будет прятаться в темноте столько, сколько нужно.

Однако долго ждать не пришлось.

Примерно через час Сильви вышла на улицу в халате и розовых тапочках. Посмотрела направо, в сторону Роуз и мастерской, затем налево. И побежала к башне.

«Попробуй догони, – будто говорила она. – Давай же».

– Сейчас или никогда, – сказала Роуз, в голове у которой играла одноименная песня Элвиса.

«Завтра будет поздно...»

Роуз медленно и осторожно ступала в тени, стараясь не греметь железяками в рюкзаке.

Особого плана у нее не было. Войти в башню. Дождаться превращения Сильви. Схватить ее.

Заковать Сильви в облике чудовища в цепи. И позвать маму, чтобы та наконец поверила.

Роуз прислонилась спиной к башне, рюкзак оттягивал плечи.

– Сильви? – позвала она.

– Что тебе от меня нужно? – послышался из темноты голос сестры.

– От тебя? – Роуз как можно аккуратнее и тише сняла рюкзак. Во лбу, рядом с левым глазом, равномерно запульсировала боль.

– Почему ты не сказала?

Роуз зажмурилась, чтобы резкая острая боль стихла. Как заставить Сильви превратиться? Может, она должна почувствовать угрозу?

– Никто бы мне не поверил. Ты у нас хорошая девочка. Никто не поверит, если я расскажу, что ты такое на самом деле.

Сестра заплакала, сначала тихо, затем все громче.

– Что я *такое*? Что я такое, Роуз?

– Чудовище. И ты провела всех, кроме меня. Я знаю, что ты сделала с Фентоном.

– Фентон, – всхлипнула Сильви.

Роуз вытащила из рюкзака фонарик, однако не спешила заходить в башню, выжидая нужный момент.

– Он виноват не меньше моего, – хлюпала Сильви. – Теперь его нет, и это больше не повторится.

– Не повторится, – сказала Роуз, подбираясь к дверному проему. – Потому что я остановлю тебя.

Роуз щелкнула фонариком, готовая увидеть сестру в чудовищном облике шестиногого насекомого с крыльями и блестящим панцирем, но перед ней стояла просто девочка в халате и розовых тапочках. Ее лицо покрылось красными пятнами, волосы были растрепаны.

Роуз не сводила луч света с лица сестры. Решительный вид Роуз,

видимо, напугал ее, потому что Сильви вдруг насторожилась.

– Держись от меня подальше, – предупредила Сильви, отходя к лестнице. – Иначе я все расскажу маме.

– Я не дам тебе сделать это снова, – серьезным тоном сказала Роуз. – Ты больше никому не навредишь.

Голова раскалывалась от боли. Луч света пульсировал, и лицо сестры дрогнуло, как будто ее вообще здесь не было. По телу пробежали мурашки, кожу обдало жаром, все зачесалось.

Сильви рванула вверх по лестнице.

Роуз схватила рюкзак и поспешила за сестрой, засунув фонарик за пояс брюк и хватаясь липкими ладонями за деревянные ступени. Лестница, да и вся башня, ходила ходуном. Каждый камень и каждая половица вибрировали в такт головной боли.

На втором этаже Роуз осмотрелась, водя фонариком по кругу. Сильви нет, только округлые стены и лунный свет, падающий внутрь сквозь узкие окошки.

Надо поспешить. Иначе упустит.

Если Сильви превратится, то сразу взмахнет крыльями и улетит. Станет свободной навсегда.

С бешено стучащим сердцем Роуз поднялась на крышу. Ноги и руки не хотели слушаться. Подул ветер, и стало прохладно.

Вот она, ее сестра, еще в человеческом облике, стоит у нижней стены. В лунном свете картинка светилась ярко-голубым.

– Я уйду, – дерзким и напыщенным тоном сказала Сильви. Она перестала плакать. – Уйду далеко, и больше ты меня не увидишь. Иди домой. Притворись, что ничего не видела, а к утру меня уже не будет, я исчезну.

– Нет. – Роуз приблизилась к сестре. – Я тебе не позволю. Я знаю, насколько ты опасна.

– Ничего ты не знаешь! Ты ненормальная, – грубо усмехнулась Сильви, хотя ее взгляд был напуганным. – Не подходи.

Сильви отступила к стене. Роуз бросилась за ней и схватила сестру за руку.

– Ради всего святого! Отпусти меня! – закричала Сильви, изо всех сил вырываясь.

Они царапали и толкали друг друга. Роуз дернула Сильви за волосы, ожидая увидеть страшную пасть на ее затылке. Сильви завопила, впилась ногтями в руку Роуз – до крови. Сестры кружили, как пьяные танцоры, изображающие твист. Звезды расплывались. Все приобрело тошнотворный

желтоватый оттенок. Ноги вдруг перестали слушаться Роуз. Ногти Сильви впивались в ее кожу почти до кости. Роуз укусила сестру в плечо, выступила кровь. Сильви вскрикнула, и страшный танец замедлился. Не веря глазам, Сильви смотрела то на свое плечо, то на лицо Роуз.

– Господи! – выдохнула она. Ее лицо и губы побледнели. – Что с тобой такое?

Сильви вырвалась из хватки сестры, резким толчком свалила ее на каменный пол, потом отступила назад еще дальше, наткнулась на стену, доходившую ей до талии, и неуклюже упала с крыши спиной вперед.

– Сильви! – Из горла вырвался только приглушенный хрип. Тело не слушалось, и Роуз не могла встать, в кружащейся голове пульсировала боль. Она долго лежала без движения, пока не вернулись силы и нормальное зрение.

Наконец она поднялась, медленно подошла к краю крыши и заставила себя посмотреть вниз, ожидая увидеть изувеченное тело сестры.

Там ничего не было. Только тень от башни.

– Сильви! – хрипло позвала Роуз, вглядываясь в темноту. Сестра не могла просто встать и уйти – тут ведь целых десять метров.

Где же она?

Ушла. Сильви ушла.

– Нет, – простонала Роуз и рухнула на колени. Голова раскалывалась от боли.

Краем глаза она заметила дрожание радужных крыльев.

Вот она, Сильви, в облике сатурнии луны. Она вынырнула из мрака и застыла на каменной стене. Прекрасная, светящаяся, словно сотканная из звездной пыли, с широко распахнутыми светло-зелеными крылышками.

Роуз осторожно нащупала рюкзак, который свалился на пол во время их схватки, и достала сачок. Держа его за спиной, она подкралась к мотыльку.

– Попалась! – крикнула Роуз, накрыв сестру сеткой.

Дома, на кухне, подсвечивая себе фонариком, она нашла большую стеклянную банку, в которой мама иногда квасила капусту, положила мотылька внутрь и закрыла крышку. Затем отнесла банку к сараю и обмотала ее упаковочной проволокой. Из этой металлической клетки Сильви не выбраться.

У себя в комнате Роуз поставила банку на пол у кровати.

– Попалась, – повторила она мотыльку. Насекомое спокойно сидело на стенке, словно Сильви поняла, что ее наконец поймали. Может, она даже хотела быть пойманной. Может, настало ей время сдаться.

Роуз

Роуз проснулась измученная и обессиленная, во рту стоял металлический привкус. Ей снились ножи, когти и острые, как бритва, зубы. Она тяжело дышала и с закрытыми глазами прислушивалась, нет ли рядом сестры.

А потом вспомнила.

И достала банку из-под кровати.

Мотылек безжизненно лежал на дне.

Роуз закричала.

– В чем дело? – Мама прибежала в комнату в одной ночнушке.

– Сильви! – Роуз показала ей обернутую проволокой банку. – Это Сильви! Я ее убила.

– Роуз... – изумленно пробормотала мама, отступая назад.

– Это Сильви! Вот она, в банке! Смотри!

Мама была сбита с толку.

– Что за бред, – наконец сказала она.

– Сильви была оборотнем, – всхлипнула Роуз. – Я хотела показать, чтобы ты поверила. Я не хотела убивать.

– Послушай меня, Роуз. Этот мотылек вовсе не твоя сестра.

Мама перевела взгляд на пустую кровать Сильви, а затем на открытую дверцу шкафа, из которого исчезло немало вещей.

Куда же подевалась ее одежда? Роуз с удивлением вспомнила, как вчера Сильви говорила, что собирается уйти. Может, она собрала вещи перед тем, как пойти в башню? Неужели она и правда думала сбежать, чтобы ее не поймали за убийство Фентона?

В пишущую машинку был вставлен листок. Мама достала его и прочитала вслух:

Простите, но я больше не могу здесь оставаться.

Я всех вас люблю и знаю, что вы поймете.

Напишу, как только устроюсь.

С любовью

Сильви

– Что за шум? – В старой мятой пижаме на пороге стоял папа, опустив плечи.

– Сильви сбежала, – дрожащим голосом сообщила мама, подавая ему

записку.

Какая-то дверца захлопнулась в груди Роуз. Мама ошибается.

Это она убила Сильви.

Пусть Сильви и была чудовищем, но Роуз не собиралась причинять ей вред. Она просто хотела поймать ее. Хотела показать всем, кто такая Сильви на самом деле. Иначе никто бы не поверил. Все будут думать, что Сильви действительно убежала навстречу счастливому будущему, а Роуз придется нести тяжелое бремя истины.

Она приникла к банке, посмотрела на прекрасное безжизненное существо внутри и заплакала.

2013

Пайпер

– Это тебя, – сказала Марго, подавая трубку сестре. Они сидели вместе в кровати и поедали роскошный завтрак, приготовленный Пайпер: блинчики с яблочным повидлом, бекон из индейки, кусочки дыни и свежавыжатый апельсиновый сок.

Уходя на работу, Джейсон прятал глаза. Поздно ночью Марго с Джейсоном повздорили, и в его голосе слышалась безысходность и даже ярость. В какой-то момент он рявкнул: «Ты с Пайпер и Эми». Видимо, до примирения дело не дошло, потому что, встав ночью в туалет, Пайпер увидела, что Джейсон храпит на диване под приглушенный спортивный канал, а на столике рядом стоят четыре банки из-под пива.

Марго пока ни словом не обмолвилась об их ссоре, а лишь перечисляла список дел для сестры: собрать детскую кроватку, повесить шторы со слониками и разложить ползунки и пижамки-комбинезоны по ящикам комода. Марго с Джейсоном еще ничего не распаковывали, опасаясь худшего (но жизнь ведь не может быть настолько несправедлива?). Потеряв ребенка, родителям будет больно видеть милую карусельку над пустой колыбелью и комод, полный вещичек, которые некому носить. Однако теперь до рождения малыша оставалось совсем немного, и Марго поняла, что ничего не готово, а еще она очень хотела занять себя чем-то, чтобы отвлечься от мыслей об Эми и Джейсоне. Изучив кучу книг и сайтов, она составила перечень всего необходимого и теперь переживала, что не куплен крем от опрелостей, ректальный термометр и крошечные щипчики для ногтей.

Пайпер наслаждалась этой суетой.

– Меня? – спросила она, взяв трубку. Марго озадаченно пожала плечами. Кто может искать Пайпер в доме ее сестры в понедельник утром?

– Алло?

– Пайпер? Привет, это Кристал. Тетя, Лу, помните?

– Конечно, привет. – У Пайпер немного участился пульс. Вдруг с девочкой что-то произошло?

– В общем, вы ей так понравились, что она только о вас вчера и говорила. Спрашивает, когда можно снова вас повидать.

– О, как приятно. Я могу как-нибудь заглянуть к вам в гости.

– Да, вот в чем дело, мне сегодня днем на работу, а ее не с кем оставить. Не выручите?

– Сегодня?

– Всего на пару часов, до прихода Рэя. Он будет к трем. Лу не очень нравится быть с другими взрослыми, особенно сейчас.

– Хорошо. Я не против.

– Отлично. И еще, не зайдете сначала к ней домой? Надо бы забрать вещи, игрушки и все такое. У Лу с собой только та одежда, в которой ее привезли ко мне. Она не хочет туда возвращаться, и немудрено.

– Разве дом не опечатан? Вдруг полицейские меня не пустят?

Марго изумленно уставилась на Пайпер. «В мотель?» – одними губами произнесла она. Пайпер кивнула.

– Все в порядке, я говорила с ними утром. Они уже закончили, в дом можно заходить. Рэй не хочет, а мне от одной мысли об этом становится плохо. Марк ведь мой... – Кристал запнулась, – он был моим братом.

Пайпер растерянно промолчала.

– Ну так что, принесете вещи Лу? Вы бы меня очень выручили. Я ухожу на работу в час.

Пайпер не хотела идти в мотель, нет-нет, ни за что. Не хотела оказаться там, где ужасной смертью погибла Эми и ее родные, однако она подумала о Лу, которая бледным личиком и улыбкой невероятно похожа на Эми в детстве. Бедняжка такое пережила!.. Лучше ей находиться в окружении знакомых вещей и любимых мягких игрушек. Может, они напомнят девочке о нормальной жизни. Это самое малое, что можно для нее сделать.

– Хорошо, без проблем, – наконец ответила Пайпер. – Буду к часу.

Она повесила трубку и пересказала беседу Марго.

– Обалдеть! Ты попадешь в мотель! Сможешь хорошенько осмотреться.

– Шутишь? – застонала Пайпер. – Мне тошно от одной этой мысли, а ты хочешь, чтобы я играла в детектива? И что мне вообще там искать?

– Доказательство нашей правоты. Доказательство того, что Эми не убивала свою семью.

– Думаешь, полиция упустила бы такое?

Марго резко качнула головой.

– Они даже не рассматривают другие версии. К тому же никто не знает отель лучше нас, правда?

– Джейсон меня убьет.

– Да ладно, ты быстренько, он ничего не узнает. На обратном пути заедешь в аптеку и купишь все по списку. Если он вернется домой или позвонит, я скажу, что ты поехала в магазин. Вернешься к обеду, все мне

расскажешь, а потом к Лу. Проще простого.

– Ну...

– Пайпер, ради всего святого. Ты ведь уже пообещала Кристал забрать вещи Лу, так? Она не пойдет в дом, где убили ее брата. А раз ты все равно будешь там, то... осмотрись. Вдруг заметишь что-нибудь.

Пайпер не могла подобрать слов. Как объяснить, что она этого не вынесет?.. Тогда Марго тихим голосом добавила:

– Эми согласилась бы ради тебя.

Как тут возразить.

* * *

Проезжая вывеску мотеля «Тауэр», Пайпер крепко сжимала руль «субару» сестры.

«28 комнат. Бассейн. Телевизор. Мест НЕТ».

Не сводя глаз с башни, Пайпер включила поворотник и стала вспоминать рассказ Лу о выстрелах и звуке шагов.

Могла ли Эми застрелить собственного мужа и сына?

Или там был кто-то еще?

Что-то еще?

Много лет назад Эми утверждала, что записку в пишущей машинке оставил призрак Сильви, который посещал ее спальню. В доказательство своих слов Эми размахивала перед ними смазанным снимком.

Гравий на старой подъездной дорожке почти размыло. Пайпер медленно ехала мимо покосившейся башни и ее длинной тени, подскакивая на ухабах. По телу прошла дрожь.

«Самое обычное здание», – уверяла она себя.

Хотя она знала правду.

Как бы Марго ни давила на ее чувство вины, в башню Пайпер не зайдет – ни за что и никогда. Скажет сестре, что полы прогнили и идти туда опасно. «Ты ведь не хочешь, чтобы ребенок рос без ненормальной тетушки Пайпер?»

Ненормальной. Эми вполне могла назвать ее так. Тогда, в детстве.

Пайпер вспомнила себя в двенадцать лет. Долговязая и неуклюжая, тонкие ноги, волнистые волосы.

Наивная. И совсем юная.

Мы столько всего не знали.

Она любила Эми, но никому в этом не признавалась, даже самой себе.

Никакой из ее последующих романов, как с мужчинами, так и с женщинами, не мог сравниться с тем безумным юношеским влечением к подруге.

Эми. Всегда Эми.

Пайпер проехала мимо первого блока номеров, от первого до четырнадцатого. Окна кое-где были разбиты, в трех местах провалилась крыша. Когда-то в четвертом номере они нашли бинокль, солнечные очки Эми, старый массивный брелок и ключ. Интересно, замок так и не починили? Если внутрь легко проникнуть, то кто угодно может сейчас там находиться и наблюдать за Пайпер сквозь сломанные пластиковые жалюзи.

Она остановилась у главного здания, заглушила двигатель и минуту посидела, слушая, как затихает гул остывающей машины.

Кристал была права: полиция уехала, не оставив никаких намеков на то, что здесь была резня. Типичный заброшенный дом в сельской местности Новой Англии: покосившиеся жалюзи, облезающая краска, заросший двор и участок, что когда-то был садом. Примерно таким Пайпер и помнила его с детства, разве что теперь мотель выглядел маленьким (с возрастом все вокруг как-то мельчает), но при этом более... Какое же слово подобрать? Мрачным?

Казалось, глянешь на окно мансарды справа, а оттуда Эми машет тебе рукой. *Поднимайся, хочу показать тебе кое-что интересное. Сильви оставила еще одно послание. Она приходила прошлой ночью и стояла прямо у моей кровати. Вот, смотри, я сфотографировала...*

Пайпер вышла из машины и взглянула на окно бывшей спальни Эми. Никого не видно: ни в этом окне, ни в других. Дом пуст.

«Потому что все они мертвы», – напомнил Пайпер внутренний голос.

Выбросив эту мысль из головы, она заставила себя пройти по крошащимся ступеням и открыть тяжелую входную дверь.

1989

Пайпер

– Боже, я так рада тебя видеть! – Эми обняла Пайпер, уткнулась лицом ей в шею, обдавая горячим дыханием, и вдруг (или Пайпер показалось?) слегка прикусила ее нежную кожу.

– Она оставила еще одно послание, – затараторила Эми. Ее слова были словно пузырьки в газировке, которые поднимались наверх и щекотали тебе нос.

– В пишущей машинке? – спросила Марго, заходя в дом вслед за сестрой.

– Да, как и в тот раз.

– Хм-м. – Марго изображала скептика, а недоверчивый взгляд и сморщенный нос придавали ей взрослый вид. Вчера вечером, дома, Марго сказала сестре, что первую записку Эми наверняка напечатала сама.

– Но зачем? – спросила тогда Пайпер. Иногда Марго напоминала ей маленькую серьезную старушку, которая слишком много размышляет вместо того, чтобы расслабиться и получать удовольствие.

Подумав, Марго ответила:

– Чтобы жить было интереснее.

Пайпер это чертовски взбесило, и она бросила в сестру подушкой, хотя Марго была права. Может, по этой причине Эми и поцеловала Пайпер? Чтобы было интереснее? Эми не выносила скуку.

– Вдруг и чемодан тоже собрала она? Лишь бы устроить игру в детективов, – сказала Марго.

– Ну конечно. А то, что я провалилась в нужном месте, тоже ее рук дело?

– Возможно, – пожала плечами Марго.

– Полный бред.

Разве? Эми вполне могла сама напечатать записку от предположительно погибшей Сильви.

Теперь, когда по телу пошли мурашки от прикосновения губ подруги к ее шее, Пайпер была готова поверить любым ее словам.

– Покажи записку! – попросила она.

Лицо Эми прояснилось. Она побежала по коридору, Пайпер за ней. Несмотря на ужасную боль в правой ноге, Пайпер старалась не хромать. Кожа горела и опухала все сильнее. Надо было рассказать маме – и придется, если рана в скором времени не заживет, но Пайпер не хотелось

неприятностей. Что хуже всего, мама запретит ей ходить в мотель. Придется соврать. Скажет, что играла в лесу и упала.

– Привет, девчата! – крикнула бабушка Эми из кухни.

– Привет, бабушка Шарлотта, – поздоровалась Пайпер.

– Сильви, какие у вас планы?

– Эми, ба. Меня зовут Эми. Сильви больше нет.

«Это не так, – подумала Пайпер. – Сильви здесь, она настукивает нам послания на пишущей машинке».

Странная мысль пришла в голову Пайпер. Может, Сильви вообще не уезжала? Может, все это время она пряталась то в доме, то в башне, то в мотеле? Жила в заброшенных номерах, сидела в шкафу, по ночам таскала еду из кухни, болтала с мышами, что живут в стенах, и приходила к Эми, когда больше никто не мог ее увидеть. Вдруг это не привидение, а настоящий человек, который живет жизнью призрака?

– Идем. – Эми потащила Пайпер за собой по лестнице, а Марго поспешила за ними, перепрыгивая через две ступеньки. Рука у Эми была прохладная, – или сильно вспотела ладонь Пайпер?

Эми нашла в одном из номеров старый знак «Не беспокоить» и повесила на дверь в свою комнату.

– Смотрите, – сказала она. В пишущую машинку был вставлен листок фирменной бумаги мотеля «Гауэр».

Ищите 29-й номер.

У каждого строения есть чертеж. Найдете чертеж – найдете и комнату.

Тогда все станет ясно.

– Не знаю, что именно произошло с Сильви, но ключ к разгадке в двадцать девятом номере! Она упоминала о нем в письме Альфреду Хичкоку.

– Мы перерыли весь мотель! – раздраженно ответила Пайпер. – Мы побывали во всех номерах. Больше негде искать.

Эми ткнула пальцем в записку.

– «Найдете чертеж – найдете и комнату». Мотель проектировал мой дедушка. Должны ведь остаться чертежи?

Может, Марго и права. Может, Эми на самом деле сама все это устроила и теперь подкидывала подсказки, как хлебные крошки. Устроила безумную игру, чтобы повеселиться в последние деньки летних каникул.

– Так давайте искать! В кабинете дедушки полно старых бумаг. Пойдем посмотрим!

2013

Пайпер

В помещении пахло плесенью и дряхлостью. Открыть бы окно, но не ей здесь хозяйничать. К тому же она ненадолго. Только возьмет вещи Лу и уберется отсюда на хрен.

Слева, в кухне, что-то зашуршало. Мыши? Или бабушка Шарлотта отодвигает свой стул? *Однажды Смерть постучится к тебе, ты узнаешь лицо, вы встречались.*

Пайпер вздрогнула от звонка телефона и начала копаться в сумке. Песня Мадонны «Like a Prayer» звучала слишком громко в этом пустом доме.

– Привет, – тихо ответила Пайпер, как будто находилась в библиотеке.

– Нашла что-нибудь? – спросила Марго.

– Господи, нет, я только приехала.

– Извини. В какой части дома ты сейчас?

– В холле. – Пайпер украдкой оглянулась – никого нет.

Опять донесся какой-то шум с кухни. Шарканье ног?

– Пайпер?

– Да?

– Я передумала. У меня очень нехорошее предчувствие. Уезжай отсюда поскорее.

– Рада слышать, потому что именно это я и собираюсь сделать. Поднимусь наверх, побросаю в сумку вещи Лу и поеду.

– Позвони потом.

– Обязательно.

– Слушай, поспеши.

Пайпер дала отбой и бросилась вверх по лестнице, однако замерла, увидев пятна крови. Красно-коричневые отметины были повсюду – на плитке, на ковре, даже на выцветших обоях остались брызги.

Слева по коридору, в хозяйской спальне, нашли мужа Эми: его застрелили первым. Дальше по коридору располагалась ванная, а за ней еще одна спальня, которая когда-то принадлежала бабушке Шарлотте. Пайпер осторожно толкнула дверь. Стены увешаны постерами с футболистами, на комодке огромный космодром из кубиков лего. Комната Леви, восьмилетнего мальчика, который погиб вслед за отцом. Матрас убрали, от кровати остался один каркас.

У Пайпер закружилась голова, к горлу подступил ком, и она вышла из

комнаты.

Отводя взгляд от очередных пятен (неужели все это кровь Эми?), Пайпер на негнущихся ногах шла дальше по коридору.

«Просто сделай, что надо, и выбирайся отсюда», – сказала она самой себе, направляясь в конец коридора – наверное, там комната Лу.

В которой раньше жила Эми.

Тогда на двери у нее висела мотельная табличка с надписью «Не беспокоить».

Пайпер взялась за ручку двери, когда-то теплую от бесконечных прикосновений Эми, а сейчас ледяную на ощупь.

«Уходи, – словно говорила она. – Тебе здесь не место».

От вида спальни – здесь мало что изменилось – у нее перехватило дыхание. Крови было не так много, как в коридоре. Раньше на полу лежал уродливый ковер, потом его сняли, а половицы покрасили в белый цвет, чтобы комната казалась больше и светлее. Лу спала на старой кровати Эми с потертым дубовым изголовьем. Поразительно: на ней до сих пор сохранились ароматные наклейки и светящиеся в темноте звездочки, которые приклеила Эми. Комод и прикроватная тумбочка тоже на прежних местах. Неужели сквозь розовый коегде проглядывает прежний цвет стен – фиолетовый?

Комната была аккуратно прибрана. Никаких вещей и игрушек на полу, никаких разбросанных книг или оберток от конфет. У кровати лежал потертый ярко-розовый коврик, на тумбочке стоял стакан воды.

А на столе – пишущая машинка.

Не может быть.

Пайпер подошла к «Роял-куайт-делюкс» и провела по ней рукой.

Рядом лежала стопка белой бумаги.

Пайпер машинально взяла листок, заправила в машинку и положила пальцы на клавиатуру. Машинку явно регулярно чистили и смазывали, лента была новой. Как легко и приятно было нажимать на круглые клавиши, которые отстукивали ритм: тук, тук, тук.

«Эми, Эми, Эми», – напечатала Пайпер. Может, машинка сойдет за доску для спиритических сеансов, и Эми напечатает ответное сообщение, как когда-то сделала Сильви?

Ты здесь, Эми?

Тишина. Что за глупость. Ей уже не двенадцать лет.

И все же Пайпер напечатала еще кое-что.

Мне жаль.

Ей и вправду было жаль. Жаль, что с Эми и ее семьей такое случилось.

Жаль, что она не наладила отношения с подругой. В конце того лета Эми оттолкнула ее, и связь прервалась. Теперь Пайпер было жаль, что она переехала и постаралась забыть и Эми, и башню, и все, что произошло столько лет назад. Воспоминания обретали все более четкую форму, и Эми стала неким идеалом, с которым Пайпер всех сравнивала. И всем до нее было далеко.

После того лета, когда Эми вычеркнула ее из своей жизни, Пайпер держалась на расстоянии от людей, не веря, что новый друг или любовник останется с ней надолго. Сидя за столом в комнате Эми, она вдруг поняла, что где-то внутри нее по-прежнему живет двенадцатилетняя девочка, обиженная на лучшую подругу. Господи, сколько отношений завершилось из-за уверенности Пайпер в том, что ее вскоре покинут!

Вытащив листок из пишущей машинки, Пайпер смяла его и засунула в сумочку. В шкафу у Лу нашлась спортивная сумка в цветочек, и Пайпер быстро покидала туда белье, носки, футболки, шорты и джинсы. Одежда девочки была розово-сиреневых тонов, вся в сердечках и блестках. В сумку полетели переливающиеся серебристые кроссовки и леопардовые шлепанцы.

Из коридора донесся какой-то шорох, затем быстрые шаги.

– Кто здесь? – позвала Пайпер. Может, полицейские вернулись за забытыми уликами? Или, увидев ее машину, решили, что кто-то проник на место преступления?

– Есть тут кто?

В ответ едва слышный смех. Наверное, показалось, но отсюда явно пора уматывать.

Пайпер взяла спортивную сумку и свою дамскую, вышла в коридор, но вдруг услышала какой-то звук из комнаты Лу. Быстрые шаги. Стук ногтей (или когтей?) по белым половицам.

Она спустилась по лестнице и побежала к двери, а у выхода замерла и обернулась, ожидая увидеть позади некую жуткую фигуру. Никого. Тишина. Только ее прерывистое дыхание. Ну конечно, почудилось.

Зазвонил телефон – опять Марго. Пайпер начала копаться в сумке, и на пол упал листок бумаги из пишущей машинки. Глядя на него, Пайпер взяла трубку.

– Ты где? – с тревогой спросила Марго.

– Сбирала сумку Лу, уже выхожу. Стою у двери. Заскочу в аптеку и буду минут через тридцать-сорок.

– Хорошо, – успокоившись, сказала Марго.

– Купить что-нибудь вкусненькое к обеду?

– Хоть я и ем за двоих, после сытного завтрака у меня пока нет места для обеда.

Пайпер улыбнулась.

– Тогда сделаю салат. До встречи.

Она положила телефон обратно в сумку, подняла и развернула смятый листок. Интересно, что подумал бы любопытный полицейский, обнаружив это непонятное послание погибшей женщине?

Напечатанные Пайпер слова исчезли.

Она издала приглушенный вскрик.

(А сверху эхом откликнулся еще один, насмешливый?)

Сверху донизу на листке было напечатано:

29 номеров

29 номеров

29 номеров

1989

Пайпер

29 номеров.

До этого момента все казалось выдумкой. «Загадка 29-го номера» – прямо название девчачьего детектива из серии «Трикси Белден». Вот Трикси с Хани крадутся по дому с фонариками, постукивают по стенам, пытаются отыскать тайный ход в тайную комнату.

Но теперь при виде старых бумаг и чертежей дедушки Эми Пайпер в голову пришла мысль: а вдруг все это правда?

Вдруг двадцать девятый номер существует?

– Посмотри. – Эми сидела на полу рядом с помятыми картонными коробками с надписью «Папины документы». Она вытащила коробки из шкафа и наобум доставала из них бумаги, а быстро проглядев, швыряла их в сторону.

Затем Эми нашла стопку фотографий, на каждой из них – мотель на разных стадиях строительства. Сначала только фундамент, потом каркас двух зданий, к которым постепенно добавились крыша, двери и, наконец, окна. На всех снимках был дедушка Эми в рабочей одежде защитного цвета – то с молотком, то с пилой, то с мастерком в руках.

– Может, у него и не было никаких чертежей? – предположила Марго. – Просто придумывал все по ходу дела.

Пайпер покачала головой.

– Так не построишь целое здание, особенно если ты не архитектор. Без чертежей никак.

– Ну, в этой коробке их нет. – Эми вытащила последние фотографии и пожелтевшие бумаги. Старые счета и конторские бумаги посыпались на пол.

В следующей коробке хранились снимки и документы тех времен, когда дедушка Эми был военным пилотом. Эми зачитала вслух несколько отрывков из писем от его родителей: коровы дают много молока, Фентон, младший кузен Кларенса, оказался отличным помощником, по всему Вермонту проводится сбор металлолома. Еще письма пестрили городскими сплетнями: Хэнк Риттер наконец-то сделал предложение Вайолет Стэффорд, мистеру Эриксону пришлось закрыть местное отделение банка, а малыш Дейви Уэкс в прошлую субботу выиграл рыболовное соревнование.

– Со скуки помереть можно, – скривилась Эми, бросая их обратно в

коробку.

– Зря ты так, – возразила Пайпер. – Наверняка ему было приятно получать весточки из дома, где жизнь шла своим чередом. Будь я пилотом, чей самолет обстреливают немцы, мне бы тоже хотелось знать, что у родителей все тихо и спокойно, что коровы дают молоко, а обычная девчонка ждет предложения руки и сердца.

– Возможно. – Эми пожала плечами.

Марго достала из шкафа металлический ящик для документов и открыла защелку.

– Что там у тебя? – спросила Пайпер.

– Кажется, тут вещи твоей мамы, Эми, – сказала Марго, покопавшись в бумагах. – Свидетельство о рождении, аттестат зрелости... Погодите, что-то на самом дне... – Она вытащила стопку старых писем, перевязанных истершейся резинкой. – Это письма Сильви к тому режиссеру!

– Точно, – сказала Эми, просмотрев письма. – Все с марками, адресованы Альфреду Хичкоку, но так и не были отправлены. Почтового штемпеля нет.

– Странно, – заметила Пайпер. – Зачем писать письма, клеить марки и все такое, если не собираешься их посылать? И почему они оказались у твоей мамы?

– Понятия не имею. – Эми положила письма обратно в ящик. – С поиском чертежей они нам никак не помогут.

Вскоре Эми достала из шкафа коричневую кожаную папку.

– Нашла! План мотеля!

Пайпер посмотрела на бумаги, которые Эми нетерпеливо выкладывала на стол. Аккуратные наброски Кларенса были сделаны карандашом на пожелтевшей бумаге. На строительных чертежах указаны все параметры и выполнена вертикальная проекция с нескольких ракурсов.

Девочки внимательно изучали планы в надежде обнаружить какой-нибудь тайный проход или секретную комнату между двумя номерами.

– Здесь ни хрена нет, – наконец сделала вывод Эми. – Только двадцать восемь номеров мотеля, контора, котельная под ней и прачечная. Вот и все. – Она сердито выдохнула.

На столе стоял рисунок башни в рамке: сделанный карандашом, он изображал строение снаружи – вход, окна и зубчатые стены на крыше. Башню построили с невероятным вниманием к деталям, ведь все камни были разной формы. Тени в дверном проеме казались живыми. Дедушка Эми был очень талантлив.

Пайпер вдруг заметила что-то еще среди теней на рисунке. Какую-то

едва различимую надпись. Она поднесла рисунок поближе к лицу, прищурилась и тогда поняла, в чем дело.

Надпись была перевернута.

– Там что-то с обратной стороны, – сказала она.

Эми выхватила рамку у Пайпер из рук и стала отгибать гвоздики, придерживающие картонку: один, другой, готово. Потом осторожно вынула рисунок и перевернула его.

Сзади был первоначальный план башни с балками и стропилами, с указанием диаметра и высоты. В правом углу – расчеты по необходимому количеству цемента, извести и песка.

Рисунок изображал три этажа, которые девочки давно обследовали – первый, второй и крыша с зубчатыми стенами.

Однако в башне имелся еще и подвальный этаж, куда, судя по чертежу, можно было попасть через люк в полу первого. На плане он был помечен словом *oubliette*, написанным аккуратным почерком.

– Что это значит? – спросила Эми.

Пайпер вскочила – на столе лежал толстенный словарь. Она открыла его и пролистала до буквы *O*. *Ouabain* («яд» – глянула Пайпер на перевод).

– Вот оно. – Водя пальцем по строчкам, Пайпер дрожащим голосом зачитала определение: – «Потайная подземная темница, в которую можно проникнуть только через лаз в потолке».

– Ни хрена себе! – воскликнула Эми. – Темница? Под башней есть потайная темница?

– Может, и нет, – ответила Пайпер. – Она ведь только на рисунке...

Эми уже побежала к выходу.

– Скорей, надо проверить!

2013

Пайпер

Пайпер дрожащими руками бросила в машину спортивную сумку в цветочек.

Она ведь помнит, что напечатала.

Так откуда на листке эти «29 комнат» сверху донизу?

Пайпер завела машину и стала разворачиваться. Под колесами зашуршал гравий. Неужели она сходит с ума? Может, сама напечатала эти слова в каком-то припадке, а теперь ничего не помнит?

Эми страстно увлеклась гипнозом после того, как нашла ту чертову книгу Сильви. Говорила, что в состоянии транса можно делать что угодно. Даже получать сообщения от духов.

– Да пошло оно все! – Пайпер стукнула ладонью по рулю. Проезжая мимо башни, она заглянула в дверной проем, забитый досками. Поверх красными буквами было написано: «Опасно».

Внутри мелькнула тень.

Там кто-то есть!

Пайпер резко затормозила. Сердце бешено стучало, ладони вспотели.

Может, ей все-таки не почудилось, что в доме был кто-то еще. Этот кто-то и подменил листок бумаги. (Каким образом? Когда?) Наверное, лучше уж так, чем верить, что послание напечатал призрак.

Она выскочила из машины и достала из багажника монтировку. Безоружной туда лучше не заходить.

Зажав монтировку в руках, Пайпер смотрела на покосившуюся башню. Да, идея дурацкая. Надо сесть обратно в машину, запереть двери и позвонить Джейсону. Она сообщит, что кто-то проник в мотель... Но тогда не скроешь, зачем она сама сюда приехала. Джейсон скажет: «Собирай чемоданы и уматывай обратно в свой Лос-Анджелес». Да и вдруг тот, кто шастает по мотелю, сбежит через какую-нибудь дыру в стене башни, пока она тут дрожит от страха в ожидании подмоги?

Пайпер не сводила глаз с дверного проема. Есть ли там кто? Обветшалая башня покосилась градусов на десять в сторону дома, цемент крошился.

Ничего хорошего это не сулило.

Пайпер заглянула внутрь поверх прибитых крест-накрест досок. Пол прогнил, ступени лестницы кое-где обвалились. Надпись «Опасно» была такой же яркой, как когда-то вывеска мотеля.

«Мотель «Тауэр». Есть свободные номера».
Пайпер сделала глубокий вдох.
– Не будь трусишкой, – слышался шепот Эми.

1989

Пайпер

– Я не трусишка, – сказала Пайпер у входа в башню. От страха она не могла сдвинуться с места.

– Тогда идем, – махнула Эми рукой, пропуская подругу вперед. – Надо найти темницу.

Ногу пронзила острая боль, напоминая о падении на лестнице. Пайпер не хотела заходить в башню. Не хотела срывать половицы и, светя в темноте фонариком, который Эми нашла на кухне, изображать из себя детектива. Если там и есть эта чертова темница (откуда? зачем дедушке Эми было строить темницу?), то Пайпер не желает ее видеть. И Марго, скорее всего, тоже.

– Не хочешь пойти домой? – спросила она младшую сестру, которая целенаправленно шла к башне вместе с Пайпер и Эми. Марго выглядела совсем взрослой, а не десятилетней девочкой, готовой угодить в ловушку.

– Я не боюсь.

А стоило бы. Всем нам.

– Вот, бери пример с сестренки, – проворчала Эми. – Идем уже.

Пайпер зашла в башню вслед за Эми, осторожно ступая по хлипким половицам. Как она раньше не заметила, что пол такой непрочный?

Марго стояла у входа и внимательно наблюдала за ними.

Эми беззаботно шагала по этажу, поддевая края половиц.

– Не вижу никакого люка.

– Помните, как было наверху? – сказала Марго. – Два слоя. Сначала пол, а под ним доски потолка.

– Точно. Тогда мы ищем не сам люк, а шаткие доски. Пайпер, давай оттуда. Я начну здесь, встретимся на середине. Проверяем каждую половицу.

Пайпер кивнула.

– Марго, жди снаружи. Если мы вдруг провалимся или еще чего, беги в дом и зови бабушку Шарлотту, ясно?

– Если побежишь за бабушкой, сначала убедись, что мы мертвы, – засмеялась Эми. – Потому что, если она узнает, что мы тут делали, она все равно нас убьет.

– Просто будьте осторожнее, – сказала Марго, топчась у входа в башню.

«Слишком поздно», – подумала Пайпер.

Встав на четвереньки, она представила, как Кларенс Слейтер обрабатывает сосновые доски, затем укладывает их и вбивает гвозди, чтобы построить для жены ее собственный лондонский Тауэр.

Башню с потайной темницей.

– А в настоящем Тауэре – ну, который в Англии, – там тоже есть темница, камера пыток и все такое? – спросила Пайпер.

– Не знаю, – ответила Эми, проверяя доски. – Наверное, есть.

– Может, поэтому он и сделал здесь темницу. Чтобы все было как в настоящем Тауэре.

– Возможно. Только зачем ее прятать?

Пайпер начала проверять доски от входа, ряд за рядом, но ржавые гвозди держали крепко. Только пальцы расцарапала. Эми делала то же самое с другой стороны башни, по-крабьи переползая от одной половицы к другой.

– Ну, где же он? – заворчала Эми, когда девочки приблизились к середине.

– Может, нет тут никакого люка, никакого обли... как там его, – сказала Пайпер, не желая обнадеживать подругу.

– Вы уверены? – крикнула Марго.

Эми посмотрела на лестницу в центре этажа.

– Ну конечно! – Она вскочила так резко, что пол под ней едва не провалился.

– Тише ты! – испугалась за нее Пайпер.

Вниз. До самого адского дна.

– Лестница ведь не крепится к полу. Ее держат только маленькие планки внизу.

Эми взяла перила с обеих сторон, толкнула лестницу, и та поддалась. Конструкция была не очень массивной – лишь небольшие доски для ступеней и поручней. Ее удерживали две деревянные планки. Эми снова приподняла лестницу, и планки съехали в сторону.

– Мне бы тут помощь не помешала, – натужно сказала она.

Пайпер подхватила лестницу справа, и вместе они сдвинули ее, а затем неуклюже опустили.

– Осторожнее, – заволновалась Марго.

Эми присела на корточки и стала ощупывать половицу, на которой стояла лестница, потом дернула доску, и та зашаталась, как молочный зуб.

– Давай вместе, – сказала Эми.

Девочки потянули, но доску держала соседняя половица.

– Прибито гвоздями. – Эми перевернула ее набок – снизу крест-

накрест были вбиты четыре рейки, которыми она и крепилась к другой доске. – А сверху еще и лестница. Если ее не убрать, никогда не догадаешься!

Пайпер слушала вполуха, не отводя взгляд от дыры в полу. Между двумя балками виднелся металлический люк со ржавыми петлями, закрытый на огромную щеколду.

– Поддай фонарик, – попросила Эми, ложась на живот, чтобы достать до засова.

– Стой! – вдруг крикнула Пайпер. У массивной щеколды явно было одно предназначение: не дать тому, что внутри, выйти наружу. – Может, не надо? Давай лучше скажем бабушке.

– Просто поддай мне чертов фонарик! – Эми потянула засов, и раздался отвратительный скрежет металла. Пайпер подала ей фонарик как раз в тот момент, когда подруга открыла люк.

В нос ударил сырой и затхлый запах – как в пещере. Так пахло что-то заброшенное, сгнившее. Эми посветила фонариком. Батарейки садились, и оранжеватый свет был тусклым.

– Что там? – крикнула Марго со своего поста.

«А она и правда хорошая сестра», – будто раскаиваясь, подумала Пайпер.

– Плохо видно. Вроде какая-то мебель. Кровать, что ли. – Эми поднялась и снова подергала половицы. – Надо взять лестницу.

– Эми, серьезно, лучше не...

– Не хочешь, не спускайся. Придержишь лестницу сверху. – Ее слова звучали насмешкой. «Трусишка».

– Я пойду, – сказала Пайпер. «Куда ты, туда и я».

Вместе они осторожно опустили лестницу вниз, в темноту.

– Я первая. Держи.

Эми начала не спеша спускаться, проверяя, выдержат ли ступеньки ее вес.

– Черт, фонарик забыла. Тут ничего не видно.

– Я возьму. – Пайпер засунула фонарик за пояс шортов и приготовилась следовать за Эми.

– Не ходи туда, – сказала Марго.

– Все хорошо, – пообещала Пайпер, глядя сестре в глаза. – Я быстро.

Долго она там точно не пробудет.

Эми придерживала лестницу снизу, а Пайпер осторожно спускалась. Боль пронзала ногу с каждым движением, но наконец она ступила на твердый бетонный пол. Эми положила руку ей на спину, и Пайпер

дернулась от страха.

– Взяла фонарик?

– Да. – Пайпер подала его, не включая. Пусть уж хозяйка сама.

– Готова? – спросила Эми.

Пайпер нервно сглотнула.

– Конечно.

Мигнул фонарик, и комнату озарил тусклый оранжевый свет.

– О господи, – пробормотала Эми.

Пайпер не могла вымолвить ни слова.

– Что это такое? – Голос Эми вдруг зазвучал пискляво. Пайпер поняла, что впервые видит подругу по-настоящему напуганной.

– Все нормально? – послышался сверху голос Марго. – Что там?

Пайпер обвела взглядом небольшую округлую комнату. Справа на бетонной стене четыре массивные цепи с кандалами. А еще, как и сказала Эми, кровать. Деревянная, с кожаными ремнями и застежками. В изголовье лежало свернутое заплесневелое одеяло.

«Это комната пыток, – хотела сказать вслух Пайпер, но язык ее не слушался, она даже мыслила с трудом. – Твой дед построил комнату пыток».

На фотографиях у него был такой серьезный вид – военный пилот с медалью «Пурпурное сердце», отец и муж, дальновидный человек, владелец мотеля.

И башни с тайной комнатой в подвале.

С комнатой, где творились жуткие вещи.

Неужели он приводил сюда постояльцев, коммивояжеров, которые потом так и не вернулись домой? По телевизору рассказывали про серийных убийц вроде Джона Уэйна Гейси и Теда Банди, но для Пайпер они были не более реальными, чем оборотни и зомби из ужастиков.

Эми вдруг резко вдохнула.

– О, нет. Вот дерьмо.

Лучше закрыть глаза, на ощупь добраться до лестницы и выйти наверх, к свету. Пайпер уже хотела забыть все увиденное и не желала смотреть на то, что напугало Эми.

Эми взяла подругу за руку и потянула. Пайпер неохотно поддалась.

Луч фонарика выхватил что-то похожее на сваленную в кучу одежду. Присмотревшись, Пайпер разглядела желтовато-белый череп, тонкие пряди волос и пустые глазницы.

– Это Сильви, – дрожащим голосом сказала Эми. – Мы нашли ее.

2013

Пайпер

Зайдя в башню, Пайпер вспомнила тот жуткий череп с отвисшей челюстью и глазницы, в пустом взгляде которых читалось: «Наконец-то вы нашли меня».

Этот взгляд преследовал ее постоянно. Такое не забудешь.

Скелет с жуткой ухмылкой изменил их жизнь. Больше девочки не дружили с Эми, не заходили в башню и мотель. Все перевернулось, когда они попали в двадцать девятый номер.

И вот Пайпер снова здесь.

Что на этот раз? Еще один труп? Вряд ли. Все тела полиция уже нашла в доме.

Вспомнив пропитанный кровью ковер, Пайпер подумала: «Вдруг весь этот ужас начался в башне?»

Вдруг он все еще здесь?

Крепко сжимая монтировку, она медленно ступала по доскам, обходя явно гнилые. Если идти прямо над балками, то не провалишься. Словно канатоходец, она шла по линии, отмеченной гвоздями, надеясь, что балки все еще крепкие.

Лестницы, ведущей наверх, не было. В потолке зияла недостижимая дыра, сквозь которую проникал свет из узких окон, и Пайпер вдруг вспомнила прикосновение губ Эми... и боль от щепки, вонзившейся в ногу.

На левой голени так и остался неровный белый шрам. В рану попала инфекция, и в итоге вся нога ниже колена покраснела и раздулась. Когда Пайпер наконец показала рану маме, ее тут же отвезли в больницу и кололи антибиотиками. С тех пор мама запретила дочерям приближаться к мотелю, который называла «смертельной ловушкой».

Какое точное описание. Бабушка Шарлотта тоже называла башню ловушкой. Если бы они только послушали...

Не ходить в мотель оказалось легко – Эми не желала иметь с девочками ничего общего. Пока Пайпер была в больнице, сестра несколько раз звонила Эми, но бабушка Шарлотта придумывала какие-то отговорки и лишь спрашивала, что передать.

Теперь, когда Пайпер снова оказалась в башне, в голове у нее засела только одна мысль.

Беги.

Трусюшка.

– Я не трусишка.

Сделав глубокий вдох, Пайпер встала на колени и потянула на себя доску, на которой когда-то стояла лестница, – та с легкостью поддавалась. Хотя половицу с одной стороны по-прежнему удерживала соседняя доска, Пайпер запросто сдвинула эту конструкцию и увидела люк, ржавые петли и массивный засов, который должен был хранить все тайны взаперти.

Пайпер нерешительно коснулась щеколды. Холодный металл, слегка покрытый оранжево-коричневой коркой.

Не желая тратить время на размышления, она сдвинула засов и, держа в правой руке монтировку, левой подняла люк.

Никакой вони от разложения, только запах сырости, как в любом подвале. И складная металлическая лестница. В 1989 году ее здесь не было, а значит, сюда спускался кто-то еще.

– Ладно, – сказала Пайпер вслух, успокаивая себя. – Что дальше?

«Вперед, – прошептала Эми ей на ухо. – Или хочешь сказать, что ты...»

– Я не трусишка. – Не выпуская из руки монтировку, Пайпер свесила ноги и нащупала ступени. Совсем одна, в темноте, даже фонарика нет.

Наконец под ногами пол.

И тут что-то коснулось ее сзади.

Какое-то жужжание, будто трепет маленьких крыльев.

И музыка

Мадонна.

Телефон! Это просто телефон вибрирует в заднем кармане.

– Купишь капли в нос? – попросила Марго, когда Пайпер, прерывисто дыша, взяла трубку.

– Что?

– И спринцовку. По-моему, я забыла внести их в список. Вдруг у ребенка начнется насморк или заложит нос. Ты там как, нормально?

– Да, нормально, – соврала Пайпер, с трудом сглотнув. Она почувствовала на себе чей-то взгляд, словно в темнице был кто-то еще. – Куплю.

Пайпер с тревогой вглядывалась в темноту. Комната не выглядела заброшенной. Да, тут пахло сыростью и плесенью, но не только – к ним примешивался какой-то сладкий фруктовый аромат, как у блеска, которым красила губы Эми.

Внутри у Пайпер все сжалось, и она крепче обхватила рукой монтировку.

Интересно, скелет еще тут?

«Если вы хоть кому-то об этом скажете, клянусь, я убью вас», – сказала тогда Эми, и Марго с Пайпер пообещали молчать о своей находке. Учитывая, что Пайпер оказалась в больнице, мама запретила девочкам ходить в мотель, а Эми не желала с ними общаться, сохранить тайну было легко. Пайпер даже делала вид, что ничего не произошло. Однажды, много лет спустя, она заметила, что Марго странно на нее смотрит. Может, сестра вспоминала об Эми и о мотеле? Несколько раз, напившись, Пайпер хотела заговорить об этом, но не сумела подобрать слов. Сестры сдержали обещание.

– Пайпер? Ты ведь в аптеке? – подозрительно спросила Марго.

Черт. Марго слишком хорошо ее знала. Стоит только сказать ей, что она в башне, и сестра мигом позвонит Джейсону и поднимет на уши всю полицию Лондона.

– Конечно, – с улыбкой ответила Пайпер, включая воображение. Она закрыла глаза и представила, что ходит по ярко освещенной аптеке, покупая всякие детские штучки. Вот она подходит к полке с термометрами... – Я и не думала, что выбирать так трудно – знаешь, сколько тут видов ректальных термометров?

– Пайпер...

– Мне пора. Народу полно, да и тебя плохо слышно. Я возьму капли, нельзя же малышке мучиться с заложенным носом. До скорого, – сказала Пайпер, пока сестра не успела опомниться.

Подсвечивая себе телефоном, она стала осматривать мрачные интерьеры двадцать девятого номера.

К ее великому облегчению, скелета здесь не было.

Кровать с кожаными ремнями стояла на месте. Поверх нее лежали спальный мешок и фонарик. Пайпер осторожно взяла его и щелкнула выключателем, думая, что батарейки наверняка давно сели. Как ни странно, ее ослепил яркий свет.

Значит, фонарику не двадцать лет. Пайпер посветила вокруг, дабы удостовериться, что рядом никого нет. Из стены по-прежнему свисали массивные цепи, однако на кандалах появились новые замки. Металл блестел на свету – ни следа ржавчины.

Эти замки поставили совсем недавно.

Спальный мешок тоже новый: ткань не потрепанная, но в середине какое-то уплотнение, как у плотно пообедавшего удава. Пайпер пощупала мешок изнутри, затем осторожно расстегнула молнию – металлические зубчики громко защелкали в тишине.

Сверху лежала знакомая книга «Искусство и наука гипноза». Пайпер

даже помнила, что на первой странице есть надпись: «Сильви, величайшей заклинательнице цыплят, с любовью от дяди Фентона. Рождество, 1954», а на полях – заметки Сильви о ее экспериментах с гипнозом.

Под книгой был альбом с вырезками из чемодана Сильви. Фотографии кинозвезд 50-х и 60-х годов, альбом с ее мечтами и грезами. Еще в мешке нашлись три упаковки жвачки «Джуси фрукт» – одна из них вскрыта, рядом смятые обертки. Вот откуда сладкий фруктовый запах.

На самом дне лежал аккуратно сложенный листок бумаги, на котором было напечатано:

Дорогая Сильви,
Мне правда очень жаль.
Иногда ничего нельзя поделать, сама знаешь.
Прости меня за все, что случилось.
Всегда любящая тебя, несмотря ни на что, сестра.

Роуз

Пайпер позвонила Марго.

– Все еще возишься с термометрами?

– Ну, кое-кто ждет ребенка... – Пайпер надеялась, что ее голос звучит легко и немного насмешливо. – Слушай, а не заехать ли мне к матери Эми? Как там называется этот дом престарелых?

– Фокскрофт. Только Джейсон говорит, Роуз не в себе. Едва помнит собственное имя.

– Думаю, все же стоит попробовать. Наверное, загляну к ней до встречи с Лу, а если не успею, то потом. Мало ли что она расскажет?

Например, кого (или что) держали в темнице.

1989

Пайпер

– Бабушка! – задыхаясь, крикнула Эми. – Ба! Скорее! Звони в полицию. Мы нашли ее! Мы знаем, что произошло!

Во главе с Эми девочки забежали на кухню. У Пайпер дрожали руки, колени подкашивались, а боль в ноге пульсировала в такт сердцебиению. Бабушка жарила фарш с луком и даже не отреагировала, словно не слышала криков внучки.

– Ба, идем с нами, *сейчас же*. – Эми отчаянно потянула бабушку за рукав, теряя терпение.

– Что ты такое говоришь? – Бабушка Шарлотта отвлеклась от шкворчащего мяса. – Куда идти? – Она выглядела еще более усталой, чем обычно, под глазами залегли темные круги. Без пудры на лице проступили синие вены, будто реки и дороги на карте.

– В башню. Прощу тебя. Ты все поймешь.

– Вам нельзя играть в башне, – спокойно сказала бабушка Шарлотта. – Там опасно.

«Сильви там точно поджидала опасность», – подумала Пайпер.

– Ба, ты что, меня не слышишь? *Мы нашли Сильви!* Она никуда не уезжала. Ее чемодан остался здесь, все это время лежал под полом в башне. А еще в подвале есть тайная комната – настоящая *темница!* И там скелет. Скелет Сильви.

Бабушка Эми посмотрела своими блеклыми глазами на внучку, затем на Марго и Пайпер и выключила плиту. От запаха мяса к горлу подкатывала тошнота.

– Твоим подругам лучше уйти.

– Нет, – сказала Эми. – Мы вместе обнаружили чемодан, и они помогли мне искать подсказки. Я бы ни за что не нашла Сильви без их помощи, и они тоже хотят узнать, что случилось. Полиция ведь будет допрашивать их – да и всех нас.

– Никакой полиции, – покачала Шарлотта головой. – И твои подруги должны уйти.

– Но ба, мы...

– Никакой полиции.

– Ладно. Если позволишь Марго и Эми остаться, мы не станем звонить в полицию.

Бабушка неохотно кивнула.

– Садитесь, – уверенным тоном сказала она.

Девочки сели за кухонный стол. Бабушка достала пачку своих тонких сигарет и большую стеклянную пепельницу.

«Садитесь»? Она вела себя поразительно спокойно для женщины, которая только что узнала, что рядом с домом есть потайная темница, где обнаружили скелет ее пропавшей дочери.

«Она все знает», – пришла мысль в голову Пайпер. Она знает про подвал, знает, что там внизу. Может, даже принимала в этом участие. Вот так парочка – ненормальный муж и жена-извращенка. Поэтому Шарлотта и не хочет, чтобы они вызывали полицию. Надо хватать Эми с Марго и бежать домой, к маме. Пайпер осознавала это, но все равно не сдвинулась с места.

Бабушка Шарлотта закурила и выдохнула облачко дыма.

– Я вам кое-что расскажу. Надеялась, что не придется, но выбора, я так понимаю, нет.

– О боже. – Эми отшатнулась с такой силой, что едва не упала со стула. – Только не говори, что ты все знала. Все это время ты знала, что Сильви там? Господи, ба, она же твоя дочь!

Бабушка покачала головой:

– Там не Сильви.

– Но мы ведь нашли ее чемодан, мы...

– Это не она.

– Ну а кто тогда?

Бабушка Шарлотта глубоко вдохнула и на выдохе ответила:

– Фентон. Их дядя.

– Фентон? Нет. Не может быть. Это Сильви, я уверена. *Я видела ее призрак.* Она оставляла мне послания на пишущей машинке.

– Ты видела призрак Сильви? – удивилась бабушка Эми.

– Она иногда приходит ко мне ночью и оставляет записки. Это она подсказала нам, как найти двадцать девятый номер.

Глядя на свою сигарету, бабушка Шарлотта покачала головой.

– Бабушка, с чего ты взяла, что это Фентон?

Шарлотта посмотрела на внучку сквозь завесу сигаретного дыма.

– Это я его туда положила.

– Ты убила Фентона?

– Нет, я только спрятала тело.

– Так что с ним случилось?

Бабушка Шарлотта молча смотрела на Пайпер и Марго.

– Скажи мне. – Эми отодвинула стул, царапая линолеум

металлическими ножками. – Если ты не расскажешь, клянусь, я вызову полицию, покажу им чемодан и тело в башне. Пусть сами разбираются.

– Нельзя этого делать, детка, – по-доброму сказала бабушка Шарлотта.

– Почему?

– Потому что, если люди узнают, что на самом деле случилось с Фентоном, нашу семью не оставят в покое.

– Да боже мой, ба! Что произошло? Говори, или я звоню в полицию. Я серьезно.

Бабушка выпрямилась и внимательно посмотрела на Эми.

– Наша семья проклята, – наконец ответила она.

– В каком смысле?

Шарлотта затушила сигарету.

– Я сейчас, – сказала она и вышла из кухни.

– Если это Фентон, то куда делась Сильви? – прошептала Пайпер, пока бабушка не могла их слышать.

– И что такое «проклята»? – дрожащим голосом спросила Марго.

Эми молчала. Бабушка вернулась и аккуратно поставила на стол большую стеклянную банку.

Внутри лежал крупный бледно-зеленый мотылек с тусклыми изорванными крыльями.

– Это еще что такое? – удивилась Эми.

– Сатурния луна, – сказала Марго, рассматривая мотылька на сухих листьях. Одно из крылышек оторвалось и лежало рядом. Лапки были вывернуты, усики покрыты пушком.

– В ту ночь, когда исчезла Сильви, Роуз, мама Эми, пошла за ней к башне и поймала мотылька. Она была уверена, что это ее сестра. А на следующий день Сильви пропала.

– Стойте, – вставила Пайпер. – Выходит, Роуз считала, что ее сестра мотылек?

– На самом деле она считала Сильви чудовищем, которое может принимать облик другого существа и причинять страшный вред. Роуз думала, что той ночью поймала свою сестру. Но она ошибалась.

Эми резко встала, повалив стул.

– Хватит.

– Твоя мама... – начала бабушка Шарлотта.

– Знаю, ты сейчас скажешь, что у моей мамы не все дома. Надоело! Может, это ты ненормальная и мама не захотела здесь оставаться из-за тебя!

– Эми! – крикнула Пайпер.

– Что? Думаешь, я грублю? Она все это время знала про комнату пыток и лежащий там скелет, а теперь говорит, что мама считала, будто ее сестра превратилась в насекомое?

– Ты хотела получить ответы, – едва слышно промолвила бабушка Шарлотта.

– Твои ответы – полный бред! – закричала Эми.

– Эми, послушай... – стала успокаивать ее Пайпер.

– Уходите, – сказала Эми. – Уходите и не возвращайтесь. Идите в свою опрятную квартирку, живите своей нормальной жизнью. Ступайте к маме, она наверняка ждет вас к ужину.

Бабушка Шарлотта плакала. Слезы падали на банку с мотыльком, которую она держала в руке.

– Давай просто... – снова заговорила Пайпер, вставая.

– И если вы хоть кому-нибудь расскажете о башне и о том, что здесь слышали, клянусь богом, я убью вас. – Взгляд Эми был настолько полон ярости, что у Пайпер подкосились ноги.

– Мы никому не скажем, – сказала Марго, не в силах сдержать слезы.

– Поклянитесь жизнью.

– Мы клянемся, клянемся, мы же твои друзья, – умоляла Марго.

– Эми. – Пайпер подошла к подруге, но та не желала смотреть ей в глаза. Ее плечи тряслись, и больше всего на свете Пайпер хотела обнять ее и сказать, что все будет хорошо.

Только это было неправдой.

Чемодан оказался первой костяшкой домино. Костяшка потянула за собой остальные, и теперь упала последняя. Назад дороги нет.

2013

Пайпер

– Лу? – позвала Пайпер, заноса в трейлер сумку, полную розово-сиреневых вещей. Девочка сидела за кухонным столом и намазывала хлеб шоколадным маслом.

Схватив в аптеке первый попавшийся ректальный термометр, Пайпер вернулась к Марго. Сестра спала. Тогда Пайпер сложила покупки на полу у кровати и оставила записку: «Посижу с Лу, а потом в Фокскрофт. Буду к ужину».

– Это твой обед? – спросила Пайпер. На Лу была та же одежда, что и в прошлый раз, волосы спутались.

Лу сложила вместе два намазанных кусочка хлеба и улыбнулась.

– Тебе сделать?

– Нет, спасибо. А где тетя Кристал?

Слегка нахмурившись, Лу откусила бутерброд.

– Не знаю, – сказала она с полным ртом. По подбородку стекал шоколад.

– Уже ушла?

– Ага.

– Правда? Когда? – спросила Пайпер.

– Утром. Она на меня разозлилась. Сказала, что отдаст меня социальным службам.

– С чего это вдруг?

Лу пожала плечами.

– Наверное, из-за Рэя.

– Из-за Рэя?

– Они повздорили, – кивнула Лу. – Из-за меня. Он не хочет, чтобы я жила здесь. Говорит, здесь места мало, поэтому вчера ночевал у друга.

Внутри у Пайпер все скрутило от мысли о том, что двое взрослых вели такой разговор при девочке. Как сказать подобное ребенку прямо в лицо, как Кристал вообще могла об этом подумать? У Лу ведь больше никого не осталось.

– Давай-ка я попробую ей позвонить. – Пайпер улыбнулась и достала телефон.

Она набрала номер Кристал, но звонок переключился на голосовую почту: пришлось оставить сообщение.

– Я приехала. Вы вроде собирались уйти в час, а Лу говорит, что все

утро была одна. Позвоните мне, пожалуйста, – отрывистым тоном сказала Пайпер.

– У Кристал теперь будут неприятности? – спросила Лу.

– Нет, детка. Просто зря она оставила тебя одну.

– Мне тут не нравится. Я хочу домой, к маме.

Пайпер обняла девочку и, поглаживая спутанные волосы, прижала к себе.

– Понимаю.

Так они просидели несколько минут: Лу шмыгала носом, уткнувшись Пайпер в плечо, а Пайпер все думала, как же помочь этой бедной девочке.

– Ладно, – наконец сказала она, когда Лу выпустила ее из объятий и стала вытирать покрасневшие глаза. – Давай посмотрим, из чего тут можно приготовить нормальный обед. – Она заглянула в шкафчики и нашла только консервированную фасоль, макароны с сыром быстрого приготовления, попкорн для микроволновки и запывившуюся коробку смеси для выпечки. – Любишь макароны с сыром?

– Ага, – кивнула Лу, продолжая есть свой шоколадный бутерброд.

Готовя пищу, Пайпер болтала на самые нейтральные темы, которые только могла придумать – как в детстве она тоже любила макароны с сыром, какая хорошая стоит погода, как сильно Вермонт отличается от Лос-Анджелеса... Потом она прибиралась на кухоньке, а Лу поглощала липкие оранжевые макароны с таким аппетитом, будто не ела целую неделю.

– Не хочешь искупаться, а потом надеть что-нибудь чистое? – предложила Пайпер. – Я принесла твои вещи. У тебя столько красивой одежды.

Девочка с благодарностью кивнула.

Пайпер пятнадцать минут отскребала ванну, прежде чем решилась посадить туда Лу. Девочка ждала в коридоре, а Пайпер продолжала болтать, скрывая отвращение. Наконец она набрала горячей воды, достала мыло и шампунь (под раковиной даже нашлась персиковая пена для ванны), а Лу выбрала вещи, которые наденет после купания.

– Зови, если что, – сказала Пайпер и закрыла дверь.

Она снова позвонила Кристал. Трубку не брали. Пайпер не стала оставлять еще одно сообщение, а вместо этого зашла с телефона в Интернет, чтобы найти номер гостиницы, где работала Кристал. Администратор сообщила, что та на работе не появлялась.

– Когда она все-таки объявится, передайте, что она уволена. Менеджер жутко зол и уже ищет новую горничную.

Отлично. Просто отлично.

– Как ты там? – спросила Пайпер через дверь.

– Поможешь мне вымыть голову?

– Конечно.

В ванной стоял запах искусственных персиков. С мокрыми волосами и под слоем пены девочка напоминала какое-то милое морское существо вроде маленькой выдры.

Пайпер встала на колени, вылила на руку немного шампуня и начала втирать его в волосы Лу.

– Смываем.

Лу окунулась под воду и смыла шампунь.

– Теперь бальзам, а то все волосы спутались, – сказала Пайпер и втерла густую массу в голову девочки. – Подождем минутку.

Ополоснув руки в грязной воде, она вытерла их полотенцем. Лу потрогала свои волосы, смазанные молочно-белым бальзамом. На руке и запястье у девочки были синяки.

– Что у тебя с рукой? – спросила Пайпер спокойным тоном.

– Ничего, – ответила Лу, пряча руку под пену.

– Милая, ну покажи мне. – Пайпер присела на корточки у края ванны.

Девочка резко покачала головой.

– Тебя кто-то обидел? Кто это сделал?

Все это время Лу была в штанах и футболке с длинными рукавами, хотя все ровесники уже бегали в майках и шортах, радуясь теплу. Зима в Вермонте бывает морозной и затяжной, поэтому жители сбрасывают лишнюю одежду, как только погода меняется к лучшему.

– Тебя Кристал ударила?

Лу снова качнула головой.

– Точно?

– Это не она, – ответила Лу, глядя на оседающую пену.

– А кто? Рэй?

У Лу задрожала нижняя губа. Она нырнула в ванну так, что на поверхности осталось только лицо.

– Мама, – сказала она. – Это мама.

Лу вдруг полностью ушла под воду, и у Пайпер мелькнула мысль, что малышка хочет захлебнуться.

Наконец Лу поднялась из-под воды и, напевая, стала сгребать руками пену. Пайпер на подкашивающихся ногах вышла из ванной, тихо прикрыв за собой дверь. Руки дрожали, во рту совсем пересохло.

Очевидно, Эми на самом деле была чудовищем. Чудовищем, способным ударить ребенка. Способным на убийство.

* * *

После ванной Пайпер помогла Лу распаковать сумку, и девочка увлеченно рассказывала, где ей купили каждую вещь и мягкую игрушку. Пайпер сделала попкорн в микроволновке, и они вместе посмотрели мультики, сидя на диване. Ближе к пяти часам Пайпер вышла из комнаты, чтобы позвонить сестре.

– Черт, Марго, что мне делать? Кристал куда-то пропала, Рэя этого тоже нигде нет, я даже его фамилии не знаю. Не могу же я оставить ее здесь одну.

Она говорила из кухни, а в гостиной на всю орал телевизор – на экране похожие на суши персонажи жуткого мультфильма мутузили друг друга.

– Привози ее сюда, – предложила Марго. – Составит мне компанию, пока ты поедешь в дом престарелых. А когда вернется Джейсон, мы что-нибудь придумаем. Он наверняка в курсе, как связаться со службой защиты детей.

– Ее же отдадут приемным родителям! – возразила Пайпер.

– А разве плохо – жить в хорошем доме с заботливыми людьми?

– Просто это так несправедливо.

– И что, пусть остается в трейлере?

Пайпер промолчала.

– Если у тебя есть идеи получше, я слушаю, – сказала Марго.

«Я возьму ее с собой в Калифорнию, там она будет в безопасности. Найдем психолога, чтобы помог ей справиться с травмой. Девочка заслуживает хорошей жизни», – мысленно проговорила Пайпер.

– Просто забирай ее из этой дыры и вези сюда, а потом разберемся.

– Ладно, – ответила Пайпер. – Уже едем.

* * *

Час спустя Лу сидела скрестив ноги на кровати Марго и учила ее играть в «Сумасшедшие восьмерки» по новым правилам.

– Четверка – пропуск, – увлеченно объясняла девочка, деловито разложив карты веером в руке. Ей нравилось учить взрослых чему-то новому. – Я хожу, а следующий игрок пропускает ход. После королевы меняем направление хода. Если кладешь валета, следующий игрок набирает четыре карты. Понятно?

– Вроде да, – сказала Марго. – Давай начнем играть, а в процессе будешь мне подсказывать, хорошо?

Лу с радостью закивала.

– Я точно могу оставить вас на пару часов? – спросила Пайпер.

Джейсон приедет нескоро. На шестом шоссе серьезная авария: перевернулся тракторный прицеп. Марго ничего не сказала ему про Лу, решив, что в разговоре по телефону он наверняка разозлится, однако, увидев эту прелестную девочку, все поймет.

Пайпер оставила в трейлере записку: «Увезла Лу к моей сестре Марго. Хиллстед-роуд, 185». Ниже добавила домашний номер Марго и Джейсона, свой мобильный и еще большими буквами: «ПОЗВОНИТЕ МНЕ!» Последние два слова она подчеркнула.

– Мы справимся, – сказала Марго. – Правда, Лу?

Девочка кивнула. После купания Пайпер расчесала ее и заплела косичку. От волос еще немного пахло персиком. Лу надела джинсы и розовую кофту с длинными рукавами и значком мира на груди. Марго была по душе компания девочки, да и Лу она сразу понравилась. Лу радостно завопила, почувствовав, как толкается в животе ребенок Марго.

– Купить пиццу на обратном пути? – предложила Пайпер.

– Пепперони! – прошептала Лу.

– Пепперони так пепперони.

– Мне, пожалуй, только салат, – сказала Марго. – Не поверишь, но я до сих пор сыта твоим завтраком.

– Ладно, я поехала. Вернусь через часок.

– А ты куда? – спросила Лу, глядя на Пайпер из-за веера карт.

– Надо навестить давнего друга.

Она решила не говорить о том, что едет к ее бабушке. Лу с Роуз очень сблизилась, но неизвестно, что стало с их отношениями, когда Роуз заболела. Не стоило напоминать девочке о еще одном родственнике, которого она потеряла.

– Передавай ей привет, – с улыбкой сказала Лу, и на мгновение Пайпер с ужасом показалось, что девочка и так в курсе, к кому она собирается и зачем.

Пайпер

В лечебнице Фокскрофт пахло кислым молоком и вареным мясом. Мрачного вида женщины и не менее хмурые мужчины в медицинских халатах толкали по коридорам тележки с лекарствами, едой и чистым бельем. Издалека слышалась музыка – кто-то неумело играл на пианино.

Пайпер шла по лабиринту из коридоров за санитаркой Мардж С., встретившей ее у стойки администратора. На посту медсестер полная женщина с мультяшным Твити на форме говорила кому-то по телефону: «Я вас понимаю, но и вы меня поймите – ей это сейчас вообще не подходит». По каждую сторону коридора располагались комнаты, на всех дверях – яркие таблички с именами пациентов. На некоторых наклейки и плакаты со щенками и котятами, на одной даже венок из искусственных цветов. Кое-где висели ярко-красные знаки «Стоп» и четкие инструкции по обращению с постояльцем. Повсюду стояли медицинские тележки, а в инвалидных креслах дремали старики. Мимо прошаркал древний старичок в выцветшем кардигане. При виде Пайпер он резко остановился и радостно воскликнул:

– Вот ты где!

Пайпер нервно улыбнулась и пошла дальше.

– Пришли, – наконец сказала Мардж С.

На двери висела табличка с одним именем: «Роуз Слейтер». Вторая кровать была пуста и не застелена.

– Роуз, дорогая, к вам посетитель.

Кожа лежащей на кровати женщины выглядела тонкой и бледной, зато на удивление упругой – почти никаких морщин. На Роуз была больничная ночная рубашка и халат. Хотя Пайпер никогда не встречала Роуз и знала ее только по фотографиям, она предположила, что мама Эми будет старше. По снимкам можно было подумать, что Эми больше похожа на тетю Сильви, но теперь Пайпер увидела в Роуз черты своей подруги: аккуратный нос, те же брови и скулы.

Роуз смотрела на нее немигающим взглядом.

Напротив кровати стоял выключенный телевизор. На столике – расческа, кружка с водой и пластиковый кувшин, рядом с кроватью – небольшой комод. На нем Пайпер увидела громко тикающие заводные часы и большую стеклянную банку, которую она сразу же узнала. На дне лежал мертвый мотылек.

– Ты не она, – едва слышно, но внятно сказала Роуз.

Пайпер не поняла, что скрывалось за словами Роуз – разочарование или облегчение при виде нежданного гостя.

– Мисс Слейтер, меня зовут Пайпер. В детстве мы с Эми были близкими подругами.

– Я помню, – кивнула Роуз.

Откуда? Они никогда не встречались. Эми рассказывала?

– Ну, я вас оставлю, – сказала Мардж С. – Если что-нибудь понадобится, нажмите кнопку вызова. И не забывайте, Роуз: если захотите встать с кровати, сначала позовите меня, иначе опять сработает эта надоедливая сигнализация. – Мардж повернулась к Пайпер и весело добавила: – Роуз у нас такая гулена!

– Спасибо.

Санитарка поспешила выйти в суматоху коридора. В раскрывшуюся дверь ворвались звуки: пищала сигнализация, какая-то женщина вопила, чтобы ей вызвали такси. Потом дверь закрылась, и вновь наступила тишина.

– Известно ли вам что-нибудь о моей внучке Лу? – спросила Роуз.

– С ней все хорошо, мисс Слейтер, – с улыбкой ответила Пайпер. – Девочка просто замечательная. Я была с ней весь день, и сейчас она в безопасности.

– В безопасности? Правда? Джейсон мне ни слова не сказал.

– Джейсон? Джейсон Хок?

Роуз кивнула.

– Он приезжал к вам? Когда?

– Вчера утром. Думает, я тронулась умом. Точнее, хочет в это верить. Как и Эми. А по правде только я одна знаю, что на самом деле происходит. Только я вижу все, как оно есть.

– Можно задать вам пару вопросов? – Пайпер подошла ближе к кровати.

– Так вот зачем вы здесь? Хотите узнать про Сильви?

– А еще про Эми и ее семью.

– Да, Эми... Я пыталась предупредить ее, но она не слушала. И отправила меня сюда.

– О чем предупредить?

Роуз выглянула в окно, снаружи темнело.

– Скоро принесут лекарства. – Она перевела взгляд на дверь. – У нас мало времени.

Джейсон

Лучше бы тут на самом деле перевернулся чертов трактор. Врать Марго, особенно после вчерашнего разговора, ужасно не хотелось, но сказать ей правду он не мог. Она стала бы расспрашивать его о случившемся, а о подробностях такого дела не стоит знать тем, у кого скоро будут дети.

Вчера Марго заявила ему:

– Иногда ложь – это не то, что сказано, а то, что скрыто.

А позже, когда Джейсон готовился ко сну, Марго холодным тоном заявила, что сегодня он спит на диване.

– Чего? – изумился Джейсон.

– Нам обоим нужно немного свободы, – решительно ответила Марго. – И времени, чтобы все обдумать.

Всю ночь он ворочался, прокручивая в голове свои действия, которые привели к изгнанию на бугристый диван. Наверняка скоро ситуация разрешится, просто из-за гормонов Марго стала слишком чувствительной – такого ледяного тона от нее Джейсон прежде не слышал. С другой стороны, прежде он ей и не врал. А из-за переживаний и ребенок, и сама Марго могут оказаться в опасности.

Выкинув эти мысли из головы, Джейсон вернулся к осмотру ужасающего места преступления.

Девочку нашли двое пятиклассников, которые шли домой после школы. Тропинка через лес к Батлер-стрит, полна следов от обуви и велосипедных шин. Не тропинка, а настоящая оживленная магистраль, так почему никто ничего не видел и не слышал?

Девочку звали Кендра Томпсон. Школьники сразу узнали ее. Лицо было не тронуто, а вот тело... несчастную словно бросили в клетку со львами. Такого Джейсон не видел даже в своих любимых фильмах про зомби. Зомби до этого далеко.

– Где Луиза? – крикнула миссис Паппам. Она давно работала в школьной администрации и явно планировала оставаться на своем месте до самой смерти. Миссис Паппам была такой же неотъемлемой частью школы, как кирпичные стены и треснутая сантехника. Благодаря выдающихся размеров заду она получила вполне предсказуемое прозвище миссис Поппам, еще когда Джейсон учился в начальных классах. Интересно, сейчас ее кто-нибудь так называет?

– Какая Луиза? – спросил Джейсон. Пока ребята из полиции штата делали свое дело, Джейсону приходилось сдерживать натиск толпы.

– Луиза Беллаванс. Предпочитает, чтобы ее звали «Лу». Она приходила сегодня в школу. Я еще удивилась, думала, девочка пока отдыхает. Но утром на перемене я выглянула в окно, а она играет на площадке с Кендрой. Они сидели на качелях и смеялись.

– Вы уверены? Вы точно видели ее с Лу? – У Джейсона бешено застучало сердце.

– Точно. Я сказала себе, как хорошо, что после ужасной трагедии Луиза вернулась к нормальной жизни и играет со своей лучшей подругой.

Джейсон побежал к полицейским, которые собрались вокруг тела, и сообщил им новые данные, изо всех сил сохраняя невозмутимый вид.

– Эй, шеф Белл, сотрудница школы сейчас сказала, что последний раз видела жертву с Лу – Луизой Беллаванс. Девочкой из мотеля.

– Господи, – вздохнул Белл. – Значит, он убил Кендру и забрал с собой Луизу?

– Может, она убежала? – предположил коп из полиции штата.

– Чертовски странное совпадение, – заметил Тони. – Всю семью Луизы зверски убили пару дней назад. А теперь ее школьная подруга.

– Вдруг... – Джейсон замолчал. – Вдруг его целью была Луиза, а вторая девочка просто оказалась рядом?

Марго настаивала, да и сам Джейсон, если честно, нутром чувствовал, что Эми не убивала свою семью. Может, они оба правы, а настоящий убийца по-прежнему на свободе? И теперь охотится на выжившую Лу, которая стала свидетелем преступления?

Джейсон вспомнил разговор с Роуз Слейтер.

«Ты веришь в монстров, Джейсон?» – спросила она.

«Нет, мэм», – ответил он.

«Вот и моя дочь не верила. Видишь, что с ней стало?»

Видишь, что стало с малышкой Кендрой Томпсон? Интересно, верила ли она в монстров?

– Надо найти Луизу Беллаванс, – рявкнул Тони. – Сейчас же!

Роуз

Девчонка все перебивает, задает не те вопросы. А когда принесут лекарства – уже с минуты на минуту, – ее заставят принять таблетки, и через двадцать минут она отключится и проспит до утра. Потом придет дневная сестра, раздвинет шторы, даст очередные таблетки и заведет разговор о погоде. На прошлой неделе на ее кровать поставили сигнализацию (она научилась ее отключать, хотя виду не подавала).

Сотрудникам и так достается, когда постояльцы пропадают, а Роуз постоянно уходила и отсутствовала по несколько часов.

Конечно, многие терялись – те, кто страдает от старческого слабоумия. Такие уверенно заглядывают в чужие палаты и в ужасе кричат, обнаружив кого-то в своей, как они считают, кровати. Такие заходят в кладовку, думая, что там туалет, или спускаются по ночам в комнату отдыха, заслышав плач невидимого ребенка. Большинство просто ищут выход, желая вернуться домой, но это крыло лечебницы заперто, и их всегда находят. Только не Роуз. Ее исчезновения сбивали всех с толку. Она пропадала ночью. Пропажу обнаруживали во время обхода после полуночи, до самого утра вели поиски, а к рассвету она вдруг появлялась в своей кровати и с удивлением спрашивала, что за суета.

– Я все время лежала здесь, – говорила им Роуз.

– Ну, значит, вы были невидимы, – рявкнула однажды медсестра.

– Все верно, – улыбнулась Роуз. – Я женщина-невидимка.

Та, чью истинную суть никто не видит.

Прозвище так и пристало. «Как там наша женщина-невидимка?» Иногда ее называли «наш Гудини» – не в глаза, а между собой.

Роуз наслаждалась атмосферой загадочности. Ей не нравилось, что они говорили «наша», хотя так оно и было. Она их. Их пленница. Их проблема.

Но они столько всего не знают! Даже не догадываются.

В конце концов, им надоело. Если пациентка поранится, отвечают сотрудники. На ее кровать поставили сигнализацию, а саму Роуз стали пичкать таким количеством успокоительных, что свалится и королева.

Пусть. Впервые за всю жизнь она просыпалась отдохнувшей.

Роуз вернулась мыслями в настоящее, когда Пайпер сдвинула плотную штору и выглянула на улицу. Луч солнца коснулся кровати.

– Я ходила в комнату под башней, – сказала Пайпер.

Роуз пыталась представить эту женщину маленькой девочкой, которая катается на роликах с ее Эми, носит джинсовые шорты и слушает включенный на всю радиоприемник. Пайпер никогда не встречала Роуз, но ее Роуз частенько видела. Тем летом она наблюдала за девочками. Скрывалась то за деревьями, то в башне. Пару раз ее чуть не поймали – сначала тот глупый мальчишка, что вечно торчал в четвертом номере, а потом Эми, которая просыпалась ночью и видела, как мать наблюдает за ней в темноте.

Сколько же ночей Роуз провела в мрачных углах спальни своей дочери, желая узнать, способна ли та превращаться. Она боялась, что Эми тоже станет оборотнем.

«Тише, – говорила она Эми. – Это всего лишь сон. Спи».

– Я ходила туда сегодня. В двадцать девятый номер. – Пайпер говорила громче, чем нужно. – Кто-то недавно там был.

Роуз кивнула.

– Пожалуйста, скажите мне, это она? Сильви вернулась? Она как-то связана с тем, что произошло с Эми и ее семьей?

Роуз смотрела на Пайпер, одновременно прислушиваясь к звукам из коридора. Сквозь шум голосов и звонков она различила легко узнаваемый стук тележки с лекарствами. До ее комнаты оставалось еще четыре или пять других палат.

– Слушай меня внимательно, – сказала Роуз. – Я расскажу тебе всю правду, но времени мало. Не перебивай.

– Хорошо. – Пайпер подошла ближе.

– В том подвале держали не Сильви. Сильви мертва. Уже пятьдесят лет как мертва.

– Вы уверены? – В недоверчивом взгляде Пайпер читалось: «Может, у старушки и правда поехала крыша».

– Еще как уверена, глупая ты девчонка, – прошипела Роуз. – Это я ее убила.

1961

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния
2 октября 1961

Уважаемый мистер Хичкок!

По-моему, со мной что-то не так. По крайней мере, я искренне надеюсь, что все это мне чудится.

Понимаете, мистер Хичкок, похоже, моя сестра Роуз хочет меня убить. С ней происходит что-то ужасное. Она всегда завидовала мне, но сейчас дело не только в этом. В ее ледяном взгляде я вижу ненависть.

Иногда я встаю ночью, а ее кровать пуста. Еще хуже, если я открываю глаза, а она стоит рядом и смотрит на меня.

Однажды я проснулась от того, что Роуз меня душила.

А сейчас я расскажу вам самое страшное. Клянусь, один раз среди ночи в ее кровать попало какое-то существо. Сначала мне показалось, что это собака или медвежонок, но на нем была одежда – платье Роуз. Существо зарылось под одеяло, а когда снова сбросило его, в лунном свете стало видно, что там лежит моя сестра.

Утром на подушке Роуз я нашла жесткий темный мех, а от ее простыни воняло, как от дикого зверя.

Что она такое?

И на что способна?

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

Роуз

Несмотря на исчезновение Сильви, Роуз все равно заставили идти в школу и делать вид, что ничего не произошло.

– Ты никак не сможешь, если будешь просто слоняться по дому, – сказала мама. Она положила в рюкзак Роуз сэндвич с тунцом и отправила дочь к автобусу. Мама никогда раньше не плакала, а сегодня не могла остановиться. Она не смотрела Роуз в глаза и хотела спровадить ее подальше.

Как потом узнала Роуз, папа позвонил в полицию. Сильви объявили сбежавшей. Папа ходил на железнодорожную станцию и на автобусный вокзал, показывал людям снимок Сильви, но никто ее не видел.

– Наверное, отправилась в свой Голливуд, – повторяла мама. – Она всегда была такой мечтательной. С самого детства.

Подруг Сильви поразила новость о ее исчезновении, и они сказали, что не слышали ни о каком плане побега. Однако, по их словам, в последнее время Сильви странно себя вела, и подруги подозревали, что у нее есть тайный поклонник.

Марни, ее самая близкая подруга, предположила, что Сильви поедет напрямик к Альфреду Хичкоку на студию «Юниверсал». Полиция проверила эту зацепку, но помощница режиссера сказала, что мистер Хичкок не знаком с Сильвией Слейтер из Вермонта и не получал от нее никаких писем, однако она обязательно свяжется с полицейскими, если девушка, подходящая под описание, появится на студии.

Роуз проверила: все письма Сильви, которые она доставала из почтового ящика и читала, надежно спрятаны. Никто их не найдет. Долгие годы эти письма служили ее тайным проводником в мир сестры. Что ж, больше писем не будет.

Пока родители спали, Роуз пробралась в мастерскую, взяла фонарик, который достала из рюкзака еще вчера, и пошла к башне. Роуз вспомнила, как прошлой ночью Сильви спросила из темноты: «Что тебе нужно от меня?»

Зайдя в башню, она щелкнула фонариком и на верхнем этаже осмотрелась, будто ожидая, что Сильви еще здесь, прячется в темноте.

Их схватка очень походила на танец, но в итоге Сильви упала с крыши, и в этот момент на ее лице застыло выражение настоящего ужаса.

Роуз выключила фонарик и села, прижавшись спиной к холодной

каменной стене. Глядя на звезды, она думала, как же выглядит ночное небо вдалеке отсюда, например в Голливуде, куда хотела поехать Сильви.

На первом этаже послышались шаги.

– Сильви? – позвала Роуз, в глубине души надеясь, что это сестра. Роуз совсем не пугала мысль о том, что ее сестра монстр и способна сотворить страшные вещи. Вот бы только это была *настоящая* Сильви, вот бы Роуз ошибалась насчет нее, Фентона, всех этих оборотней и мотыльков.

Кто-то поднимался наверх.

Роуз замерла. Слышалось дыхание. Кто-то прошел по второму этажу и уверенно направился к лестнице на крышу. Сжав металлический фонарик над головой, Роуз приготовилась нанести удар.

Вот руки хватают ступеньки, все ближе к полу последнего этажа.

Знакомые руки.

Не Сильви.

А мамыны.

– Что ты тут делаешь? – спросила мама, преодолев лестницу и изящно ступив на крышу.

Странно было видеть здесь маму. Хотя папа построил башню для мамы, она никогда туда не заходила. Наоборот, норовила обойти башню стороной.

– Я не могла заснуть, – ответила Роуз. – Решила пойти поискать Сильви. Она иногда приходила сюда. По ночам.

Мама задумчиво глянула на Роуз. В тот день она впервые посмотрела Роуз в глаза, однако ее взгляд был чужим, непривычным, настороженным. Словно мама только что встретила незнакомца и сомневалась, понравится ли он ей.

Наконец мама засунула руки в карманы шерстяного пальто и тихо сказала:

– Я слышала, как вчера вы с сестрой тут ссорились.

Левый глаз Роуз пронзила острая боль. Она прижала к глазу большой палец и начала массировать его. Скорее бы спуститься вниз, пойти домой и уснуть, лежа в теплой кровати. Может, если она заснет, этот день перестанет существовать.

– Правда?

Мама кивнула в ответ.

– Расскажешь, из-за чего?

– Я пошла в башню за Сильви.

– С цепями и капканами в рюкзаке?

Роуз шумно сглотнула. Как мама узнала про рюкзак?

– Я хотела поймать ее. Ты бы ни за что не поверила мне, пока не увидела, что она такое на самом деле.

– И что она такое, Роуз?

–оборотень. По крайней мере, мне так кажется. Я почти уверена. Они действительно существуют, мама, прямо как в рассказах Омы, которые я помню с детства. И теперь я понимаю, зачем она про них рассказывала. Она знала, что Сильви оборотень, и пыталась меня подготовить. Чтобы я смогла остановить ее, если придется.

И ведь все получилось, верно?

Невыносимая боль пронзала левый глаз острым копьём.

Роуз отчетливо помнила, как вчера ночью возвращалась домой. Тяжелый рюкзак хлопал по спине, в руках она зажала сачок с мотыльком. Сначала мотылек хотел вырваться, а потом затих, смирившись с заточением.

Мама устроилась на полу рядом с Роуз и, прижав спину к холодной стене, глубоко вздохнула.

– Ох, милая, – с печалью вздохнула она. – В одном ты права: оборотни действительно существуют. Твоя бабушка была одним из них.

– Нет, не может быть!

Как Ома могла рассказывать ей страшные истории об этих существах, если сама была такой же?

– Она не помнила, что случилось с ней после превращения, – с жалостью продолжала мама. С жалостью и состраданием. – Она приходила домой в рваной одежде и с кровью под ногтями, но понятия не имела, откуда все это.

У Роуз закружилась голова.

– А она... она не была опасна? Ты не боялась, что она навредит нам?

Роуз было так спокойно в объятиях Омы. От нее пахло мятными леденцами, ее голос убаюкивал.

– Нет, я из-за этого не переживала. Мама контролировала свое состояние – видимо, с возрастом это получается лучше. В качестве дополнительной меры предосторожности она принимала снотворное, которое не давало ей превращаться по ночам.

– И все-таки... приглашать в свой дом... – Роуз хотела сказать «чудовище», но не смогла произнести это слово. – Приглашать того, кто способен на подобные вещи...

– оборотни умеют узнавать друг друга. Так сказать, «носом чуют». Вот я и позвала ее, чтобы Ома посмотрела, вдруг кто-то из вас двоих тоже оборотень. Она сказала, что вы обычные девочки, а значит, мы в

безопасности.

– Но она ошибалась, – произнесла Роуз.

– Верно. Точнее, я думаю, она все знала, но солгала мне.

– Когда ты это поняла?

– Я забеспокоилась, когда ты сказала, что Сильви уходит по ночам. Я стала следить за ней и винила себя, когда обнаружила в башне тело Фентона, ведь я могла это предотвратить. Но я снова ошиблась. Я спрятала тело, смыла кровь и продолжила наблюдать за Сильви, а вчера открыто поговорила с ней.

– Она знала? Знала, что она такое?

Мама молча смотрела на Роуз в лунном свете, а затем ответила:

– Сильви не была оборотнем, Роуз. Оборотень ты.

– Ничего не понимаю. – Роуз упала на колени, обхватив голову руками. Боль волной разливалась по всему телу. Ее тошнило.

Слова мамы повисли в воздухе, и от ярких искорок боль стала только сильнее. Мама была маленькой и далекой, как будто она разговаривала с Роуз с самого конца длинного туннеля, и ее слова отражались эхом.

– Вчера я услышала, как вы ссоритесь, и побежала к башне. Вдруг раздался рык, и я увидела, как Сильви падает с крыши. К счастью, она умерла мгновенно.

– Нет! Она упала, но потом превратилась в мотылька и взлетела вверх!

– Я тебе уже говорила, что мотылек – вовсе не твоя сестра. Сильви сломала шею. Я не могла спасти ее и решила спрятать тело, пока не проснулся отец. Я отнесла ее в лес. – Сделав глубокий вдох, мама потеряла глаза. – Сквозь деревья я увидела на крыше башни черную голову собаки с блестящей шерстью.

– Нет, – выдохнула Роуз.

– Вряд ли ты желала ей зла. Это был несчастный случай. Вы сцепились, ты начала превращаться, а сестра в испуге побежала и сорвалась.

– Но Сильви... – прохрипела Роуз. – Это она. Я видела ее. Видела оборотня...

А как же те странные сны, в которых она видела когти, клыки и кровь? С утра Роуз находила шерсть на подушке, а собственное тело казалось чужим. Она думала, что оборотень спит в соседней кровати, однако все было куда хуже. Монстр жил внутри нее самой.

Вот о чем ее предупреждала Ома, вот к чему хотела подготовить. Поэтому она проводила с Роуз, своей любимицей, так много времени. Они с Омой были одного племени.

Роуз выронила фонарик.

– Ома говорила, что обычно это передается через поколение и мне нельзя заводить детей. Но потом я встретила вашего отца, а он так хотел малышей.

– Папа в курсе? Он знает про оборотней?

Мама покачала головой.

– Я ничего не говорила – ни ему, ни кому-либо еще – и молила Бога о том, чтобы мне не пришлось об этом рассказывать. Когда он начал строить башню, я попросила его сделать тайную темницу, которая защитит оборотня от остальных людей и людей от оборотня, если вдруг кто-то из вас, девочек, им окажется. Я сказала папе, что темница придаст башне достоверности, и попросила построить ее в качестве особого тайного подарка мне.

Сейчас я отведу тебя туда и покажу эту комнату. Ты будешь там только по ночам, пока мы не придумаем другого способа помочь тебе... справляться с этим.

– Тайная комната? – спросила Роуз. Прямо как у Рапунцель, которую злая ведьма заточила в башне. Только мама не злая ведьма, и это не сказка.

– Я показывала ее Оме. Она пришла в ужас. Сказала, что ребенку там не место. Видимо, она солгала, чтобы защитить тебя. Я сама виновата. Если бы только...

Мама заплакала. От всхлипов содрогалось все ее тело.

– В том, что стало с твоей сестрой, я виню себя. Ты не в силах с собой справиться. Надо было остановить тебя. Уже двое погибли, и я уверена, что они не последние.

Двое погибли.

Двое.

– Фентон? – выдавила Роуз.

Мама кивнула.

– Нет. – Роуз отодвинулась в сторону. – Я не могла. Это Сильви. Я пошла за ней в башню. Я *видела*, как она превращается.

Мама покачала головой.

– Разве ты не знаешь, что Сильви делала в башне? Она проводила тут время с Фентоном.

– С Фентоном? Зачем?

– Девочка думала, что влюблена в него. Она во всем мне призналась, когда я спросила ее про ночные гулянья. Сказала, что уже несколько лет ходит туда с Фентоном. Они даже обнаружили тайную комнату, только не поняли ее назначения. Сильви спросила меня про темницу, а я ответила,

что впервые о ней слышу. В общем, поначалу Сильви с Фентоном просто сидели в башне и болтали ночами напролет, а со временем эти встречи приобрели... *романтический* характер. Они планировали вместе сбежать в Калифорнию.

– Но Сильви...

– Сильви больше нет, Роуз. Я похоронила ее там, где никто не найдет. Нам не нужно никаких расследований, иначе семейный секрет раскроют и я не смогу тебя защитить.

Роуз уронила подбородок на грудь и заплакала. Мама стала неуверенными движениями поглаживать ее по спутанным волосам.

– Знаю, трудно поверить, но все будет хорошо. Бабушка научилась сдерживать себя с помощью успокоительных; можем попробовать то же самое и с тобой. Мы что-нибудь придумаем, Роуз.

В тот миг весь мир для Роуз перевернулся.

– Ты сможешь жить нормальной жизнью. Одну дочь я уже потеряла. Я не хочу потерять вас обеих.

В мамином взгляде Роуз видела страх, жалость и что-то еще – отвращение. Как бы мама ни старалась, она никогда не простит ее. Сильви останется хорошей девочкой, прекрасным мотыльком с блестящими бледно-зелеными крыльшками, а Роуз, пусть ее запрут в темнице или станут пичкать лекарствами, всегда будет чудовищем.

2013

Пайпер

Когда медсестра с шумом вкатила тележку в комнату Роуз, Пайпер все еще была в шоке.

– Пора принимать лекарства.

Роуз послушно взяла пластиковый стаканчик с таблетками, запила лекарства водой и проглотила.

– Молодчина, – сказала медсестра. – Зови, если что-нибудь понадобится. – Вежливо кивнув Пайпер, она добавила: – От таблеток наша Роуз станет немного сонной.

– Понимаю, – ответила Пайпер.

Она на самом деле все понимала. Роуз пичкали успокоительными, чтобы она не сбегала, только вот врачам было невдомек, что искали они не пропавшую пожилую леди, а оборотня. Роуз в облике черной собаки. Или даже насекомого. Она сказала, что могла запросто превратиться во что угодно – этот навык оборотни развивают со временем. Она умела менять облик даже во время бодрствования, сохраняя при этом и сознание, и разум человека – по крайней мере, бОльшую его часть. За долгое время Роуз научилась самоконтролю и выверила необходимую дозу мышечных релаксантов, не дающих ей меняться во сне.

Медсестра выкатила тележку из комнаты.

– Шарлотта показывала ее нам в то лето, – сказала Пайпер, заметив, что Роуз смотрит на банку с мотыльком. – По ее словам, вы были уверены, что это Сильви.

Роуз покачала головой.

– Поначалу да, но уже через день я узнала правду: сестра погибла, упав с башни, а мать спрятала тело, чтобы избежать расследования и не выдать тайну нашей семьи.

– Тогда зачем вы сохранили мотылька?

– Наверное, чтобы помнить: все мы заставляем себя верить в то, во что хочется, – с горькой улыбкой ответила Роуз.

– Так это вас видела Эми? Вы оставляли послания в пишущей машинке, а не призрак Сильви?

– Да. Мы с матерью решили, что оставаться в доме мне небезопасно. Вдруг я сорвусь, и Эми увидит мое превращение? Вдруг я, не дай бог, случайно наврежу ей в таком облике?

– Поэтому вы просто бросили ее?

– Я была неподалеку. Мы распространили слух о моих проблемах с алкоголем, и мама говорила всем, что я уехала, чтобы «подлечиться». На самом деле я снимала убогие квартиры и комнатухи в пределах Вермонта, перебивалась чем могла – работала в супермаркетах и прачечных, подворовывала, если совсем прижимало. Понемногу, конечно, чтобы не привлекать к себе внимания. По ночам я иногда приезжала в мотель – посмотреть, что и как. Вот и сегодня, например, я тоже там была, – улыбнулась она Пайпер.

– Так это вы оставили мне записку?

Роуз кивнула.

– Утром в среду тут такая суета – играем в бинго, потом нас навещают школьники из начальных классов. Маленькой птичке легко ускользнуть сквозь открытое окно и мигом очутиться в мотеле.

– Эми была уверена, что это призрак Сильви, и вы не стали ее разубеждать.

– Так было проще. Я знала, что должна держаться от нее подальше, но не могла. Я постоянно приходила туда и наблюдала за Эми во сне, чтобы понять, не стала ли она такой же, как я.

– И что же? Эми оказалась одной из вас? – Пайпер поверить не могла, что она вообще задает подобные вопросы.

– Нет, – ответила Роуз. – Как мама и говорила, обычно это передается через поколение.

Пайпер вскочила со стула.

– Значит, Лу – оборотень?

Облизав губы, Роуз снова кивнула и прикрыла глаза. Лекарство действует быстро, ничего не скажешь. А может, Пайпер просто утомила ее.

– Эми знала?

– Знала, но не хотела верить. Поэтому я вернулась и стала жить с ними. Хотела помочь, как когда-то Ома помогла мне. Я сразу поняла, что Лу – одна из нас, но надо было убедиться. Как только девочка начала превращаться, я решила сказать все Эми, только было уже слишком поздно. Эми сочла меня ненормальной, и тупой муженек ее поддержал.

А на прошлой неделе она в истерике прибежала ко мне – увидела превращение Лу, спрашивала, что делать. Я рассказала ей про лекарства и посоветовала отвести девочку в двадцать девятый номер и держать там, пока Эми не достанет успокоительные и не выверит нужную дозу. Однако Лу намного сильнее меня. Она быстро научилась менять облик днем и принимать любую форму. А еще, как и любой юный оборотень, она действовала импульсивно... и опасно. Превратившись, Лу не всегда могла

себя контролировать.

– Стойте. Хотите сказать, это была Лу? Она убила свою семью?!

Глаза Роуз уже закрылись, голос звучал сонно:

– Оборотень ничего не может с собой поделаться. Он не в силах остановиться.

– О боже. – Пайпер схватила сумку и побежала к выходу. – Марго.

Марго

Марго весь день чувствовала, что что-то не так. Ей было не по себе с самого завтрака, но она винила во всем блинчики. Не съешь она так много, не было бы этих спазмов.

– Кажется, пора сделать перерыв – мне надо в туалет, – сказала Марго.

Лу немного расстроилась. Она четыре раза подряд обыграла Марго в «Сумасшедшие восьмерки» и была готова одержать очередную победу. Они уже делали долгий перерыв, когда Лу ходила на кухню за перекусом – почему-то у нее ушло двадцать минут на то, чтобы намазать желе на крекеры.

Зазвонил телефон, и Марго взяла беспроводную трубку с тумбочки у кровати.

– Алло?

– Марго? Это я, – запыхавшись, сказала Пайпер. – Ты как?

– У нас все хорошо, – ответила Марго.

– Лу еще там? С ней... тоже все в порядке?

– Да, Лу со мной, и у нас все отлично. – Марго с улыбкой посмотрела на девочку, которая слегка нахмурилась. – В карты ее не обыграть! А почему ты спрашиваешь?

– Это Пайпер?

Марго кивнула и подняла палец, как бы говоря девочке: «Подожди». Ей показалось или взгляд у нее какой-то странный? Лу вдруг вскочила с кровати, смахнув карты, и вышла из комнаты.

– Марго, Роуз мне кое-что рассказала. Знаю, прозвучит безумно, но мне кажется, что Лу... – Связь вдруг прервалась.

– Пайпер? Алло?

Лу принесла еще один крекер с желе и плюхнулась на кровать рядом с Марго.

– В чем дело?

– Пайпер хотела узнать, как у нас дела, а на линии, похоже, помехи, – ответила Марго. – Так, я пошла в ванную, потом продолжим играть. Может, пока соберешь колоду и раздашь заново?

Марго начала слезать с кровати – непростое дело с таким огромным животом. Как и советовал доктор, она посидела, поставив ноги на пол, и встала лишь через минуту, но голова все равно закружилась.

– Все нормально? – спросила Лу.

– Вроде того.

Перед глазами у Марго поплыли темные круги. Она резко села обратно на кровать. Пижамные штаны были все мокрые.

Через пару секунд она поняла, в чем дело. Отошли воды.

Марго взяла трубку домашнего телефона и набрала номер Джейсона. Тишина. Не соединяется. Может, аккумулятор сел?

– Лу, детка, не подашь мой мобильный? – как можно спокойнее попросила Марго. – Он вон там, на другой тумбочке.

Лу слезла с кровати и покопалась в вещах на тумбочке со стороны Джейсона.

– Не вижу тут никакого телефона.

– Он точно был там. – Марго тяжело задышала, приближался очередной спазм.

Точнее, не спазм. А схватки.

Ребенок на подходе.

– Ну, а теперь его тут нет, – пожала плечами Лу.

Странно. Марго точно видела телефон на тумбочке. Видимо, ошибалась. Может, Пайпер переложила его куда-то или по ошибке приняла за свой? Ничего страшного, на кухне есть еще одна беспроводная трубка, вставленная в базу. Она позвонит Джейсону, потом Пайпер, скажет, что начались роды. Ни слова про головокружение и черные круги перед глазами. Не стоит их волновать. Надо просто поскорее добраться до больницы, а там уж врачи знают свое дело. Они позаботятся о Марго и ребенке.

– Ладно, – спокойно и уверенно сказала Марго. Так звучал ее материнский голос. Голос женщины, у которой всегда есть план. – Принесешь другой радиотелефон с кухни?

– Конечно, – ответила Лу и выбежала в коридор.

Будто собачьи когти застучали по полу. Что у нее за обувь такая?

Через минуту Лу вернулась с телефоном, и Марго увидела, что девочка босая. Хотя с ногами что-то явно не то: стопы вытянутые, ногти заострились. Марго удивленно моргнула. Из-за давления уже мерещится всякое.

– Спасибо.

Марго нажала цифру быстрого набора для номера Джейсона. Тишина. Она сбросила звонок, нажала другую кнопку. То же самое. Нет гудка.

– Не работает, – пробормотала Марго. Эта трубка всегда стояла на базе, как она могла разрядиться?

Лу взяла с комода свадебное фото Марго и Джейсона в рамке.

– Джей-Джей, – с улыбкой сказала Лу.

– Это мой муж.

Марго вздрогнула, услышав прозвище, которым его называла Эми.

Лу безмятежно улыбнулась.

– Это мамин друг Джей-Джей.

Круги перед глазами Марго увеличились и расплылись. Снова схватки.

Надо дышать.

– Что еще сказала Пайпер, когда звонила? Тетю Кристал не нашли?

– Нет, детка. Мне жаль.

– Хорошо, – сказала Лу. – Она была вредной. Не люблю, когда вредничают.

Марго начала поддаваться панике.

– Еще один телефон есть в кабинете. Не сходишь за ним?

– Ага.

Лу поставила фото на место и выскочила из комнаты. В ее косу что, вплетены перья?..

Лу быстро прибежала с телефоном в руке. Или в лапе с четырьмя кожистыми пальцами? Не может быть.

– Твоя рука, – сказала Марго. Она отчетливо видела острые когти.

– Что с ней? – Улыбаясь, Лу подняла другую руку, которая выглядела вполне нормально.

Марго поняла, что и этот телефон окажется нерабочим. Поняла по странной улыбке девочки, по ее заостренным зубам и по глазам, с которыми точно что-то было *не так* – синяя радужная оболочка закрыла белки, а зрачки превратились в вертикальные щелочки.

Стало темно, словно задернули шторы, и тихо, если не считать странного гула в ушах. И голоса Лу:

– Вы с Пайпер так хорошо со мной обращались. Вы же не станете вредничать?

– Конечно нет, – сказала Марго. – Обещаю.

– Мама тоже обещала, – с печалью в голосе тихо ответила Лу.

– Мне нужна... – Марго попробовала встать, но голова кружилась слишком сильно. – Помощь, – пробормотала она, садясь обратно на кровать. – Сходи за помощью.

– Я уже здесь. – Лу села рядом с Марго и положила руку ей на бедро. Когти пронзили пижамные штаны, и на ткани проступили пятна от крошечных капелек крови. – Я тебе помогу.

Пайпер

Ни Марго, ни Джейсон не брали трубку. После того как разговор с сестрой прервался, к домашнему тоже никто не подходил.

Позвонить в службу спасения? Что она им скажет? Что оставила десятилетнего монстра играть в карты со своей сестрой? После такого Пайпер саму укутала в психушку и накачают успокоительными.

«Может, я и правда ненормальная, раз поверила в сказки Роуз?» – подумала Пайпер, проезжая знак «стоп».

Оборотень ничего не может с собой поделаться. Он не в силах остановиться.

– Возьми чертову трубку! – крикнула Пайпер, нажав кнопку быстрого набора Марго.

Опять голосовая почта.

Она раздраженно швырнула телефон на пассажирское сиденье. По крыше машины стучал дождь. Хотя дворники и обогрев лобового стекла работали на всю, видимость была никакая. Пайпер ехала по Мэйн-стрит, со стороны центра города. Впереди возникла выцветшая вывеска мотеля «Тауэр», а за ней высилось чудовищное сооружение из камня и бетона.

Башня с темницей Шарлотты.

Двадцать девятый номер.

Она хотела уберечь своих детей, но ничего не вышло.

Несмотря на плохую погоду, Пайпер гнала так, что машину заносило на поворотах. Наконец показался дом сестры. Никаких дымящихся руин, как воображала себе Пайпер. Никакой полиции и спецназа.

А надо бы.

Чепуха. Лу – просто маленькая девочка, наверняка они играют в карты, и Марго смеется над ее выдуманными правилами.

Если у тебя король, то забираешь карту у другого игрока. А если туз, то превращаешься в монстра.

Пайпер остановилась, заглушила двигатель и побежала к дому.

– Марго? Лу? – крикнула она с порога. Ее переполнял адреналин, руки тряслись. – Я дома. За пиццей не успела, но могу съездить сейчас. Или закажем доставку. – В ожидании ответа Пайпер шла по коридору, затем заглянула на кухню. – Вы где?

На столе лежала пачка крекеров, все было заляпано сиреневым джемом. Издалека похоже на темную засохшую кровь.

– Еще играете в карты? – веселым голосом спросила Пайпер, направляясь в комнату сестры.

Пожалуйста. Пусть они будут там.

Однако в комнате было пусто. Одеяло сползло на пол, на простыне – огромное мокрое пятно, будто что-то разлили. На полу валялись карты и треснутая тарелка с остатками джема.

В голове Пайпер раздался суровый голос Джейсона: «Постельный режим и никаких переживаний. Если у нее снова подскочит давление, это может быть опасно для них обеих».

– Марго! – в ужасе закричала Пайпер.

Она выбежала из комнаты и бросилась открывать все двери подряд – в ванную, гостевую спальню, прачечную... Сестры нигде не было. Пайпер включила свет в подвале и сошла вниз, но обнаружила там лишь печь, водонагреватель, морозильный шкаф и старый стол для настольного тенниса.

«Куда они, черт возьми, подевались?»

В этот момент снаружи, откуда-то с заднего двора, раздался пронзительный крик.

Кричала Марго.

Джейсон

– Похоже, ее растерзал какой-то зверь, – сказал один из полиции штата. – Это ведь следы от когтей? От ножа таких не бывает.

– Только что за зверь на такое способен? – спросил Тони, направляя луч фонаря на тело.

В поисках Лу полицейские отправились к трейлеру и, осматривая прилегающую территорию, нашли тело Кристал между мусорным баком и бетонной стеной в дальней части трейлерного парка. На ней были спортивные брюки, футболка и шлепанцы – шла выносить мусор.

– Медведь? – предположил один из парней.

– Не-а, местные медведи так не нападают, – ответил Джейсон.

– Тогда кто? Кугуар? – спросил Тони.

– Возможно. Хотя крупные кошки не появлялись здесь уже много лет.

Покинули эти места.

– Одна, видимо, осталась. – Тони посветил фонариком в сторону леса за трейлерным парком. – Надо прочесать все вокруг. Не знаю, человек это или зверь, но наверняка должны быть следы. Может, отпечаток лапы. За работу.

Офицер Малкольм Диверс вышел из трейлера с листком бумаги в руке.

– Кажется, я знаю, где искать девочку, – сказал он.

– Где? – спросил Тони.

– Она в доме Джейсона и Марго.

– *Что?* – Джейсон выхватил записку из рук Диверса и узнал почерк сестры своей жены. Пробормотав: «Да чтоб тебя, Пайпер», он побежал к машине и помчался домой.

Пайпер

– Марго! – крикнула Пайпер, глядя на задний двор сквозь залитое дождем окно. Она включила прожектор, который освещал задний двор, и вышла на террасу. Чехол со встроенного бассейна был снят – Джейсон начал отчищать его к лету. Голубой бетон напомнил о детстве, когда двенадцатилетняя Пайпер вместе с Эми гонялась за Марго по дну бассейна.

Сейчас ни сестры, ни Лу не было видно.

Аккуратный дворик украшали клумбы с многолетними растениями, а еще здесь были небольшой огород и идеальный газон, за которым начинался лес.

– Марго? – опять позвала Пайпер.

– Пайпер! – раздался голос Марго из темноты. Затем донесся гортанный рык.

Пайпер побежала к сестре.

За кругом света от прожектора стало невероятно темно. Пайпер заморгала, давая глазам привыкнуть к мраку, но едва могла различить очертания деревьев. Тьма. Непроглядная тьма. Дождь стучал по листьям, и эта барабанная дробь заглушала все остальные звуки.

Впереди, слева, послышался стон.

– Иду! – крикнула Пайпер. Вытянув руки вперед, она двигалась перебежками, неуклюже спотыкаясь и слыша только собственное дыхание.

Наконец она увидела поляну и бледные очертания Марго во фланелевой пижаме. Сестра лежала на земле, свернувшись в позе эмбриона и обхватив руками живот.

– Марго! – Пайпер побежала быстрее и присела на корточки с ней рядом. Здесь темнота рассеивалась, сквозь облака проникал голубоватый лунный свет. – Господи, ты как? Что ты тут делаешь?

Марго быстро и тяжело дышала, но где-то позади слышалось еще чье-то фыркающее дыхание. Хрустнули ветки. Что-то мелькнуло среди деревьев.

– Лу... – выдохнула Марго. – Она... она превратилась. В животное...

– Ты не ранена?

– У меня начались схватки, а телефоны... Я просто хотела убежать от нее. Думала, срежу через лес и дойду до дороги...

Даже в тусклом свете Пайпер разглядела лицо сестры и поняла, что та ужасно напугана.

– Надо ехать в больницу, – сказала Пайпер, стараясь придать голосу уверенности. – Можешь идти? – спросила она, взяв Марго под руку.

– Голова ужасно кружится. Когда встаю, перед глазами все плывет. Иди разыщи Джейсона.

– Я тебя тут не оставлю.

В этот момент из темноты раздалось жуткое рычание.

Почувствовав резкий запах, отдающий сыростью, Пайпер медленно обернулась, прикрывая собой сестру и ожидая увидеть некое кошмарное существо из фильма ужасов. Припав к земле, за ней наблюдала пантера. Черная шерсть блестела от дождя, глаза сияли в свете луны. Между ними было около трех метров.

– Привет, Лу, – сказала Пайпер, с трудом веря, что перед ней та самая девочка, которую она оставила с сестрой несколько часов назад.

Пантера рыкнула, обнажив клыки.

– Я тебя не обижу. – Пайпер подняла руки. – Ты ведь тоже не хочешь навредить нам с Марго?

Казалось, пантера внимательно слушает и раздумывает над ее словами. Зверь замер на месте, словно статуя.

– Если позволишь, я помогу тебе. Однажды я помогла твоей маме, мы тогда были еще девочками. Я не знала, что происходит, но теперь я все понимаю.

Пантера вдруг наклонила голову и стала вглядываться в темноту. Обернувшись, Пайпер увидела, как из-за деревьев вышла большая лохматая собака – черная, с укороченной седой мордой и ушами торчком. Издалека такую можно было принять за небольшого медведя. Теперь ясно, откуда все эти истории Эми о собаке-призраке, которая приходила к ней ночью.

– Роуз, – сказала Пайпер.

Собака подошла ближе – голова опущена, шерсть на загривке встала дыбом. Роуз была готова защищать себя. Защищать свою семью. Пайпер сохраняла спокойствие, помня, что это по-прежнему Роуз, что внутри зверя остается разумное существо, которое лишь заботится о внучке.

– Похоже, мы обе думаем об одном и том же... – начала Пайпер, однако ее вдруг перебил чей-то едва слышный голосок:

– Бабушка?

Пантера вновь стала маленькой девочкой. Обнаженная, Лу стояла на четвереньках на земле. Ее глаза странно блестели, а руки... это были вовсе не руки, а изящные черные лапы. Пайпер изумленно наблюдала за тем, как вместо лап опять появляются детские пальчики. На бледных запястьях Лу

проступили синяки.

Синяки от кандалов, в которые мать заковывала ее в башне, стараясь уберечь от людей.

Однажды Смерть постучится к тебе,
Ты узнаешь лицо, вы встречались.

Полностью превратившись в человека, Лу встала на ноги.

Собака рывкнула и подбежала к девочке. Обойдя ее кругом, она бросилась к густым зарослям деревьев – и опять подошла к Лу. Она звала ее за собой в лес.

– Лу? – Пайпер посмотрела девочке в глаза, которые теперь выглядели по-человечески. Глаза были голубыми, как у ее матери. – Не спеши принимать решение. Можно научиться контролировать свою силу и жить нормальной жизнью.

Лу покачала головой:

– Мама тоже так говорила. А потом посадила меня под замок, как животное в зоопарке, и стала давать таблетки, от которых все время спишь.

Собака ткнула мордой в ладонь Лу.

– Мы что-нибудь придумаем, – сказала Пайпер. – Мы справимся, я уверена.

Смерть – это ты, а ты – это смерть,
Нужны ли еще подтверждения?

– А может, я не хочу. – Лу погладила собаку по голове. – Может, я нравлюсь себе такой. У меня получается. Ни у кого в нашей семье не было таких способностей.

Собака гавкнула, соглашаясь, и толкнула девочку в бок, уводя за собой.

– Я могу превратиться во что угодно, – продолжала Лу. – В птицу, в пчелу, даже в пантеру.

На последнем слове она улыбнулась, обнажив все еще заостренные зубы.

– Но всегда ли ты в силах контролировать себя? Наверняка иногда ты превращаешься, сама того не желая. И причиняешь боль близким людям.

Девочка замерла, изумленно глядя на Пайпер.

– Я...

– Что случилось той ночью? Что случилось с твоей семьей?

– Я не... – Лу запнулась, ее голос дрогнул. – Я не хотела. Она заперла меня в подвале и привязала к кровати. Там было ужасно темно и холодно. Я не могла сдвинуться с места. Я кричала, звала ее, умоляла выпустить меня. А потом я вдруг оказалась в доме, и мама, она... – Лу не договорила и заплакала. Пусть она и чудовище, она все равно была маленькой девочкой, которая все потеряла. Которая уничтожила тех, кто был ей дорог.

– Роуз, поймите, для Лу это не выход, – обратилась Пайпер к собаке. – Эми была бы против.

Собака неодобрительно зарычала.

– Марго! – раздался мужской голос со стороны дома. Это был Джейсон. Марго застонала в ответ.

– Она здесь! – крикнула Пайпер.

– Нет! – разозлилась Лу. – Не зови его сюда! Он не поймет, к тому же он полицейский. Если он узнает...

Лу была ужасно перепугана.

– Не бойся, – успокоила ее Пайпер. – Я разберусь с Джейсоном. Я помогу тебе, обещаю.

Среди деревьев мелькал свет фонарика, шуршала листва.

– Мама тоже так говорила. – Голос Лу прозвучал низко, утробно, совсем не по-детски. Она вдруг припала к земле, и на мгновение можно было подумать, что луна просто зашла за облака и от этого кожа девочки потемнела, но ее тело действительно покрылось блестящей черной шерстью, под которой проступили упругие мышцы. Конечности вытянулись в мощные лапы. На месте маленькой девочки появилась пантера с гладкой черной шкурой и желтыми глазами и с угрожающим рыком обнажила клыки.

Джейсон

Джейсон с визгом затормозил у дома. Везде горел свет, дверь была распахнута. Он бросился внутрь, выкрикивая имена Марго и Пайпер. В ответ тишина. На кухне все вверх дном, а в спальне еще хуже. Следы борьбы.

– Черт! – Сердце бешено стучало. – Черт, черт, черт.

Доктор предупреждал, что Марго нельзяшний раз вставать с постели. Если с ней или с ребенком что-то случится...

– Марго! – заорал Джейсон, носясь по дому. Раздвижные двери на террасу были открыты, во дворе тоже горел свет. Вдруг послышались голоса. Голос Пайпер и какого-то... ребенка? Звук шел из темноты леса за двориком. Джейсон вышел наружу, под дождь, и посветил фонариком на густые заросли.

– Марго!

– Она здесь! – откуда-то из леса ответила Пайпер.

Джейсон побежал, подсвечивая себе путь фонариком. Он пересек двор и нырнул в лес. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за руки, не давая пройти. Как Марго могла здесь очутиться? Видимо, это как-то связано с Лу, этой девочкой. Может, убийца выследил ее и вместе с Марго загнал в лес? Вдруг они ранены и преступник все еще рядом?

Он снова услышал голоса, а затем сердитый рык большой кошки.

Джейсон достал пистолет.

– Марго!

Он побежал быстрее, не смотря под ноги, спотыкаясь и с ужасом представляя себе, что там происходит.

На поляне Джейсон осветил фонариком ужасающую картину. Такого он не ожидал.

Марго лежала на боку на укрытой листьями земле, зажмурившись и тяжело дыша.

В паре метров от нее стояла пантера с блестящим черным мехом. Кошка резко зашипела, когда Джейсон направил на нее луч света. От пантеры не отходила огромная черная собака с острыми зубами.

Джейсон сразу понял, что эта кошка и убила их всех: Кристал Беллаванс, девочку, что нашли за школой, Эми и ее семью. Он поднял пистолет и прицелился.

– Стой! – завопила Пайпер, закрывая зверей своей грудью. – Убери

пистолет. Она и так напугана.

Пантера прижала уши и, припав к земле, практически легла прямо перед Марго. Та в ужасе захныкала. Собака, угрожающе рыча, тоже подошла ближе.

– Отойди, Пайпер, – велел Джейсон. Не лучшее время вступаться за права животных. Неужели Пайпер не понимает, что они в опасности?

– Ради бога, выслушай меня! – Пайпер снова закрыла собой цель и затараторила: – Ты не поверишь, но...

Марго вдруг странно задергалась, и Джейсону стало не до пантеры и бессвязной речи Пайпер. Марго выгнула спину и стиснула челюсти, глаза закатились. Она забилась в конвульсиях, как будто ее ударило током.

– Марго! – Джейсон опустил пистолет и подбежал к жене. Пантера отскочила в сторону и умчала в лес, собака поспешила за ней. Джейсон опустился на колени и положил фонарик на землю. Свет падал на перекошенное лицо Марго.

Пайпер тут же оказалась рядом с сестрой.

– Господи, у нее что, припадок? Что нам делать?

– Держи. – Джейсон дал ей пистолет. – Стреляй, если подойдут ближе.

– Джейсон, они ушли.

Джейсон оглянулся. Пайпер права, звери исчезли.

– Все равно возьми, – проворчал он. Пайпер послушалась.

Джейсон осторожно придерживал голову Марго, чтобы она не ударилась о землю – так его учили на основах медицинской помощи. А еще надо считать время между приступами, чтобы потом сообщить медикам. Однако рассудок вдруг куда-то исчез, и он мог лишь держать ее голову, бездумно бормоча: «Все хорошо, Марго, все хорошо, успокойся, все в порядке», хотя было ясно, что все вовсе не хорошо. Ей нужно в больницу, где есть современное оборудование, лекарства и врачи, – и поскорее.

Когда судороги наконец утихли – эта минута показалась ему вечностью, – Джейсон взял Марго на руки и встал.

– Идем. Надо отвезти ее в больницу.

Пайпер шла впереди, подсвечивая фонариком дорогу. Пантера и собака исчезли, словно здесь их и не было.

Пайпер

Пайпер мерила шагами комнату ожидания, хлюпая промокшими туфлями. Хотя в машине Марго пришла в себя, в больнице стало ясно, что и ей, и ребенку грозит серьезная опасность. Джейсон связался по рации с отделением экстренной помощи, и их встретила целая команда медсестер и врачей. Несмотря на кажущуюся суматоху, все было под контролем – Марго надели кислородную маску, поставили капельницу и дали лекарства, затем взяли кровь на анализы и подключили ее к куче разных мониторов. Пайпер успела поцеловать сестру и шепнуть: «Люблю тебя, ты справишься», а потом Марго увезли в операционную для кесарева сечения. Джейсон шел следом, держа жену за руку.

Прошло два часа, новостей пока не было. Пайпер сделала глоток кофе, который уже давно остыл.

В комнату ожидания вошел Джейсон – весь взъерошенный, зато сияющий от радости.

– Все в порядке, – сказал он дрогнувшим голосом. Пайпер подбежала и обняла его. – У нас здоровенькая девочка! Марго очнулась и чувствует себя вполне бодро, врачи говорят, опасность миновала. Ох, Пайпер, малышка просто красавица!..

Джейсон плакал, да и Пайпер не сдерживала слез. Они крепко обнимали друг друга, и в этот момент Пайпер поняла, как сильно он любит Марго. Все остальное – Лу, Эми, – все это сейчас было не важно. Главное, что Марго и ребенок в безопасности.

Разомкнув объятия, Джейсон сказал:

– Перед операцией она несла полный бред. Наверное, из-за лекарств... Сказала, что Лу превратилась в какого-то монстра, поэтому Марго и убежала в лес, чтобы спастись от нее. А потом Лу стала пантерой, и вообще это она убила свою семью. А той большой собакой, по словам Марго, была Роуз Слейтер...

Не услышав смеха в ответ, Джейсон замолчал.

Глядя на него, Пайпер думала о том, что в детстве он вечно был для них лишним. Пора Джейсону стать своим.

– Знаю, звучит безумно, – сказала Пайпер, – но это правда. Давай присядем, я все тебе расскажу.

И она рассказала, не упуская ни одной детали. Сначала про чемодан, который они нашли тем летом. Про темницу в башне, про скелет, про то,

как Роуз убила Фентона и Сильви, а Лу – своих родных. Рассказала про оборотней – что они выглядят как обычные люди, но могут принимать любой облик и эта сила – или проклятие – передавалась по наследству в семье Эми. Рассказала, как пробовала помочь Лу, ведь так хотела бы Эми, однако девочка решила остаться с бабушкой и жить жизнью оборотня.

Когда Пайпер закончила, Джейсон уставился на нее немигающим взглядом.

– Пайпер, я... я просто не могу поверить...

– Неудивительно. Я и сама думаю, что сошла с ума, а все это какая-то замысловатая галлюцинация, – усмехнулась она. – И все же это правда, и я должна была тебе рассказать. Больше никаких секретов, ладно?

Похоже, Джейсон был совершенно растерян и наверняка считал ее ненормальной, но у него просто не было сил больше спорить.

– Никаких секретов, – наконец сказал он. – А теперь идем. Познакомлю тебя с племянницей.

* * *

Пайпер держала на руках запеленутую девочку, малышку Эллу. По пять прекрасных пальчиков на каждой ручке и ножке. Серо-голубые глаза на забавном сморщенном личике.

Марго сидела на больничной койке, откинувшись на подушки, усталая, но невероятно счастливая. Пока Пайпер ворковала над Эллой, зашла медсестра, чтобы проверить показания на мониторах и повязку на животе Марго.

– С мамочкой все отлично, – с улыбкой сказала медсестра. Джейсон стоял с другой стороны кровати и держал Марго за руку.

– Мамочка, – сказал он, когда сестра вышла, и поцеловал Марго в щеку.

Девочка потянулась к груди Пайпер.

– По-моему, она голодная.

– Вечно голодная, – рассмеялась Марго. – Как и ее папа.

– Какая же она красивая, – сказала Пайпер, передав малышку маме. Она встала рядом с Джейсоном, обняла его за талию, и они вместе стали смотреть на ребенка. Из-под пеленки высунулась маленькая ручка, крошечный ротик широко открылся в поисках еды.

Поймав взгляд сестры, Марго мысленно спросила: «Вот это да, что ты ему такое сказала?» Пайпер улыбнулась и качнула головой, как бы говоря:

«Все в порядке. Потом расскажу».

Марго кивнула и посмотрела на Эллу, которая начала сосать молоко.

– Она просто прекрасна, – сказала Марго.

Джейсон

Утром, пока Марго и малышка еще спали, Джейсон позвонил в участок, чтобы узнать, есть ли новости о Лу.

– Девочки нигде нет, ищут по всему штату, – сообщил Маклеллан. – Похоже, ее бабушка, Роуз Слейтер, тоже исчезла – последний раз ее видели в доме престарелых вчера вечером.

– Странно. – Джейсон прикусил губу. Ему вспомнился рассказ Марго и Пайпер о том, что та огромная собака и была Роуз Слейтер.

– И это еще не все, слушай дальше. Только что поступил звонок. Мотель «Тауэр» горит, вся чертова развалюха в огне. Я сейчас туда еду.

Джейсон повесил трубку и рассказал все Пайпер.

– Езжай в мотель, а я побуду с Марго и малышкой. Вдруг ты там нужен.

* * *

Подъездная дорожка была забита машинами пожарных и спасательных служб, так что Джейсон припарковал свой автомобиль на улице, прямо у старой вывески мотеля.

Облака дыма виднелись издалека. Густой и черный, вскоре он накроет весь Лондон. Пахло не сигаретами и не костром, а опасностью. Стоял запах химикатов и плавящегося пластика.

Все было в огне: и дом, и два ряда номеров мотеля, и покосившаяся башня. Джейсон глянул на четвертый номер, в котором он часто проводил время, воображая себя взрослым. Пламя вырывалось из проваленной крыши.

На вызов приехали все пожарные города. Они заливали огонь из шлангов, но было ясно, что мотель не спасти. Теперь главное – не дать огню перекинуться на лес, иначе многоквартирные дома за ним тоже будут в опасности.

– Кто-нибудь в курсе, что тут произошло? – спросил Джейсон у начальника пожарной бригады.

– Все было залито бензином, – ответил тот и поспешил встретить пожарную машину, которая только что приехала на подмогу из Барра.

Джейсон стоял на подъездной дорожке, как тысячу раз прежде, и

смотрел на окно спальни Эми. Из него клубами валил дым. Крыша была объята пламенем.

Жил-был мальчик, который любил одну девочку и повсюду таскался за ней, как побитый пес. Глубоко внутри он понимал, что так и не перестал бегать за ней, по-прежнему видел эту девочку в снах и выкрикивал ее имя.

Эми, Эми, Эми.

Джейсон не забыл ее. Он понял это на прошлой неделе, когда сидел за кухонным столом напротив Эми; понял и возненавидел себя за это.

Сейчас пришла пора отпустить ее, раз и навсегда.

Дым взлетал в небо, обретая форму – сначала призрака, потом птицы, потом многоголового монстра и, наконец, прекрасной девочки со струящимися волосами и длинными ногами. Джейсон чувствовал едкий привкус дыма. Привкус разрушения.

Когда-то давно Эми два раза поцеловала его на дне бассейна и, поддразнивая, называла Джей-Джеем, а он оставлял ей в башне мятые сигареты. Пусть все эти воспоминания улетучиваются вместе с густым черным дымом и исчезают в небе. Теперь ему больше всего хотелось уехать отсюда и никогда не возвращаться.

Он пошел обратно по дорожке. Все пожарные сосредоточились на доме, башню никто не тушил. Почерневшая и объятая огнем, она походила на обваливающийся дымоход.

Деревянный пол рухнул вместе с балками потолка. Без опоры башня покосилась и начала разваливаться. Вниз падали огромные куски камня и бетона. Огонь пожирал ее, как голодный зверь.

Джейсон вспомнил о безумной истории, что рассказала ему Пайпер. Вспомнил про двадцать девятый номер, тайный подвал под башней, в котором запирали чудовищ, чтобы уберечь их от людей.

Такую историю могла бы сочинить Эми, когда они еще были детьми. Она показывала Джейсону размытый полароидный снимок, умоляя поверить, что на нем изображен призрак. И на прошлой неделе Эми обратилась именно к нему, именно ему сказала, что бред ее матери о монстрах – не такой уж бред.

Сквозь пламя и дым, уносящий призрачные воспоминания, Джейсон заметил какое-то движение. Прямо из-за башни, справа у леса, за ним следили две пары глаз.

Огромная черная собака и дикая кошка. Джейсон посмотрел на пожарных и снующих туда-сюда полицейских, затем перевел взгляд на горящие здания. Животных никто не замечал. Никто, кроме него.

Джейсон двинулся в их сторону, сначала медленно, а затем, когда

собака с пантерой пустились обратно в лес, перешел на бег.

Он достал пистолет и, промчавшись по заросшей тропинке у бассейна, по которой в детстве ходил тысячу раз, последовал за ними.

Животные были проворны и изящны, а Джейсон натыкался о корни деревьев и стволы сосен.

Наконец они замерли и посмотрели на него. Джейсон поднял пистолет.

Пантера поймала его взгляд, и ее странные голубые глаза показались знакомыми. Голубые глаза?

Не может быть.

– Лу? – неуверенно позвал Джейсон, опуская пистолет.

Собака подтолкнула пантеру и скрылась в зарослях. Большая кошка долго не сводила глаз с Джейсона, однако в конце концов медленно ушла вслед за собакой, сливаясь с темнотой.

* * *

Мистеру Альфреду Хичкоку
Студия «Юниверсал»
Голливуд, Калифорния
14 апреля 1961

Уважаемый мистер Хичкок!

Иногда я четко представляю свое будущее: я в Голливуде. Мама только смеется и качает головой, но я все равно мечтаю, как буду стоять прямо перед знаменитым знаком на Голливудских холмах и обо мне напишут во всех газетах: Сильвия Слейтер, звезда большого кино.

Я буду сиять на экране.

Я стану известной.

И буду жить вечно.

Как можно не мечтать о таком?

Искренне ваша

Мисс Сильвия А. Слейтер

Мотель «Тауэр»

Шоссе 10, дом 328

Лондон, Вермонт

notes

СНОСКИ

1

Ramble (*англ.*) – бродить, гулять.